

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

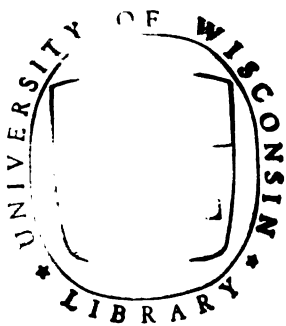
About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

508.1
+L29

Ocherki, zamietki i dokumenty po
istorii Malorossii

ALEKSANDR MATVEEVICH LAZAREVSKIĬ

17

**ОЧЕРКИ,
ЗАМѢТКИ И ДОКУМЕНТЫ**

ПО

ИСТОРИИ МАЛОРОССІИ.

Ал. Лазаревскаго.

У.

Съ рисункомъ Т. Г. Шевченка и портретомъ Мазепы.

Кіевъ, типографія Императорскаго Университета Св. Владимира
Н. Т. Корчакъ-Новицкаго, Мих. ул., д. № 4-й.
1899.

3956
no

Отъ редакціи ун-та
Купчикъ 29 Октября 99
9(47)
1-17

ОЧЕРКИ, ЗАМѢТКИ И ДОКУМЕНТЫ

ПО

ИСТОРИИ МАЛОРОССІИ.

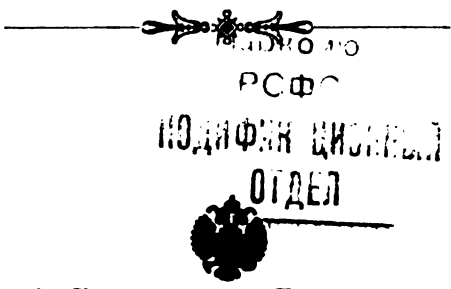
L. LAZAREVSKII
Ал. Лазаревскаго.

1937 г. е.
Д
1940 118
53

—

V.

Съ рисункомъ Т. Г. Шевченка и портретомъ Мазепы.

Кіевъ, типографіи Императорскаго Университета Св. Владимира
Н. Т. Корчакъ-Новицкаго, Мих. ул., д. № 4-й.
1899.

Дозволено цензурою. Київ, 10 марта 1899 г.

DK
508.7
+ L29

СОДЕРЖАНИЕ.

	стр.
1. Заѣтки о Мазепѣ. (По поводу книги <i>Θ. М. Уманца</i> «Гетманъ Мазепа»).	1—81
2. Предки П. А. Кулиша	81—85
3. „Богданъ Хмельницкій“. Анонимная поэма тридцатыхъ годовъ.	85—91
4. Изъ семейной хроники Берловъ. (1672—1805)	91—124
5. Рисунокъ Новопетровскаго укрѣпленія Т. Г. Шевченка. (Съ рисункомъ)	124—128
6. Чепѣга, Головатый и Котляревскій на Кубани. (1795—1798). (Рецензія 4-го тома Сборника матер. по исторіи Кубанск. коз. войска, И. И. Дмитренко)	128—138
7. Заѣтки о портретахъ Мазепы. (Съ портретомъ Мазепы по норбленовской гравюрѣ)	139—148

Снимокъ съ гравюры Норблена.

Гетманъ Иванъ Мазепа.

ЗАМѢТКИ О МАЗЕПѢ.

(По поводу книги *Θ. М. Уманца „Гетманъ Мазепа“*).

I. Мазепа до поставленія гетманомъ.

Главная задача книги *Θ. М. Уманца* заключается въ „выдѣленіи свѣтлыхъ точекъ въ политической и частной жизни Мазепы“, такъ какъ „на Мазепѣ много пятенъ“, да притомъ „общая молва стусила темныя краски“. Задача выбрана во всякомъ случаѣ интересная. Несомнѣнно, что Мазепа былъ человѣкъ большого ума и еще большого характера, а тѣ яркія перипетіи, которыя случились въ его жизни, сдѣлали изъ него героя, годнаго во всякій романъ. О такомъ человѣкѣ всегда можно сказать много новаго, если особенно недостатокъ документальнаго матеріала заставляетъ историка прибѣгать къ догадкамъ.

Изслѣдуя личность Мазепы, какъ историческаго дѣятеля и частнаго человѣка, авторъ настоящей книги не пишетъ исторіи его гетманства со всѣми внѣшними событіями послѣдняго, а беретъ только крупныя моменты изъ жизни Мазепы, отдѣляя для каждой изъ нихъ особую главу. Такихъ главъ семь: а) *Молодость Мазепы*, б) *У Дорошенка*, в) *Семья Самойловичей*, г) *Быть или не быть*, д) *Поздняя любовь* и е) *„Шведская инкурсія.“*¹⁾

Книга г. Уманца написана живымъ языкомъ, и нѣкоторый результатъ отъ этого несомнѣнно получился: книгу его прочли многіе изъ тѣхъ читателей, которые *учеными* книгъ почти не читаютъ. А здѣсь, кромѣ довольно своеобразнаго языка (много словъ и выраженій—изъ домашняго обихода), еще и всегда инте-

¹⁾ Въ восьмой главѣ заключаются обзоріе портретовъ Мазепы.

ресная личность Мазепы... Но книга г. Уманца интересна и для людей, обязательно читающих ученых книги.

Представляя здѣсь свои замѣтки на книгу г. Уманца и по поводу ея, мы впередъ говоримъ, что, хотя во многомъ личность Мазепа представляется еще неясною, но для оцѣнки нѣкоторыхъ эпизодовъ изъ общественной и частной его жизни собрано уже достаточно историческаго матеріала, чтобы не обращаться къ помощи предположеній и догадокъ... Замѣтки наши будутъ слѣдовать въ порядкѣ отмѣченныхъ у автора моментовъ изъ жизни Мазепы.

1. *Молодость Мазепы.* Первый критическій сводъ генеалогическихъ и біографическихъ свѣдѣній о Мазепѣ принадлежитъ извѣстному знатому историі правобережной Малороссіи Эд. Руликовскому, который въ *газетной корреспонденціи* сообщилъ обстоятельный перечень собранныхъ имъ свѣдѣній, какъ о происхожденіи Мазепы, такъ и о его молодости ¹⁾. Приведа имена Николая, Федора, Адама и Яна Мазепъ (Dzienn. W., № 196), Руликовскій никакою родственной связи между ними не устанавливаетъ за нимѣніемъ къ тому данныхъ. Тутъ все однѣ лишь догадки... ²⁾ Черезъ два года послѣ статьи Руликовскаго, появилась другая статья—„Мазера. Noty historiczne“, ³⁾ авторъ которой, положивъ въ основу свѣдѣнія Руликовскаго, дополнилъ ихъ печатными, при чемъ указалъ едва-ли не всю тогда извѣстную литературу о Мазепѣ; впрочемъ, ничего существеннаго къ свѣ-

¹⁾ Dziennik Warszawski 1854 г., №№ 196—198. При этомъ Руликовскій воспользовался двумя цѣнными замѣтками Ю. Бартошевича о Мазепѣ (его попытка къ Тетерѣ), напечатанными въ томъ же Dzienn. Warsz. въ 1853 г., №№ 150 и 186. Статья Руликовскаго дополнена примѣчаніями Бартошевича, которочу, какъ видно, она сообщена была въ рукописи.

Раньше статьи Руликовскаго была напечатана отерекъ жизни Мазепы, принадлеж. польск. ученому Ал. Пршедѣцкому („О Мазеріе,“ Athenaeum, 1842 г., № 1, стр. 28—61), но здѣсь—сводъ однихъ печатныхъ свѣдѣній.

²⁾ Статья Руликовскаго вызвала замѣтку Тим. Липинскаго (Т. ж., № 211), въ которой указывается, что въ актѣ 1572 г. значится не Николай, а Михаилъ Мазепа.

³⁾ Авторомъ этой анонимной статьи Бартошевичъ называетъ какого то Чомбера (Swięcki, Histog. Pamiątki, I, 366), лица совсѣмъ неизвѣстнаго въ польской литературѣ.

дѣніямъ Руликоскаго Чомберъ не прибавилъ. Затѣмъ, сводъ свѣдѣній Руликовскаго былъ повторенъ Ю. Бартошевичемъ, въ 1858 г., въ его дополненіяхъ къ книгѣ Свѣнцикаго ¹⁾, со включеніемъ перечня документовъ, порученныхъ королемъ Мазепѣ въ 1663 г., при послыжѣ его къ Тетерѣ. Позднѣйшія свѣдѣнія о происхожденіи Мазепы и о его молодости принадлежатъ тому же Руликовскому и помѣщены въ его статьѣ о селѣ Мазепинцахъ (Słown. Geogr., VI, 183—184). Здѣсь Руликовскій, говоря о происхожденіи Мазепы, называетъ Михайла Мазепу, получившаго въ 1572 г. отъ Сигизмунда-Августа привилей на земли по р. Камяницѣ, и Николая Мазепу, показаннаго въ 1616 г. владѣльцемъ хутора надъ „Камяницей“, ²⁾ и говоритъ, что, кажется, сыномъ этого Николая былъ Адамъ Мазепа, за которымъ по акту 1659 г. было укрѣплено село Мазепинцы, при чемъ въ этомъ актѣ называется и сынъ Адама—Янъ. Въ актѣ 1659 г. Адамъ Мазепа называется „шляхтичемъ и жолнеромъ“, а въ актѣ 1662 г. тотъ же Адамъ Мазепа называется уже „подчашимъ Черниговскимъ“, а черезъ три года (1665 г.) подчашимъ Черниговскимъ былъ сынъ умершаго Адама—Янъ. Сообщивъ эти документальныя свѣдѣнія о *Мазепахъ*, Руликовскій ставитъ вопросъ: этотъ ли самый Янъ Мазепа, сынъ Адама, былъ гетманомъ?—Руководясь тѣмъ, что гетманъ Мазепа самъ говоритъ, что онъ родился въ Мазепинцахъ, Руликовскій полагаетъ, что Янъ, сынъ Адама, былъ именно гетманъ ³⁾.—На основаніи приведенныхъ свѣдѣній г. Уманецъ уже категорически говоритъ: „Родъ гетмана Мазепы принадлежитъ къ самымъ древнимъ въ Малороссіи и заслуженнымъ въ Войскѣ. Его пращуръ отъ Сигизмунда I, въ 1544 г., получилъ имѣніе въ Бѣлоцерковскомъ повѣтѣ... Источники не называютъ этого предка Мазепы. Одинъ только Похилевичъ называетъ его Николаемъ... Михаилъ Мазепа, вѣроятно сынъ предыдущаго, получилъ въ 1572 г. утвержденіе на Мазепинцы... Слѣдующее поколѣніе

¹⁾ *Historyczne Pamiętki* (Warsz., 1858), т. I, стр. 363—366.

²⁾ О владѣльцѣ „хутора на Камяницѣ“ Николаѣ Мазепѣ, см. также Арх. Юг.-Зав. Россіи, ч. VII, т. I, стр. 293.

³⁾ На этотъ самый вопросъ Бартошевичъ отвѣчаетъ такъ: „tę zagadki nie miemy rozwiadywać stanowczo.“ *Histor. Pam.*, I, 365.

представляютъ Федоръ и Николай, вѣроятно, сыновья Михаила Мазепы. *Затѣмъ по актамъ выступаетъ Степанъ-Адамъ Мазепа.* О томъ, что онъ былъ единственнымъ сыномъ Николая Мазепы, надо заключать по имѣнію....“

Какъ видимъ, основаній для заключенія о томъ, чтобы *родъ* гетмана Мазепы принадлежалъ къ заслуженнымъ въ „Войскѣ“—нѣтъ никакихъ. О службѣ предковъ Адама Мазепы въ „Войскѣ“ свѣдѣній—нѣтъ; самъ Адамъ, именуясь сначала „шляхтичемъ и жолнеромъ“, а потомъ—подчапимъ, къ „Войску“ принадлежать не могъ. Только гетманъ Мазепа сталъ принадлежать къ „Войску“ съ момента своего поступленія на службу къ Дорошенку... Подъ именемъ постоянно употреблявшагося въ въ актахъ термина—„Войско Запорожское“, до пол. XVII в. слѣдуетъ разумѣть ту группу русскаго населенія приднѣпровской Украины, которая уже въ концѣ XVI вѣка стала выражать свой протестъ противъ польскихъ порядковъ. Изъ этой группы населенія образовалось особое войско, принявшее названіе Запорожскаго на томъ основаніи, что его зачатки явились въ видѣ поселившихся за Днѣпровскими порогами козаковъ. Войско это служило военную службу польскимъ королямъ, не смѣшиваясь съ другими войсками, подъ именемъ козаковъ, при чемъ, съ теченіемъ времени, не только служилое войско, но и все то населеніе, изъ котораго оно набиралось, стало называться „Войскомъ Запорожскимъ“. Такимъ образомъ, подъ именемъ послѣдняго разумѣется обособившаяся въ перв. пол. XVII в. группа малорусскаго населенія, которая противопоставила польскимъ порядкамъ свои порядки, при чемъ совокупность послѣднихъ явилась основою военно-гражданскаго устройства козаковъ „Войска Запорожскаго“. Отсюда мы видимъ, что, напр., извѣстный Адамъ Кисель никогда не могъ сказать, что онъ принадлежитъ къ „Войску Запорожскому“ и никакой представитель этого „Войска“ не назвалъ бы Киселя—*своимъ*... По всему этому г. Уманецъ неправильно причисляетъ къ „Войску“ переименованныхъ у него Мазепъ.—Засимъ мы видимъ, какъ легко находить г. Уманецъ пращера гетмана Мазепы въ лицѣ предполагаемаго Николая, (ссылаясь на Похилевича, какъ извѣстно, автора въ

данномъ случаѣ менѣе чѣмъ авторитетнаго), и относить его почему то къ 1544 г. Преемники этого пращура слѣдуютъ въ разсказѣ г. Уманца съ присоединеніемъ слова „*вѣроятно*“, а Адамъ Мазепа—такъ даже и безъ этого прибавленія называется вмѣстѣ и *Степаномъ*, потому что гетманъ по отчеству звался Степановичемъ.

Также едва ли правиленъ выводъ г. Уманца и о томъ, что „Мазепы, оставаясь православными, *продолжали дружбу съ козацествомъ*“... Ни изъ какихъ свѣдѣній г. Уманца этого не видно.

Повторенный г. Уманцемъ перечень именъ Мазепъ, встрѣченныхъ прежними историками гетмана въ юридическихъ актахъ XVI и XVII в.в. (до 1665 г. включительно), ничего не разъяснилъ болѣе того, что говорилось и до сего.

А между тѣмъ нѣкоторое новое освѣщеніе этихъ свѣдѣній о Мазепѣ можно было найти. Въ 10-мъ томѣ *Актовъ Ю. и З. Россіи*, изданномъ въ 1878 г., и заключающемъ въ себѣ свѣдѣнія о состояніи Малороссіи въ 1654 г., напечатано не мало свѣдѣній о персоналѣ тогдашней правобережной козацкой старшинѣ. Здѣсь мы видимъ, между прочимъ; что весною 1654 г. Бѣлоцерковскимъ полковникомъ былъ Семень Половецъ (стр. 397 и 405), а Бѣлоцерковскимъ атаманомъ—*Адамъ Мазепа* (стр. 405). Изъ списка Бѣлоцерковской „*шляхты*“, составленнаго въ томъ же 1654 г. и напечатаннаго тутъ же (стр. 783), видно, что въ числѣ ея значится цѣлый рядъ Мокіевскихъ (девять человекъ). Намъ извѣстно, что мать гетмана была Мокіевская. Знаемъ мы также (см. ниже), что гетманъ былъ женатъ на дочери Бѣлоцерковскаго полковника Семена Половца. Отсюда мы имѣемъ достаточныя основанія для заключенія, что упоминаемый въ 1654 г. Бѣлоцерковскій атаманъ Адамъ Мазепа былъ женатъ на одной изъ Мокіевскихъ, а слѣдовательно этотъ самый Адамъ и долженъ быть отцомъ будущаго гетмана... Имя Степана явилось, слѣдуетъ полагать, отъ двухъ-именности и—для *благозвучія* въ козацкихъ ушахъ, когда будущій гетманъ попалъ уже межъ козаковъ. Называя мать гетмана, въ монашествѣ Марію-Магдалину, г. Уманецъ говоритъ, что „*ея почеркъ заставляеть предполагать значительное для того времени обра-*

зование". Дѣйствительно, почеркъ матери Мазепы, какъ видно изъ прилагаемаго ниже снимка, ¹⁾ можетъ дать нѣкоторое основаніе для заключенія о ея книжномъ образованіи. Снимокъ ея почерка взятъ здѣсь изъ акта 1701 г., когда „Мазепиною“ было не менѣе *восемьдесятъ лѣтъ*... Книжное ея образованіе вполне понятно изъ того, что она была несомнѣнная *шляхтянка*, т. е. принадлежала къ семьѣ болѣе или менѣе культурной. Можно думать, что близкое родство будущаго гетмана съ такимъ множествомъ шляхтичей Мокіевскихъ оказало вліяніе и на дальнѣйшую судьбу Мазепы... Адамъ Мазепа, будучи по происхожденію и самъ шляхтичъ, тѣмъ не менѣе пошелъ въ *козаки* и будучи человекомъ замѣтнымъ, былъ поставленъ въ своей сотнѣ атаманомъ. Но Мокіевскіе въ козаки не пошли, а остались по прежнему въ рядахъ шляхты и „шляхтою“ показаны въ спискахъ, по которымъ русскіе воеводы приводили въ январѣ 1654 г. къ присягѣ новыхъ подданныхъ Московскаго государства. Подражая Мокіевскимъ, могъ и Адамъ Мазепа оставить свое козачество и возвратиться въ прежнее положеніе... Тутъ могли дѣйствовать и матеріальные расчеты, и тѣ шляхетскія тенденціи, которыя несомнѣнно имѣли въ тогдашнемъ южно-русскомъ обществѣ много приверженцевъ даже среди козацкой старшины (Выговскій и друг.). Результатомъ возвращенія въ прежнее положеніе для Адама Мазепы — могла быть возможность помѣстить единственнаго своего сына къ королевскому двору въ число „дворянъ“ ²⁾ Юный „Янъ“ Мазепа не только сталъ королевскимъ „дворяниномъ“, но и дворяниномъ, котораго король отличилъ отъ другихъ, принявъ въ число своихъ „покоевыхъ“, (должность, соотвѣтствовавшая нѣмецкимъ камеръ-юнкерамъ). Но прежде, чѣмъ Мазепа сталъ „покоевымъ“, король, по свидѣтельству Отвиновскаго, посылалъ его за границу

*Maria Magdalena Mazepina Manasterowa
Garnickich Sumenina z Kaniem Kierstiey i Haborzkiej*

(Купчая полк. Миклашевскому. Подлинникъ у В. В. Тарновскаго).

2) См. это слово р. Лице (*dworzanie*) и въ книгѣ Морачевскаго — *Starosytosci Polskie*, то же слово. (*Dworzaninem powinien byt byc tylko swój i szlachcic*“).

для окончанія образованія, которое будто бы начато было Мазепою въ Киевской академіи, какъ говоритъ Величко. Такимъ образомъ мы видимъ, что уже въ ранней молодости Мазепа выходилъ изъ ряда своихъ сотоварищей какъ по образованію, такъ и по положенію. „Покоевымъ дворяниномъ“ короля Мазепа былъ уже въ 1659 г., какъ это видно изъ упоминанія о немъ въ письмѣ Выговскаго къ кор. канцлеру Пражмовскому¹⁾. Основываясь на этомъ письмѣ, обыкновенно говорятъ, что король посылалъ Мазепу къ Выговскому съ какимъ то порученіемъ... Говорить это и г. Уманецъ („король уже даетъ ему *важное* порученіе къ Выговскому“)... Но собственно изъ письма Выговскаго этого не видно, такъ какъ тутъ говорится о томъ лишь, что какое то извѣстіе Выговскій посылаетъ Пражмовскому чрезъ Мазепу... То же самое видимъ и изъ письма Потоцкаго къ королю, что чрезъ Мазепу послано было *только* письмо. Но чтобы Мазепу король посылалъ и къ Выговскому, и къ Потоцкому—съ какимъ либо порученіемъ, а не для доставленія лишь письма, повторяемъ, этого не видно. Обыкновенно съ фактомъ отсылки Мазепы къ Выговскому связываютъ вопросъ о годѣ его рожденія. Со словъ Стебельскаго историки повторяли, что Мазепа родился въ 1629 г.²⁾ Свѣдѣніе это не документальное и потому останавливаться на немъ нельзя. Настаиваютъ на томъ, что очень молодого Мазепу король не посылалъ бы къ Выговскому; но почему же король не могъ послать чрезъ двадцатилѣтняго своего „дворянина“ письма къ Выговскому или къ Потоцкому? Указываютъ на отсылку королемъ Мазепы, въ 1663 г., къ Тетерѣ, съ клейнодами, какъ на порученіе слишкомъ важное, чтобы оно могло быть довѣрено юному человѣку, но ниже мы увидимъ, что это порученіе Мазепа долженъ былъ исполнить *не самолично* и что онъ его исполнилъ довольно легкомысленно, какъ это могъ сдѣлать именно только юный посланецъ... Говоримъ все это, думая, что Мазепа могъ родиться и въ 1639 г...³⁾. Разумѣется, все это догадки, но осно-

¹⁾ Памятники, III, iij, 362 и 366.

²⁾ Chronologia, II, 423. То-же повторить и Дякобъ.

³⁾ Въ перечнѣ „реликвій“ I-го Кад. Корп. (Русск. Инвал. 1898 г., № 41) указывается между прочимъ Львовское Евангеліе 1644 г. и имѣвшіяся въ ней надписи, и тутъ же замѣчается: „здесь нельзя не указать, что 1644 г. былъ годъ рожденія гетмана Мазепы“. Откуда такое заключеніе—не видно. Не изъ надписей ли?

ваніемъ ихъ служить то обстоятельство, что „поздняя любовь“ естественнѣе могла посѣтить Мазепу не въ 75 лѣтъ, а можетъ быть десятью годами раньше... Г. Уманецъ полагаетъ, что Мазепа могъ родиться и въ 1633 г. (стр. 11) и въ 1629 г. (стр. 23). Безъ документальныхъ данныхъ, поле догадокъ велико.. Объ ученіи Мазепы г. Уманецъ говоритъ, пользуясь показаніями Отвиновскаго и Велича. Тутъ мы читаемъ: „продолжая разыскивать черты воспитанія Мазепы, надо принять въ расчетъ его глубокія познанія въ русскомъ языкѣ“. Выписавъ затѣмъ изъ Костомарова отзывъ Мазепы объ одномъ подметномъ письмѣ („письмо это писано не въ Польшѣ и не полякомъ, это показываютъ слова, какихъ въ польской рѣчи нѣтъ; думаю, что это письмо написано здѣшними людьми и при томъ не однимъ“ и проч.) г. Уманецъ заключаетъ: „чтобы такъ ориентироваться въ различныхъ діалектахъ русскаго языка, надо или русское филологическое образованіе, или усвоенное съ дѣтства знаніе языка. Перваго тогда не было во всей Россіи; второе Мазепа могъ приобрѣсти въ дѣтствѣ, *усвоивъ устную народную рѣчь...*“ Здѣсь прежде всего не видно, о какомъ *русскомъ языкѣ* говоритъ г. Уманецъ. Намъ не извѣстенъ текстъ того письма, въ сужденіи о которомъ Мазепа обнаружилъ свои познанія „въ различныхъ діалектахъ русскаго языка“¹⁾; не знаемъ также, самъ ли Мазепа писалъ подписанный имъ отзывъ о „подметномъ“ письмѣ, или же его канцелярія... Но во всякомъ случаѣ, если Мазепкою и была усвоена „устная народная рѣчь“, то этой рѣчью писемъ тогда не писали... *Порусски* писались тогда письма тѣмъ языкомъ, какимъ написаны немногія письма Лазаря Барановича (среди множества его польскихъ писемъ), т. е. языкомъ *книжнымъ* (напр. № 36, 46, 49, 57, 126, 129 и др.)²⁾. Письма эти, конечно, далеки отъ *устной народной рѣчи...* Сомнѣваемся, чтобы Мазепа могъ писать въ молодости даже и такимъ языкомъ свои *русскія* письма, какимъ ихъ писалъ Барановичъ, потому что свою молодость онъ провелъ въ той средѣ, которая и говорила, и писала

¹⁾ Сколько можно понять изъ отзыва Мазепы, подметное письмо было написано по-польски, но неправильною рѣчью.

²⁾ Письма Лазаря Барановича. Черниговъ. 1865.

почти исключительно по-польски... Здѣсь мы разумѣемъ не только Варшавскую придворную обстановку, но и семью Мазепы въ Бѣлоцерковщинѣ, у которой несомнѣнно обиходнымъ языкомъ была рѣчь польская. Мать Мазепы, будучи уже древней монахиней, продолжаетъ подписывать свое имя польскими буквами. Польская рѣчь настолько была распространена среди культурныхъ малороссянъ праваго берега, что и Печерскій архимандритъ Кроковскій, для своей частной переписки съ генер. есауломъ Ломиковскимъ, употребляетъ эту самую рѣчь польскую.¹⁾ Этой рѣчью пользовался конечно и Мазепа въ своихъ письмахъ, почему коронный гетманъ Яблоновскій и могъ говорить, что онъ, Яблоновскій, знаетъ „разумъ письменнаго слога Мазепы“²⁾. Въ виду всего этого едва ли можно говорить о „глубокихъ познаніяхъ Мазепы въ русскомъ языкѣ“, да еще пріобрѣтенныхъ имъ отъ „усвоенія устной народной рѣчи“... О языкѣ указываемой г. Уманцомъ „думы“ говорить здѣсь не приходится, потому что сочиненіе ея Мазепою—не установлено. Письма Мазепы, писанныя къ Матронѣ Кочубей, наполнены полонизмами, слишкомъ удаляющими ихъ отъ „устной народной рѣчи“.

Засимъ скажемъ подробнѣе о послыскѣ королемъ Мазепы въ 1663 г. къ Тетерѣ, такъ какъ, по нашему мнѣнію, послѣдствіемъ этой послыски была отставка Мазепы отъ службы у Яна-Казимира.

Въ февралѣ 1663 г. король послалъ Мазепу съ письмами къ Юрію Хмельницкому, въ то время правобережному гетману; но Хмельницкій въ это время сталъ уже монахомъ, и королевскія письма были получены его преемникомъ Тетерею. Изъ отвѣта послѣдняго можно догадываться, что Янъ-Казимиръ, готовясь въ походъ на лѣвобережную Малороссію, старался обезпечить добрыя отношенія съ правобережными козаками и получить отъ нихъ при этомъ помощь.—Извѣщая, что вмѣсто Хмельницкаго гетманомъ сталъ онъ, Тетеря тутъ же описываетъ тяжкое положеніе Украины отъ насилій „Орды“. Подробности этихъ насилій Тетеря передаетъ королю словесно чрезъ Мазепу.—

¹⁾ Кіевская Старина 1894 г., май, 359.

²⁾ Соловьевъ, изд. Т-ва Общ. Пользы, III, 1120.

Узнавъ такимъ образомъ о поставленіи гетманомъ Тетери, король нашелъ нужнымъ немедленно послать ему гетманскіе „клеюды“ (привилей, булаву, знамя, котлы и печать), опять таки съ главною цѣлію приласкать необходимыхъ ему въ это время козаковъ. Клеюды долженъ былъ вести Мазепа, но врученіе ихъ Тетерѣ, или правильнѣе „Войску,“ должно было быть произведено собственно Холмскимъ ловчимъ, такъ какъ послѣдній долженъ былъ—при церемоніи врученія клеюдовъ—занимать первое мѣсто (*w szum pierwsze mieysce mieć będzie p. łowczy Chełmski*)¹⁾. Въмѣстѣ съ порученіемъ доставить клеюды, Мазепѣ были поручены письма для передачи разнымъ лицамъ изъ козацкой старшины. Видимо, что и это порученіе было тѣсно связано съ предположеннымъ походомъ короля на лѣвый берегъ Днѣпра. Изъ данной Мазепѣ инструкціи видно, что онъ долженъ былъ, въ случаѣ если то найдетъ Тетеря нужнымъ, отправиться съ письмомъ короля и къ Самку (*Samczenko*) на „Заднѣпріе“, и тамъ же отдать и другіе порученные ему универсалы (*y uniwersały do wszystkich tamesznych miast odda*). Долженъ былъ Мазепа отправиться при этомъ также и въ Запорожье (опять таки, если то найдетъ нужнымъ Тетеря), съ цѣлію отвлечь запорожцевъ отъ „протекціи царя Московского“. Въ инструкціи не были перечислены всѣ порученія, которыя были даны при этомъ Мазепѣ. Болѣе полный ихъ перечень сообщенъ Бартошевичемъ²⁾. Изъ этого перечня видно, что Мазепа везъ въ Украину чуть не десятки универсаловъ для разныхъ лицъ изъ козацкой старшины съ разными обѣщаніями. Изъ всѣхъ этихъ свѣдѣній видно, что Мазепѣ давалось очень важное порученіе. Шло дѣло о томъ, чтобы по возможности облегчить будущее завоеваніе королемъ „Заднѣпрія“. Повторяемъ, что по инструкціи Мазепа, исполняя тѣ или другія частности своего порученія, долженъ былъ дѣйствовать по указаніямъ Тетери. Повидимому,

¹⁾ „*Informatia panu Mazepie, pokojowemu JK msci, iadacemu do p. hetmana Zaporoskiego (Tetery). Dana z cancellariey wielkiey koron. we Lwowie. Zródło do dziejów Polskich. Włno., 1843. Томъ 1, стр. 34—43.*

²⁾ *Dziennik Warsz. 1853 г., № 150, а затѣмъ перепечатанъ въ книгѣ Свѣцкаго, Hist. Pamiątki, I, 364.*

приняты были всѣ мѣры, чтобы Мазепа потщился исполнить порученіе возможно аккуратно. Такъ, между разными „привилеями“ и универсалами, которые вручены были Мазепѣ, былъ врученъ ему привилей и лично для него—на маетность Будище (въ староствѣ Богуславскомъ); тутъ же былъ привазъ Бѣлоцерковскому коменданту объ охраненіи маетностей Адама Мазепы, предполагаемаго отца будущаго гетмана.

И тѣмъ не менѣе Мазепа исполнилъ это порученіе очень неудачно. Сохранилось письмо Тетери по этому предмету, писанное въ Пражмовскому (кор. канцлеру), въ которомъ гетманъ говоритъ, что присланные королемъ клейноды очень было обрадовали „Войско“, но въ то же время одно обстоятельство наполнило сердца старшины и черни неудовольствіемъ (roaltegowalo serca), а именно то, что король, должно быть плохо освѣдомленный (male informatus), прислалъ эти клейноды чрезъ п. Мазепу, который не достигъ еще до такой высокой чести и не заслужилъ еще того, чтобы обращаться (szafować) съ клейнодами. И Войско Запорожское усматриваетъ особую немилость короля въ томъ, что королевскія свои отличія (regimina) онъ поручилъ „Войску“ принять изъ рукъ своего брата (postratis), нигдѣ ничѣмъ еще не отличившагося. Безъ сомнѣнія, не только Заднѣпровцы (Zadnieprzanie), но и чужіе нашли бы въ этомъ обстоятельствѣ предлогъ для ѣдкой насмѣшки (do ugrażania), такъ какъ имъ, Заднѣпровцамъ, *знаки* (insignia) будетъ вручать какой-то знаменитый князь, а не молокососъ (młokos)... И хорошо еще добавляетъ Тетеря, что Мазепа предупредилъ меня о своей миссиі прежде, чѣмъ собралась великая рада, а то произошло бы въ „Войскѣ“ великое смятеніе... А потому, заключаетъ Тетеря, прошу вашу милость упросить короля не оскорбляться (żeby ugrażać się nie raczył), что *мы не приняли изъ рукъ Мазепы присланныхъ клейнодовъ* (oto że przez p. Mazepę przysłanych z rąk onego nie odebraliśmy klejnotów)... ¹⁾ Такимъ образомъ, изъ этого письма видно, что вручить клейноды „Войску“ Мазепа хотѣлъ было *самолично*. Значитъ, Холмскаго ловчаго

¹⁾ Памятники, IV, отд. 3, 299—303.

съ нимъ не было, а между тѣмъ по инструкціи Мазепа долженъ былъ явиться къ Тетерѣ, съ клейнодами, не иначе, какъ вмѣстѣ съ ловчимъ, потому что ловчій долженъ былъ быть *первымъ* при ихъ врученіи, „Войску“, а Мазепа тутъ оставался лишь ассистентомъ... Но Мазепа явился къ Тетерѣ *одинъ* и самолично хотѣлъ было передать „Войску“ коромевскіе дары. Тетеря обидѣлся и, какъ видно, справедливо, потому что и король, посылая Мазепу съ клейнодами, находилъ поднесеніе ихъ „Войску“ Мазепкою же неудобнымъ, почему церемонія передачи клейнодовъ и поручалась королевскому чиновнику, хотя и не особенно высокаго, но все же замѣтнаго ранга.—Не вручивъ Тетерѣ клейнодовъ, Мазепа тѣмъ самымъ не могъ исполнить и другихъ, сдѣланныхъ ему порученій, такъ какъ по инструкціи—эти другія порученія должны были быть исполнены при руководствѣ Тетери... Но Тетеря былъ обиженъ присылкою къ нему „молокососа“ и—совсѣмъ его не принялъ...

Можно предполагать, что Мазепа намѣрился передать Тетерѣ клейноды—безъ участія ловчаго—по легкомыслію и самонадѣянности; если этотъ ловчій почему-либо и не могъ явиться для исполненія королевскаго порученія, то Мазепа, согласно инструкціи, все таки не могъ передавать клейнодовъ Тетерѣ—*самолично*. Какъ бы то ни было, но Мазепа не сумѣлъ исполнить даннаго ему важнаго порученія, причемъ еще и оскорбилъ самолюбіе очень важнаго въ тотъ моментъ для Польши челоуѣка...

Вотъ вѣроятная причина, по нашему мнѣнію, отставки Мазепы отъ службы у короля въ 1663 г. Легкомысліе Мазепы, да еще въ такомъ важномъ дѣлѣ, естественно могло отвратить отъ него милость короля, и Мазепѣ оставалась одно—уходить...

У г. Уманца отставка Мазепы объяснена иначе, конечно, потому, что имъ упущена изъ виду данная Мазепѣ инструкція, при чемъ оставленъ безъ вниманія и *отказъ Тетери отъ принятія клейнодовъ изъ рукъ Мазепы*. Г. Уманецъ указываетъ при этомъ на непослѣдовательность Тетери (стр. 11), который де, обозвавъ Мазепу *молокососомъ*, забылъ, что два мѣсяца тому назадъ „совершенно серьезно относился къ его посольству“, возложивъ на него подробное донесеніе королю о видѣнныхъ имъ, Мазе-

пою, разореніяхъ Украини татарамъ... Но, какъ видно, положеніе Мазепы въ томъ и другомъ случаѣ было далеко не одно и то же: въ первомъ случаѣ король ему поручалъ только отвезти письма къ Юрію Хмельницкому; письма приняты были Тетерею, который, извѣщая короля о своемъ избраніи въ гетманы, жаловался еще на разоренія татаръ и, желая лучше освѣдомить короля объ этихъ разореніяхъ, поручалъ посланцу рассказать королю устно то, что этотъ посланецъ самъ видѣлъ... Въ этомъ случаѣ для Тетери безразличенъ былъ „молокосось“, такъ какъ послѣднему поручалось дополнить письмо разговоромъ очевидца; при чемъ чѣмъ ближе посланецъ стоялъ къ королю, тѣмъ подробнѣе онъ расскажетъ о томъ, что видѣлъ на Украинѣ.—Совсѣмъ не въ томъ положеніи былъ Мазепа, когда хотѣлъ въ апрѣлѣ 1663 г. лично передать „Войску“ королевскіе клейноды... Тутъ Мазепа захотѣлъ стать въ то положеніе, права на которое и король не признавалъ за нимъ. Слѣдовательно, Тетеря, какъ въ февралѣ не принималъ посольства Мазепы, такъ не хотѣлъ принимать его въ роли посла и двумя мѣсяцами позже.

Послѣдовавшая затѣмъ отставка Мазепы въ книгѣ г. Уманца находитъ объясненіе натянутое... Рассказавъ стычку Паска съ Мазепою, который де былъ „на сторонѣ короля“, почему и донесъ на Паска, г. Уманецъ такъ говоритъ объ отставкѣ Мазепы: „порученіе доставить гетманскую булаву Тетерѣ было едва ли не послѣдней службой Мазепы Польшѣ. Его положеніе въ Варшавѣ съ каждымъ днемъ дѣлалось болѣе затруднительнымъ. (?) Онъ былъ на сторонѣ короля; польскій же шляхтичъ всегда подозрѣвалъ короля въ посягательствѣ на „золотую свободу“. Поляки терпѣли (?) Мазепу, пока видѣли въ немъ орудіе польскаго вліянія въ Малороссіи (?); но письмо Тетери разсѣяло иллюзіи (?). Оказалось, что козаки, для ухаживанія за собой, требуютъ болѣе дорогой декораціи (воеводъ и сенаторовъ), а не какого-нибудь Мазепу. Поляки относились къ Мазепѣ не только свысока, но и подозрительно (?). Малороссіяне столько разъ измѣняли, что измѣнна (?) Мазепы—какъ шляхтича православнаго—была только вопросомъ времени... *И такъ Мазепа*

имѣлъ въ поводѣ задуматься надъ своимъ положеніемъ. Послѣ ряда измѣнъ своей вѣрѣ и народности, онъ могъ добиться здѣсь только мѣста регента королевской канцеляріи или ротмистра какой-нибудь надворной хоругви... И это въ то время, когда карьеры одна—другой экстравагантнѣй возникали на берегахъ Днѣпра, когда смѣлѣе авантюристы—Пушварь, Самко, Выговскій, Дорошенко, Тетеря, Брюховецкій—ворочали обществомъ и, казалось, находили свое счастье.“

„Душными показались Мазепѣ улицы Варшавы. Среди неприятливыхъ взглядовъ заносчивой шляхты ему чудятся звуки родной пѣсни и ярче выступаютъ картины родной страны“.

„Мазепа сопровождалъ Яна Казимира въ началѣ его похода въ Малороссію (1663 г.), но около Бѣлой Церевы, „отклонившись за службу королю, zostалъ при отцу своемъ еще въ живыхъ бывшему“, говоритъ Величко. *Отецъ Мазепы, вѣроятно, былъ боленъ, что и дало предлогъ отстать отъ похода и поселиться въ Мазепинцахъ* 1)“.

Фактическихъ основаній для всего этого разсказа въ книгѣ г. Уманца мы не находимъ... Одинъ указывается здѣсь фактъ, что будто Мазепа „отклонился королю“ на его походѣ въ Заднѣпріе. Такъ свидѣтельствуетъ Величко. Здѣсь вѣрно, что Мазепа оставилъ службу у короля въ 1663 г., но нѣтъ основаній относить этотъ фактъ ко времени похода короля въ Заднѣпріе. Если король нашелъ Мазепу неумѣлымъ исполнителемъ важнаго порученія, то онъ съ нимъ, вѣроятно, тогда же и разстался, т. е. лѣтомъ 1663 г. А если Мазепа остался у короля и послѣ возвращенія отъ Тетери и если затѣмъ онъ пошелъ съ королемъ въ походъ, то не ловко было ему оставлять короля *на походъ*... Думается, что Величко, писавшій свою лѣтопись болѣе чѣмъ черезъ сорокъ лѣтъ послѣ 1663 г., могъ слышать объ отставкѣ Мазепы, случившейся въ этотъ достопамятный для лѣвобережной Малороссіи годъ, при чемъ Мазепа, будучи уже гетманомъ, могъ пояснять, что „отело-

1) Есть извѣстіе, что Адамъ Мазепа жилъ въ Бѣлой Церевѣ, что разумѣется не мѣшало ему владѣть въ Мазепинцахъ. См. разсказъ польскаго послаица Поретятъ Ковича въ Выговскому въ 1659 г. Унив. Ист. Кіевск. У—та 1873 г., № 9, стр. 14.

нилса" онъ королю въ моментъ его похода противъ той страны, гдѣ онъ сталъ затѣмъ властелиномъ... *Вѣроятная* болѣвнъ отца Мазепы въ этотъ моментъ, разумѣется, нисколько не устраняетъ полной сомнительности извѣстiя Величка.

Послѣ ухода отъ короля, Мазепа шесть лѣтъ остается въ неизвѣстности. Къ этому времени историки относятъ время его романовъ съ Фальбовской и Загоровской, точно не опредѣляя ихъ моментовъ. Восполняя бѣдность свѣдѣнiй за это время о Мазепѣ, г. Уманецъ говоритъ, что послѣднiй, оставивъ Варшавскую службу, продолжаетъ числиться при королѣ и даже добивается нѣкоторыхъ выгодъ и отличiй. При этомъ указывается инструкция Кiевскихъ дворянъ своимъ посламъ на Варшавскiй сеймъ, назначенный на мартъ 1665 г., причемъ упоминается Адамъ Мазепа, подчашiй королевскiй, имѣющiй сына „при боку панскомъ въ повоѣ его королевской милости“. ¹⁾ Изъ этого упоминанiя о Мазепѣ выходитъ, что если тутъ разумѣется будущiй гетманъ, то онъ и въ 1665 г. сохраняетъ должность королевскаго „повоеваго“... Затѣмъ г. Уманецъ говоритъ о назначенiи Яна Мазепы Черниговскимъ подчашимъ, ссылаясь на свѣдѣнiя Бартошевича (стр. 462). Всѣ эти свѣдѣнiя пока еще темны... Но весьма вѣроятно, что получившiй въ 1662 г. званiе Черниговскаго подчашаго Адамъ Мазепа былъ тотъ самый Мазепа, который козаковалъ въ 1654 г.; званiе подчашаго онъ могъ получить въ награду за свое обращенiе къ Польшѣ. Такимъ образомъ Черниговскiй подчашiй долженъ быть отецъ будущаго гетмана... А тогда слѣдуетъ признать, что и инструкция Кiевскихъ дворянъ упоминаетъ о будущемъ гетманѣ, который, слѣдовательно, въ 1665 г. снова служилъ при королѣ, а по смерти отца въ томъ же году получилъ его званiе—Черниговскаго подчашаго...

Эти похождения Мазепы, конечно, не даютъ основанiй для заключенiя о „православныхъ и козацкихъ ихъ традицiяхъ“ (стр. 18). Похождения „Яна“ Мазепы сопровождались, какъ извѣстно, романами; ихъ извѣстно два и оба они случились съ замужними

¹⁾ Кiевск. Стар. 1886 г., дек., 758. Польскаго текста инструкцiи, упоминающей о Мазепѣ, здѣсь нѣтъ.

женщинами ¹⁾. Можно думать, что Мазепа избѣгалъ романовъ съ незамужними.. Очень можетъ быть, что эта осторожность привела Мазепу и къ его женитьбѣ на вдовѣ. Могло случиться, что и тутъ дѣло началось романомъ, а кончилось бракомъ... Впрочемъ, жена Мазепы занимала видное положеніе въ своемъ околоткѣ; это была дочь Бѣлоцерковскаго полковника Семена Половца и вдова другого Бѣлоцерковскаго полковника „Самуила Фридриховича Козмы“, повидимому иностранца. Отъ этого Фридриховича остался сынъ, котораго вотчимъ переселилъ на лѣвый берегъ, гдѣ онъ сталъ родоначальникомъ вымершей уже фамиліи Фридрикевичей. Какъ бы то ни было, но мы имѣемъ несомнѣнный фактъ, что женщины въ жизни Мазепы красной нитью проходили уже съ юныхъ его лѣтъ.

Послѣ ухода отъ короля, Мазепа прожилъ на правомъ берегу какъ разъ то время, когда здѣсь центральнымъ козацкимъ дѣятелемъ становился Дорошенко. Затѣмъ видимъ, что какъ только Дорошенко добился, послѣ смерти Брюховецкаго, видной роли главнаго претендента на гетманство (не только правобережное, но и лѣвобережное), то Мазепа поступаетъ къ нему на службу и становится, если вѣрить Величку, ротмистромъ гетманской надворной корогвы, т. е. начальникомъ оберегателей личности гетмана.

У *Дорошенка*. Такъ называется г. Уманецъ вторую главу своей книги, которую начинаетъ обрисовкою личности Дорошенка, надѣляя его и талантами, и простодушіемъ человѣка, у котораго „дѣль всегда открыта или заслонена такъ неловко, чтобы никого не обмануть“... Но мы имѣемъ въ виду одного Мазепу. О мотивѣ перехода его на службу къ Дорошенку г. Уманецъ говоритъ: „соблазнъ (перехода на службу къ Дорошенку) заключался не въ преимуществахъ службы при Дорошенкѣ, а въ той національной программѣ, которой онъ (Дорошенко) держался, въ томъ, что въ данную минуту *Мазепа не могъ сдѣлать ничего нрав-*

1) Интересно, что разсказанная Паскомъ легенда о Мазепѣ—какъ привязалъ его къ лошади мужъ одной изъ этихъ женщинъ (Фальбовской)—извѣстна уже была и Вольтеру. Записки Паска въ первый разъ напечатаны только въ 1843 г. Откуда же Вольтеръ заимствовалъ эту легенду?

Естественно лучше. Когда все увлекались Дорошенком, им увлекался и Мазепа ¹⁾).

Предположение об увлечении Мазепы „национальной программой“ составляет одно предположение и, по нашему мнению, едва ли даже вероятное. Если бы тут было увлечение личностью Дорошенка, то почему же Мазепа не присталъ къ нему лѣтомъ 1668 г., когда Дорошенко, истребивъ непопулярнаго Брюховецкаго, сталъ, какъ говоритъ Самовидецъ, гетманомъ обѣихъ сторонъ Днѣпра. Очень можетъ быть, что Мазепа поступилъ на службу къ Дорошенку, по приглашенію послѣдняго, въ начальники своихъ гвѣздохранителей, такъ какъ Мазепа когда-то находился у польскаго короля въ роли очень близкой къ той, которая требовалась Дорошенку. Мазепа скоро прижился у Дорошенка, получилъ у него урядъ генер. есаула и сталъ, повидимому, очень пужнымъ для правобережнаго гетмана человекомъ. Но когда „национальная программа“ оказалась Дорошенку не подъ силу и популярность правобережнаго гетмана стала меркнуть, Мазепа, повидимому, сталъ думать о перемѣнѣ положенія. Такое желаніе Мазепы сталъ наблюдать и Дорошенко ²⁾. При какихъ обстоятельствахъ Мазепа оставилъ Дорошенка и перешелъ на сторону Самойловича, объ этомъ имѣются документальныя свидѣнія, которыя и разказаны г. Уманцомъ съ добавленіемъ, что Мазепа „очаровалъ“ Самойловича, а когда былъ посломъ послѣднимъ (въ 1674 г.) въ Москву, то и тамъ „всѣхъ очаровалъ“. Вторую главу своей книги г. Уманецъ заключаетъ такъ: „во всякомъ случаѣ, факты говорятъ, что Мазепа оставилъ Дорошенка не потому, что нашелъ болѣе выгодное мѣсто, но вслѣдствіе *непредвидѣннаго* стеченія обстоятельствъ“. Къ этому можно добавить, что стеченіемъ послѣднихъ Мазепа сумѣлъ воспользоваться: „очаровалъ“ новаго

¹⁾ Тутъ же г. Уманецъ добавляетъ, что Мазепа зналъ Дорошенка, уже съ 1663 г.; но это свидѣніе сомнительное. Видно, что г. Уманецъ думаетъ такъ на основаніи сообщенія Бартоломейча (см. стр. 2 прил. 1), что Мазепа вошелъ въ 1668 г. къ Дорошенку королевское письмо... Но, какъ ни глупы, письмо это едвали было доведено.

²⁾ Самъ Мазепа рабоблаженно, что когда онъ прощался разъ у него въ мѣстѣ въ Корсуль, то Дорошенко, заодозривъ его въ измѣнѣ, сказалъ: „знатно, что Ромодановскій соборникъ его прелестилъ“... Акті Ю. З. Россіи, XI, 559.

своего патрона и во всякомъ случаѣ нашель у послѣдняго „болѣе выгодное мѣсто“.

Третья глава названа—„Семья Самойловичей“. И здѣсь мы не будемъ останавливаться надъ портретами Многогрѣшнаго и Самойловича, которые попутно нарисоваль г. Уманецъ. Какъ извѣстно, гетманъ Самойловичъ по происхожденію былъ *поповичъ* („Поповичемъ“, а не Самойловичемъ зовуть его лѣтописи); отецъ его былъ священникомъ м. Ходорьова, откуда онъ потомъ переселился на лѣвый берегъ, въ м. Красный Колядинъ (Конотопскаго у.). Такимъ образомъ, Самойловичъ хотя выросъ и на правомъ берегу, высшее общество котораго было культурнѣе лѣвобережнаго, но не могъ имѣть особой „эдукаціи“. А между тѣмъ эта „эдукація“ сдѣлалась необходимой Самойловичу, когда онъ сталъ гетманомъ и когда на вѣждомъ шагу хотѣлъ показать свое превосходство предъ простыми смертными. Превосходство его предъ послѣдними должно было выразиться и вообще въ держаніи гетманскаго двора,—въ устройствѣ извѣстной его обстановки. Имѣлась въ виду, конечно, обстановка *панская*—правобережныхъ польскихъ вельможъ, въ свою очередь старавшихся подражать королю. Самовидецъ подробно рассказываетъ, какъ Самойловичъ сталъ величаться, возсѣвъ на гетманскій столъ. Одною изъ принадлежностей этого величанья явились гетманскіе „дворяне“, состоявшіе главнымъ образомъ изъ молодыхъ людей знатныхъ фамилій, пребывавшихъ при гетманскомъ „дворѣ“ ради большей его пышности. Такими „дворянами“ окружали себя всѣ польскіе вельможи, не говоря уже о королѣ. Такихъ „дворянъ“ завель у себя и Самойловичъ ¹⁾. Вотъ этотъ человѣкъ и сталъ патрономъ Мазепы послѣ Дорошенка.

Несомнѣнно, что новый патронъ скоро оцѣнилъ Мазепу, какъ человѣка, которому хорошо были извѣстны всѣ обычаи дворской жизни и который, кромѣ того, былъ еще и хорошо обученъ наукамъ въ тогдашнемъ ихъ обиходѣ. Какъ бывшій королевскій „покоевый“, Мазепа могъ наставлять гетманскій „домъ“ въ надлежащемъ публичномъ его держаніи, а какъ бывшій воспитанникъ заграничныхъ училищъ, Мазепа могъ помогать

и въ дѣлѣ „эдукаціи“ гетманскихъ дѣтей. „Сему человѣку (Мазепѣ) ввѣрилъ гетманъ Самойловичъ воспитаніе своихъ дѣтей“, говоритъ Бант.-Каменскій, ссылаясь на „малороссійскія дѣла коллежск. архива“. Не упоминая о свѣдѣніи Бант.-Каменскаго, г. Уманецъ не вѣритъ свѣдѣнію объ этомъ учительствѣ Мазепы, сообщаемому „Исторіей Русовъ“, причемъ указываетъ на бывшихъ при дѣтяхъ Самойловича учителей—монаховъ. Одно другому, какъ видно, не мѣшало.—Трудно сказать, насколько Мазепа могъ быть зачисленъ въ ряды „людей, окуренныхъ порохомъ“ (стр. 65), но несомнѣнно, что помогать въ воспитаніи гетманскихъ дѣтей онъ могъ, обладая плодами заграничной „эдукаціи“. А послѣдняя для Самойловича именно и была важна: своихъ дѣтей онъ хотѣлъ воспитать совсѣмъ по иному, чѣмъ самъ воспитывался. Пребываніе Мазепы въ первые годы при Самойловичѣ, въ качествѣ гетманскаго „дворянина“, сохранялось въ народной памяти еще и въ 1721 г. Интересный разговоръ записанъ въ этомъ году гетманскими чиновниками по жалобѣ жителей Конотопскаго села Мал. Самбора на Андрея Лизогуба за захватъ имъ Самборскихъ земель: „и когда то село Мал. Самборецъ—разсказывали мѣстные сторожила—еще за власти гетмана Самойловича, досталось Мазепѣ, *на тотъ часъ еще дворянинномъ будучому*, въ то время Мазепа, принявши тое село.... и яко-жь на тотъ часъ, въ початку, еще не ожившись, велѣлъ своему старостѣ спрягаться зъ Иваномъ Охрѣменкомъ, Мало-самборскимъ козакомъ....“¹⁾ Отсюда между прочимъ видно, что Мазепа пришелъ къ Самойловичу человѣкомъ не богатымъ, такъ какъ на первый разъ, въ новомъ хозяйствѣ, ему пришлось „спрагаться“ съ богатымъ козакомъ.

Такимъ образомъ дворская служба Мазепы у Самойловича на первый разъ была награждена лишь небольшою маетностью. Въ ряды войсковои старшины Мазепа сталъ не скоро: по своимъ близкимъ отношеніямъ къ Самойловичу и по прежней службѣ у Дорошенка, Мазепа могъ удовлетвориться только генер. урядомъ (въ полковники Самойловичъ Мазепу, вѣроятно, не отпу-

¹⁾ Историч. Очерки селъ Конотопск. уѣзда. (Черниговъ 1836), стр. 2.

стиль бы, чтобы не расставаться...), но для получения такого уряда требовалось, значить, время. По свидетельству, Бант. Каменскаго, только въ 1682 г. Мазепа поставленъ былъ генеральнымъ есауломъ.—И въ званіи „дворянина“, и уже будучи генер. есауломъ, Мазепа нѣсколько разъ посланъ былъ Самойловичемъ въ Москву съ разными порученіями officialнаго характера. Съ такими же порученіями посылалъ Мазепу Самойловичъ и въ Кіевъ, напр., для участія въ избраніи митрополита въ 1685 г. Г. Уманецъ замѣчаетъ, что при этомъ „въ Москву и Кіевъ Мазепа возилъ только мысли Самойловича и нигдѣ не дѣйствовалъ officialно по собственному усмотрѣнію“. А мы скажемъ, что иначе и быть не могло, такъ какъ Мазепа былъ очень уменъ, чтобы дѣйствовать иначе и затѣять собою того, въ чьихъ рукахъ находилась его карьера... Нигдѣ не выказывая „собственного усмотрѣнія“, Мазепа тѣмъ не менѣ за тринадцатилѣтнюю службу при Самойловичѣ самъ хорошо узналъ Москву и Москвѣ далъ возможность узнать себя. Въ это же время онъ еще лучше изучилъ тотъ персоналъ высшей войсковой старшины, которая и при самовластіи Самойловича не терала значенія въ направленіи общественныхъ дѣлъ.

Результаты пребыванія Мазепы при Самойловичѣ, сначала—въ маломъ званіи гетманскаго „дворянина“, а потомъ въ генеральномъ чинѣ, обнаружались на Коломакѣ, лѣтомъ 1687 г., когда Самойловичъ былъ низложенъ, а на мѣсто его поставленъ былъ онъ, Мазепа. Кто былъ руководителемъ интриги противъ Самойловича, кто писалъ на него доносъ,—это пока окончательно еще не выяснено. Но результатъ интриги—на лицо. Преемникомъ Самойловича сталъ Мазепа. Г. Уманецъ говоритъ, что Мазепа избранъ правильно, а потому ни въ чемъ и винить его нельзя, кромѣ данной Голицыну десяти тысячной взятки. Доказывая *правильность* выборовъ Мазепы, г. Уманецъ указываетъ и на значеніе „вовацкаго лагеря“, юридически будто бы представлявшаго Малороссію, и на то обстоятельство, что выборъ Мазепы во всякомъ случаѣ правильнѣе де выборовъ Самойловича, Многогрѣшнаго... Последнее указаніе едва ли правильно. И Самойловичъ, и Многогрѣшный—поставлены на гетманство своею же бра-

тею старшиною, безъ того сдѣльнаго посторонняго вліянія, которое имѣло мѣсто на Коломацкой радѣ и которое такъ подробно описано въ дневникѣ Гордона ¹⁾. Читая это описаніе, конечно, нельзя согласиться съ г. Уманцемъ, чтобы „избраніе не зависѣло отъ Голицына“. Да и „записка Мазепы“ въ Голицыну, найденная между сокровенными бумагами послѣдняго, о послѣдствіи ему 10/т. рублей, *объщанныхъ* раньше ²⁾, видимо говорить, что Голицынъ былъ купленъ за эту сумму раньше избранія, такъ какъ поднесеніе подарка „человѣку своей партіи послѣ избранія“, конечно, сдѣлано было бы въ реальномъ видѣ, а не въ „обѣщаніи“ 10/т. рублей, т. е. такой суммы, которой даже не могло найтись у дарителя, когда онъ пообѣщавъ его одарить... Тутъ виденъ уже не подарокъ *pro fitium* (который въ семь случаевъ и не простирался бы до такой огромной суммы), а заранѣе условленная плата за обѣщанную помощь и плата такого размѣра, что Мазепа на Коломакѣ и собрать ее не могъ ³⁾... При этомъ, конечно, никто не станетъ спорить съ г. Уманцемъ, что „людей прежнихъ эпохъ нужно брать въ обстановкѣ ихъ времени“, т. е. что Мазепу нельзя де особенно винить за то, что онъ купилъ гетманство взяткою.—Можно его и не винить, но нельзя видѣть въ немъ „самаго популярнаго человѣка если не во всей Малороссіи, то по крайней мѣрѣ въ лагерѣ подъ Коломакомъ“. Мазепа былъ большою эгоистъ, былъ скупъ, храбрости—совсѣмъ неизвѣстной... Словомъ, не видно у него въ характерѣ тѣхъ чертъ, которыя дѣлаютъ человѣка популярнымъ. Но былъ Мазепа смышленъ и ловокъ и „во всей Малороссіи, и въ лагерѣ подъ Коломакомъ“—и эта ловкость была единственною причиною, доставившею ему булаву. Ловкость, съ

¹⁾ Tagebuch, II, 190.

²⁾ Устряловъ, Истор. царств. Петра В., I, 356, „Записка Мазепы князю В. Голицыну“.

³⁾ Отсюда, вѣроятно, идетъ преданіе, что Мазепа заплатилъ Голицыну жалтеу деньгами, взятыми въ долгъ у генер. обознаго Борзовскаго (Б. Каменск. III, нр. 2). Такъ рассказывали потомки Борзовскаго, хвастая богатствомъ предка... Вѣроятно, что Мазепа просилъ этихъ денегъ на Коломакѣ у Борзовскаго, но послѣдній по скупости не далъ... Предѣдующія означенія Мазепы къ Борзовскому такую догадку дѣлаютъ болѣе вѣроятною, чѣмъ преданіе потомковъ.

которою Мазепа обдѣлывалъ свое избраніе, замѣчательна. Главный пріемъ этой ловкости заключался въ томъ, чтобы устранить всѣхъ конкурентовъ, персоналъ которыхъ ограничивался лицами, подписавшими доносъ. Здѣсь значатся: генер. обозный Борковский, генер. судья Вуяхевичъ, генер. писарь Прокоповичъ, пять „заслуженныхъ въ войскѣ особъ“: Солонина, Яковъ Лизогубъ, Григорій Гамалѣя, Дмитрашко-Раичъ и Степанъ Забѣла ¹⁾. Изъ числа этихъ пяти безурядныхъ лицъ, четыре—*бывшіе* полковники, а пятый, Забѣла, бывший генер. хоружій, сынъ известнаго долгою своею службою генер. обознаго Петра Забѣлы. Лизогубъ былъ полковникомъ у Дорошенка, на правомъ берегу, а остальные три на лѣвомъ, при чемъ Гамалѣя былъ низложенъ еще при Брюховецкомъ, а Солонина и Дмитрашко были низложены Самойловичемъ. При этомъ Лизогубъ, Гамалѣя и Дмитрашко по прежнимъ своимъ походамъ были старые авантюристы, хорошо знакомые съ старшинскою интригою. Вотъ эти пять лицъ, слѣдовавшіе за Самойловичемъ въ походъ въ званіи лишь „значнаго товариства,“ тѣмъ не менѣе были ядромъ вліятельной старшины, при чемъ четыре изъ нихъ несомнѣнно мечтали о возвращеніи прежнихъ полковничьихъ урядовъ, а пятый, Забѣла, по своему знатному родству и богатству ²⁾ и какъ отставной генер. хоружій, хотя и не былъ до того полковникомъ, но, добываясь высшаго уряда, могъ мириться, конечно, только на полковничествѣ.

Вотъ этихъ пять человекъ Мазепѣ, главнымъ образомъ, нужно было не только привлечь на свою сторону, но и поставить ихъ при этомъ въ положеніе властное... Такъ, повидимому, долженъ былъ разсуждать Мазепа, обдумывая планъ дѣйствій для достиженія булавы...

Несомнѣнно, что самый вѣрный къ этому способъ заключался въ предоставленіи этимъ пяти лицамъ полковничьихъ мѣстъ, но притомъ, конечно, такъ, чтобы мѣста ими были полу-

¹⁾ Источники Малор. Исторіи, Вант.-Каченск. I, 304. Значатся тутъ еще, послѣднимъ въ числѣ подписавшихъ доносъ, и Кочубей, безъ указанія его уряда; былъ онъ въ это время „регентомъ“ генер. канцеляріи.

²⁾ Описаніе Стар. Малороссіи, II, 138.

чены чрезъ Мазепу или посредствомъ его. Причемъ сдѣлать это нужно было, разумѣется, до рады, т. е. въ тотъ моментъ, когда всѣ полковничьи мѣста были заняты... И тѣмъ неменѣе все это было сдѣлано: *всѣ названные пять лицъ явились на раду 25 іюля уже полковниками*, и притомъ три изъ нихъ—тѣхъ самыхъ полковъ, которыхъ они уже были и прежде полковниками, а Забѣла—полковникомъ того полка, въ которомъ находились его маенности. Кроме того, Прокоповичъ и Кочубей явились на раду 25 іюля тоже съ повышенными урядами: бывший передъ тѣмъ генер. писарь Прокоповичъ явился генер. судью (вторымъ), а бывший „реентъ“ Кочубей—генер. писаремъ. Какъ же это сдѣлалось?—Фактъ этотъ до сихъ поръ не былъ отмѣченъ; не могло быть, значить, и его объясненій ¹⁾. Изъ свѣдѣній Бант.-Каменскаго, заимствованныхъ имъ изъ „дѣлъ коллежскаго архива“ (III, 5), видно, что 24 іюля Голицынъ собралъ у себя въ палаткѣ „генеральную старшину“, при чемъ прочтены были новыя „статьи“ *будущаго* гетмана и затѣмъ, по одобреніи ихъ старшиною, будто бы условлено было и избраніе Мазепы... Было ли говорено на этой *предварительной радѣ* о завтрашнемъ избраніи Мазепы—точно сказать нельзя, но несомнѣнно, что только въ этотъ моментъ могли быть поставлены *новыя* полковники и *повышены* въ рангахъ Прокоповичъ и Кочубей. Другого подходящаго момента для этихъ перемѣнъ, до 25 іюля,—не было.

Новые полковники были поставлены слѣдующіе: Ливогубъ въ Черниговъ, вмѣсто Григорія Самойловича, Гамалѣя въ Лубны, вмѣсто Ильяшенка ²⁾, Дмитрашко—въ Переяславъ, вмѣсто Леонтія Полуботка ³⁾, Солонина—въ Козелецъ (Кіевск. полкъ),

¹⁾ Костомаровъ (Руниа, стр. 682) полагаетъ, что эти лица были полковниками уже и въ то время, когда подписывали 7 іюля доносъ на Самойловича, но его смѣлка тутъ явственна: не могъ быть Ливогубъ Черниговскимъ полковникомъ, когда этотъ урядъ былъ занятъ Григоріемъ Самойловичемъ, Дмитрашко—Переяславскимъ, когда здѣсь былъ Леонт. Полуботко, Забѣла—Нѣжинскимъ, когда это мѣсто занималъ Ярема Непракъ, что видно именно изъ той страницы книги Ригельмана (III, 8), на которую Костомаровъ дѣлаетъ ссылку на стр. 691-й „Руниа“.

²⁾ Тестя гетманскаго племянника Михаила Самойловича.

³⁾ Сынъ Леонтія Полуботка Павелъ женатъ на дочери гетманскаго племянника Михаила Самойловича.

вмѣсто (кажется) Коровчейка-Вольскаго, и Забѣла—въ Нѣжинѣ, вмѣсто ничтожнаго Яреми Нейрака, (неизвестно откуда явившагося и неизвестно куда дѣвавагося). Наконецъ, поставленъ былъ и шестой—новый полковникъ, Тимофей Алексѣевъ, въ Стародубѣ, вмѣсто Якова Самойловича, при чемъ и Алексѣевъ былъ уже и прежде Стародубскимъ полковникомъ и былъ низложенъ Самойловичемъ для очистки мѣста старшему сыну, Семену.

Всѣ эти шесть лицъ значатся полковниками на актѣ объ избраніи Мазепы, происшедшемъ 25 іюля ¹⁾. Кто же могъ распорядиться поставленіемъ новыхъ полковниковъ накануне выборовъ новаго гетмана, когда прежніе полковники (за исключеніемъ двухъ сыновей Самойловича) формально еще оставались на своихъ мѣстахъ? Разумѣется, не та рада, которая собиралась у Голицына 24 іюля, потому что она состояла изъ пяти-шести лицъ (Борковский, Вудкевичъ, Прокоповичъ, Кочубей).. не имѣвшихъ значенія... Думается, что никто другой такого важнаго распоряженія, кромѣ Голицына, сдѣлать не могъ. Только власть Голицына могла устранить безъ всякаго суда прежнихъ полковниковъ, поставивъ имъ въ вину близость къ низложенному гетману. Выборы новыхъ лицъ на мѣсто устраненныхъ тоже не могли произойти безъ чьего-либо особаго указанія и ходатайства. А Голицынь могъ это сдѣлать по ходатайству—или самихъ лицъ, получившихъ полковничьи уряды, или—того, для кого нужны были именно эти назначенія.. Если Мазепа побѣждалъ Голицыну 10/т. рублей за его помощь при выборахъ новаго гетмана, то Голицынь долженъ былъ эту помощь оказать во всѣхъ тѣхъ ея частностяхъ, которыя нужны были Мазепѣ. А какое же лучшее средство можно было употребить Мазепѣ для привлеченія на свою сторону указанныхъ лицъ и сдѣлать ихъ властными, какъ не давши имъ возможности явиться на выборы—полковниками и притомъ желанныхъ ими полковъ... Голицыну дана была дорога „обѣтница“, а Голицынь далъ шести вліятельнымъ лицамъ полковничьи мѣста, и на радѣ явилось шесть полковниковъ—несомнѣнно усерднѣйшихъ сторонниковъ Мазепы, потому что уряды

¹⁾ Собраніе государств. грамотъ и договоровъ, IV, 558.

свои получили они посредствомъ этого самаго Мазепы... ¹⁾ Повышены были при этомъ въ своихъ урядахъ, какъ сказано выше, еще и Прокоповичъ съ Кочубеемъ и, разумѣется, волею Голицына. Можно думать, что повышение при этомъ Кочубея въ генер. писари сдѣлано было потому, что Мазепѣ онъ былъ желательнѣе въ этомъ рангѣ, чѣмъ Прокоповичъ.—Неужели же не ясно, что „Голицынъ подсунулъ Мазепу козакамъ“? (Стр. 75). Поэтому едва ли можно говорить, что козаки, при выборѣ новаго гетмана, не имѣли де никакихъ основаній, чтобы „подчиниться внушеніямъ иностраннаго вельможи, ничѣмъ неизвѣстнаго, имъ незнакомаго, только что потерпѣвшаго поражение и не бывшаго даже войномъ по профессіи“. Какъ будто бы рада 25 іюля происходила въ идеальной обстановкѣ... Всякую иллюзію при этомъ уничтожаетъ описаніе этой самой рады, сдѣланное очевидцемъ: на радѣ участвовало 2000 козаковъ (800 конныхъ и 1200 пѣшихъ), при чемъ это небольшое войско было окружено другимъ войскомъ—московскимъ, нарочно придвинутымъ сюда по распоряженію, сдѣланному накануне вечеромъ ²⁾. Правда, участвовало на радѣ и все остальное козацкое войско, но лишь номинально, при чемъ представлялось оно лицемъ одного генер. писаря Кочубея ³⁾... Вотъ при какой обстановкѣ Голицынъ спросилъ козаковъ—кого желаютъ они выбрать себѣ гетманомъ?... Козаки сначала молчали, а потомъ ближайшіе къ Голицыну назвали Мазепу, и это имя повторено было другими. Нѣсколько голо-

¹⁾ Замѣтимъ, что изъ шести полковъ, въ которые назначены были новыя полковники, пять—были обширнѣйшіе въ Малороссіи, занимая территорію едва ли не въ $\frac{2}{3}$ всей гетманщины. См. карту Малороссіи при книгѣ Шафонскаго Опис. Черниг. Намѣста.

²⁾ Tagebuch Гордона, II, 189.

³⁾ На актѣ избранія, послѣ подписей начичной старшины, значится: „А вмѣсто полковъ, на службѣ монаршой ихъ царского пресвѣта. величества воставчихъ на Запорожьѣ, Чернѣговского, Переяславского, Прилудского, Миргородского, охотничьихъ конныхъ Новицкого и Пашковскаго и пѣхотныхъ Яворскаго и Герасимового и сотнѣ Глуховской, а вышей Кодаку на устьѣ Самары—Навашинскаго и пѣхотныхъ Иванѣевова и Кокуховскаго, за самыхъ тыхъ полковниковъ, за старшину изъ полковою, за сотниковъ и за атамановъ куренныхъ и за всю чернь, рядовое товариство, я, Василь Кочубей, писарь войсковый смералный, властною рукою подписуюся“. Собран. госуд. грам. и договор., IV, 560.

совъ назвало было Борковскаго, но—*sie wurden aber bald zum stillschweigen gebracht...* (Гордонъ). Такимъ образомъ Коломацкая рада должна была „подчиниться внушеніямъ иностраннаго вельможи, хотя ничѣмъ неизвѣстнаго и не бывшаго воиномъ по профессіи“, но повелѣвавшаго всѣмъ бывшимъ въ походѣ русскимъ войскомъ, часть котораго окружала тотъ „козацкій лагерь на рѣкѣ Коломакѣ, который, по мнѣнію г. Уманца, въ этотъ моментъ совершенно легально обратился въ „Коломацкую раду“... Если и существовало какое-либо подобіе „теоріи государственнаго права Малороссіи“ (стр. 70) въ формѣ „войсковыхъ обычаевъ“, то ужь никакъ не могла имѣть эта „теорія“ примѣненія на Коломакѣ, гдѣ властно повелѣвалъ и распоряжался кн. Голицынъ, самый сильный тогда человекъ въ Московскомъ государствѣ...

Думается, что всего сказаннаго достаточно, чтобы убѣдиться, что Мазепа получилъ булаву только при помощи власти Голицына, которую онъ при этомъ такъ ловко эксплуатировалъ. Отсутствие у Мазепы той популярности, которую приписываетъ ему г. Уманецъ, доказывается рядомъ событій, послѣдовавшихъ вслѣдъ за его поставленіемъ въ гетманы. Эти событія указываютъ, что народъ считалъ избраніе Мазепы какою-то случайностью и не ожидалъ отъ новаго властелина крѣпкой власти. Обыкновенно бываетъ такъ, что когда, при смѣнѣ властителей, власть попадаетъ въ руки авторитетнаго и популярнаго избранника, то народъ сразу и всецѣло подчиняется новой власти. Не то бываетъ, когда эта власть достается незаслуженно человекъ сомнительнаго авторитета. Тогда народная масса обыкновенно спѣшитъ воспользоваться случаемъ или для заявленія какихъ-нибудь протестовъ, или—просто для того, чтобы побушевать и сорвать на комъ-нибудь сердце. Такимъ образомъ заволновалась народная масса въ Малороссіи, когда на гетманство поставленъ былъ при протекціи Московскаго боярина (Великогагина) авантюристъ Брюховецкій, устранивъ народнаго предъизбранника Самбу. Заволновалась народная масса и вслѣдъ за поставленіемъ въ гетманы Мазепы. Г. Уманецъ приводитъ случаи „поднявшагося волненія“ среди козаковъ, находившихся

въ походѣ, при чемъ „буйство разрослось“ до того, что Прилуцкіе полчане бросили своего полковника (Лазаря Горленка) живого въ печь, а затѣмъ ограбили свою полковую церковь; въ Переяславскомъ и Нѣжинскомъ полкахъ арестованы были козаками ихъ прежіе полковники. Факты эти приведены въ книгѣ г. Уманца безъ объясненія¹⁾, при чемъ не говорится въ ней о такихъ же волненіяхъ, происшедшихъ во многихъ мѣстахъ Малороссіи, вслѣдъ за полученіемъ тамъ извѣстія о новомъ гетманѣ. Такъ Лизогубовская лѣтопись, послѣ извѣстія о поставленіи Мазепы, говоритъ: „тогда чернь и мужики пановъ своихъ, а паче арендаровъ, грабовали, а иныхъ мучили, въ смерть забивали, по городамъ и въ Войску“²⁾. Новый властитель спѣшилъ тушить эти волненія не властью, а уступками массѣ, разославъ „универсалы по всей Украинѣ, жебы тую своеволю унимали, а тихъ бунтовщиковъ карали, а ежели кому какая кривда отъ кого есть, жебы правомъ доходили, а сами своихъ кривдъ не мстилися, а также постановили, жебы юже арендъ не было на Украинѣ на горьку, а ни на жадный напитоку, опрочъ индукты“ (Самовид., 1687 г.).

Отвергая подкупъ Голицына Мазепою для полученія булавы, г. Уманецъ говоритъ, что „по духу времени Мазепа не могъ не дарить людей своей партіи послѣ избранія“. Дѣйствительно, Мазепа сдѣлалъ нѣкоторые подарки послѣ своего избранія. Подарки эти выразились въ маетностяхъ, какъ и слѣдовало ожидать отъ гетмана. Но подарки были сдѣланы почти исключительно людямъ незначительнымъ и, повидимому, въ нѣкоторыхъ случаяхъ вслѣдствіе лишь близкихъ личныхъ въ немъ отношеній новаго гетмана. Важные люди, какъ мы видѣли, были награждены урядами уже передъ выборами; дѣлать имъ еще подарки Мазепа находилъ ненужнымъ. Кого Мазепа одарилъ послѣ своего избранія, видно изъ слѣдующаго перечня универсаловъ на маетности, выданныхъ въ первыя шесть недѣль послѣ 25 іюля³⁾.

¹⁾ Убитъ былъ еще Гадацкими полчанами и бывшій миргородскій полковникъ Кіашка. Тагевишъ Гордова, II, 188.

²⁾ Сборн. лѣтописей, изд. Кіевск. Арх. Ком. 1888 г., стр. 84. См. также Сулм. Арх., 25, Могил. Арх., 3, Кіевск. Стар. 1889 г., лѣтон. Мгарск. м-ря, стр. 8—9.

³⁾ Перечень универсаловъ на маетности, рукоп. нашей 6—ки.

1687 г., 26 июня. Генер. судья Савва Прокоповичу подтверждение права на с. Кудровку.

— 17 августа. Черниговскому полковнику Якову Лизогубу на с. Сосновку. (Универсалъ выданъ на пути изъ-подъ Коломака въ Батуринъ, въ г. Ромнѣ).

— 17 августа. Войск. товар. Данилу Лѣсницкому на с.с. Матяшовку и Милюшки.

— 25 августа. Прилуцкому полковому есаулу Ивану Носу на с. Голубовку.

— 25 августа. Черниговскому войсков. писарю Ивану Скоропадскому (будущему гетману) на села Выхвостовъ, Боровицу и слоб. Дроздовку.

— 25 августа. Войсков. товарищу Пантелеймону Радичу на с.с. Буянку и Сахновку.

— 27 августа. Крелевецкому сотнику Ивану Маковскому на с. Подоловъ.

— 28 августа. Войсков. товарищу Карпу Мокріевичу подтверждение права на с.с. Сибережъ, Ямище и Гучинъ.

— 9 сентября. Вдовѣ прилуца. полк. писаря Раковича Агафѣѣ подтверждение права на с.с. Петровку и Поповку.

Сдѣлаемъ здѣсь нѣкоторыя поясненія.

Универсалъ Савва Прокоповичу, выданный хотя и на другой день послѣ избранія, но лишь заключающій въ себѣ подтверждение на имѣвшуюся уже у него маетность, показываетъ, что Мазепа считалъ достаточнымъ повышение Прокоповича въ генер. судьи.

Универсалъ Якову Лизогубу, поставленному на Коломакѣ полковникомъ одного изъ значительныхъ полковъ (Черниговскаго), на с. Сосновку, данный на пути изъ-подъ Коломака въ Батуринъ, долженъ указывать, что Лизогубъ, не имѣя въ это время ни одной маетности, спѣшилъ выпросить у новаго гетмана универсалъ на село, около котораго онъ, переселившись изъ-за Днѣпра, имѣлъ уже значительное ховяйство ¹⁾. Поэтому Лизогубу важно было получить именно Сосновку, хотя и находившуюся въ чужомъ полку. Никому изъ другихъ пяти новыхъ полковниковъ

¹⁾ Киевск. Стар. 1882 г., № 1. Лизогубы.

Мазепа маестностей не далъ, тоже, значить, находя, что они получили уже хорошую награду въ видѣ урядовъ.

Данило Лѣсницкій, занимая совсѣмъ невидное положеніе въ «Войскѣ», получилъ, однако же, *два села*. Это обстоятельство слѣдуетъ объяснить тѣмъ, что Лѣсницкій былъ пасынокъ Степ. Куницкаго, товарища Мазепы по службѣ у Дорошенка ¹⁾.

Носъ, Скоропадскій и Радичъ получили маестности, можетъ быть, въ благодарность за ту или другую услугу, оказанную при избраніи. При этомъ слѣдуетъ имѣть въ виду, что Носъ былъ вообще очень юркій человекъ по своему характеру, а Скоропадскій отличался угодливостью... Кролевецкій сотникъ Маковскій былъ почему-то очень близокъ къ Мазепѣ и въ народѣ извѣстенъ былъ, какъ „кумъ“ послѣдняго ²⁾.

Вдова Раковича могла получить универсалъ по ходатайству Носа, который былъ женатъ на сестрѣ умершаго ея мужа ³⁾.

Трудно объяснить выдачу универсала Карпу Мокріевичу. Мокріевичу приписывается главное руководительство въ интригѣ, низложившей Многогрѣшнаго. Какъ видно, дѣйствія его при этомъ были таковы, что и свои отъ него отвернулись: на радѣ, выбиравшей преемника Многогрѣшному, Мокріевичъ былъ устраненъ отъ писарства и остался въ ряду «знатныхъ войсковыхъ товарищей». За предательство Мокріевича, Лазарь Барановичъ публично обзывалъ его Іудею, какъ объ этомъ рассказываетъ Орликъ въ его письмѣ къ Яворскому. Вотъ этому Мокріевичу Мазепа нашелъ нужнымъ почему-то тоже дать подтверждательный универсалъ въ первые дни своего гетманства.

Изъ всѣхъ этихъ универсаловъ мы видимъ, что Мазепа считалъ достаточною наградою для подписавшихъ доносъ на Самойловича лицъ—повышеніе ихъ урядами. Одинъ остался не повышеннымъ на урядѣ (не было высшаго уряда)—генер. обоз-

¹⁾ Кіевск. Стар. 1886 г., июнь, 453.

²⁾ Олмс. Стар. Малороссія, II, 366, 389.

³⁾ Кіевск. Стар. 1888 г., ноябрь, 369.

дл. ЛАЗАРЬВИЧІЙ.

ный Борковский, и онъ былъ награжденъ магностями: въ октябрѣ 1687 г. Мазепа далъ Борковскому три богатыхъ села—Орловку, Брусиловъ и Тупичевъ.

II. Мазепа гетманъ

Переходимъ къ центральной части книги г. Уманца, въ главѣ „*Быть или не быть*“. Въ ней сосредоточена главная задача автора—„выдѣлить свѣтлыя точки политической и частной жизни Мазепы“.

Разсуждая о будущей измѣнѣ Мазепы, г. Уманецъ говорить, что „еще Хмельницкій понималъ, что для государственной самостоятельности въ Малороссіи нѣтъ базиса, могъ ли черезъ тридцать лѣтъ не понимать этого Мазепа? Имѣя, въ случаѣ измѣны, для себя только участь Брюховецкаго, для Малороссіи только новую „Руину“, могъ ли по убѣжденію не быть „вѣрнымъ“ Мазепа? Такимъ образомъ не только личный расчетъ гетмана, но и польза Малороссіи требовала отъ него тѣснаго союза съ Москвой... Итакъ, скептицизмъ и самосохраненіе обезпечивали Москвѣ вѣрность гетмана. Прогрессивное движеніе, охватившее всѣ среды московской жизни, давало этому тяготѣнію къ Москвѣ болѣе широкое основаніе... „Затѣмъ, рассказавъ, какъ „въ исторіи Малороссіи и ея гетмана было введено новое лицо—семнадцатилѣтній Петръ“, г. Уманецъ говорить, что „въ Малороссіи видѣли, какъ послѣ утренней зари правленія Софьи и Федора, въ лицѣ Петра надъ Москвою взошло яркое солнце прогресса. Здѣсь повяли, что въ Москвѣ—привышей давать камень, когда Малороссія просила хлѣба—неожиданно явился идеальный царь... Въ свою очередь Мазепа въ высшей степени раздѣляетъ общее настроеніе... Рассказывая

послѣ этого исторію Петрика, г. Уманецъ полагаетъ, что нѣтъ ни малѣйшаго основанія въ настоящемъ случаѣ подозрѣвать участіе Мазепы въ измѣнѣ... Возстаніе Петрика, въ извѣстномъ смыслѣ, было пробнымъ камнемъ для Мазепы. Надо отдать ему справедливость—изъ этого испытанія онъ вышелъ вѣрнымъ Петру и Россіи. Ясно, что въ это время Мазепа не держалъ въ умѣ мысли, объ отдѣленіи Малороссіи отъ Москвы и вполнѣ стоитъ за Петра и его политику... Большинство упрекаетъ Мазепу въ измѣнѣ родному краю. Но онъ слишкомъ хорошо знаетъ Малороссію, чтобы вѣрить въ „речь посполитую Украинскую“, и слишкомъ практикъ, чтобы не замѣтить, какъ поднимая Москву на степень цивилизованнаго государства, Петръ тѣмъ же движеніемъ поднимаетъ Малороссію... Вотъ почему отъ представленія Петру въ Троице-Сергіевской Лаврѣ, до той минуты въ жизни, которую намъ остается еще угадать, Мазепа болѣе поклонникъ Петра, болѣе входитъ въ его планы и рѣшительнѣй идетъ на встрѣчу его желаніямъ, чѣмъ всѣ родные царя, всѣ московскіе бояре... Теперь мы понимаемъ, почему въ первые годы иетманства между строкъ оффиціальной переписки, въ подкладкѣ всѣхъ распоряженій Мазепы, какъ правителя края, видна искра расположенія не только къ дѣлу Петра, но и къ самому Петру. Въ лицѣ Петра Мазепа предвидитъ будущее Россіи. И юноша Петръ покорилъ стараго Мазепу“... За этою тирадою, въ которой больше сказано, чѣмъ то позволяютъ историческіе матеріалы, слѣдуютъ страницы, на которыхъ г. Уманецъ старается „угадать минуту“, когда старый Мазепа задумалъ измѣну... Искру ея г. Уманецъ ищетъ вблизи московскихъ событій, наступившихъ послѣ возвращенія Петра изъ за-границы, около 1698—99 года (стр. 162). Первую мысль объ измѣнѣ г. Уманецъ старается уловить въ приписываемой Мазепѣ „думѣ“ („Вси покою щире прагнуть“), а затѣмъ останавливается надъ тѣмъ, какъ Мазепа принялъ, въ мартѣ 1701 г., послѣ нарвскаго пораженія, дьяка Михайлова, посланнаго къ гетману Петромъ В. за совѣтомъ. При этомъ Мазепа особенно торжественно благодарилъ царя („кланялся до земли трижды“),

что „изволилъ такими государскими велики дѣлами его увѣдомить“... Это утрированная благодарность и эти земные поклоны такъ неестественны!... Зная, что Мазепа ничего не дѣлаетъ наобумъ, приходитъ на мысль: „это не спроста“; Мазепа кому то заблаговременно „отводитъ глаза“... Намъ кажется, что основанную на этомъ случаѣ догадку слѣдовало бы подкрѣпить указаніемъ на другіе случаи противнаго характера... Затѣмъ слѣдуетъ описаніе тягостей, вызванныхъ шведской войною... Пораженія и неудачи развили энергію Петра. Козаковъ тотчасъ потребовали на сѣверъ. Идутъ полки за полками. На смѣну однихъ, являются другіе. Какъ и прежде, козакъ содержится на свой счетъ; но теперь онъ идетъ на край свѣта, въ незнакомую страну, по дѣлу совершенно чуждому мѣстнымъ интересамъ. Теперь онъ не видитъ ни конца войны, ни пользы отъ этой войны... Гетманъ начинаетъ жаловаться на тѣ или на другія обиды малороссіянъ.—Является „странное отношеніе Петра къ Польшѣ и его несправедливости къ Малороссіи“. Вдругъ Петра одолеваетъ фантазія: цѣною Малороссіи купить содѣйствіе поляковъ въ борьбѣ съ Швеціей... Мысль оставить полякамъ правый берегъ Днѣпра, въ разныхъ видахъ, не покидаетъ Петра до самой Полтавской побѣды... „Упорно приобрѣтая на сѣверѣ, Петръ отдаетъ коренныя русскія земли на югѣ... Положимъ, уступка праваго берега Днѣпра полякамъ дѣлалась не серьезно... Въ своей малороссійской политикѣ, какъ и во многомъ другомъ, Петръ слѣдуетъ узкимъ традиціямъ Москвы. Опасенія усилить малороссійскій элементъ въ Московскомъ государствѣ играетъ здѣсь главную роль... Пока Петръ заискиваетъ у поляковъ на счетъ Малороссіи, гетманъ является болѣе русскимъ, чѣмъ сама Москва. Его занимаетъ грандіозный планъ возвратить Малороссіи правый берегъ, т. е. на три четверти вѣка ранѣе исправить ошибку Андрусовскаго договора*). Тѣмъ хуже для Мазепы. Тѣмъ сильнѣе чувствуетъ онъ ошибку

*) Какъ далеко былъ Петръ В. отъ мысли отдать правый берегъ Польшѣ—это указываетъ его письмо къ Мазепѣ, писанное 20 сентября 1707 г. и найденное недавно Н. В. Молчановскимъ въ шведск. госуд. архивѣ въ Стокгольмѣ. Вотъ сокращеніе этого письма. „Не могу уступить Украинны полякамъ по тремъ причинамъ:

московской политики и несчастье племени, въ которому принадлежалъ и край, въ которомъ провелъ молодость... Мазепа, конечно, понималъ, что человекъ уничтожившій патриаршество, не могъ рано или поздно, не уничтожить гетманство. Остановка только за удобной минутой, когда это можно будетъ сдѣлать не опасаясь народнаго раздраженія... Является на сцену Меншиковъ и слѣдуютъ отъ него гетману обиды, одна за другою (стр. 195—197). Въ тоже время, ближайшая къ гетману старшина твердитъ ему: „яко мы за душу Хмельницкого всегда Бога молимъ и имя его блажимъ, что Украину отъ ига лядского свободилъ, такъ противнымъ способомъ и мы, и дѣти наши, въ вѣчные роды, душу и кости твои будемъ проклинать, если насъ за гетманства своего, по смерти своей, въ такой неволѣ оставишь“. Наконецъ, рассказывается эпизодъ, происшедшій лѣтомъ 1706 г. въ Кіевѣ, на обѣдѣ у гетмана, когда Меншиковъ будто бы сказалъ послѣднему: „пора приниматься за враговъ“, разумѣя подъ ними старшину.

Въ такомъ видѣ нарисовалъ г. Уманецъ картину постепеннаго развитія у Мазепы идеи объ измѣнѣ. Засимъ перечисляются „измѣнники“, т. е. сторонники Мазепинаго замысла; тутъ видимъ почти всю высшую старшину (стр. 212), къ сожалѣнію безъ какихъ либо хотя черточекъ ихъ индивидуальности... Этотъ списокъ указываетъ, что вопросъ объ измѣнѣ является какъ-бы общимъ, но Мазепа, повидимому, дѣйствуетъ одинъ:—„спуститесь на мою совѣсть и на мой подлый разумишко, на которомъ вы не ошибаетесь,“ говоритъ Мазепа старшинѣ и—дѣйствуетъ... Дѣйствія эти даютъ г. Уманцу полное основаніе сказать: „Правда и ложь въ его рукахъ до того дѣлаются одинаково

1) если уступлю, то потеряю возможность сношеній съ вѣрнѣйшими друзьями, курьеровъ нельзя послать, поляки народъ легкомысленный и непостоянный; 2) По окончаніи войны съ Швеціей, думаю воевать съ Турціей,—Украина мнѣ необходима для свободнаго движенія войскъ; 3) если уступлю Украину полякамъ, они мнѣ всячески будутъ вредить въ сношеніяхъ съ Турціей и Крымомъ.—Постарайся слазить польскихъ пословъ, если представишь мое письмо“. (Получено отъ Н. В. Молчановскаго, которому и приносимъ здѣсь глубокую нашу благодарность).

неузнаваемыми, что, наконец, дѣлается невозможнымъ отличить укрывательство отъ правды и даже теперь трудно разобратъ, гдѣ кончается истина и гдѣ начинается маска, надѣтая имъ по собственному желанію или вслѣдствіе рокового стеченія обстоятельствъ. Отъ этого даже теперь многое, что надо толковать въ похвалу Мазепѣ, ставится ему въ укоръ“ (стр. 234). При этомъ г. Уманецъ старается уяснить, напр., мотивъ Мазениной непріязни къ Палѣю. Защищая Палѣя,— послѣ приказа Петра В. вызвать послѣдняго изъ Бѣлой Церкви и арестовать,—Мазена могъ де „возбудить у Петра подозрѣніе въ творствѣ идеѣ малороссійскаго обособленія..“ Не лучше ли послушаться Петра и, отдѣлавшись отъ Палѣя, сохранить за собою всю арену и полную свободу“ (стр. 238). Другой примѣръ мазениной хитрости г. Уманецъ видитъ въ отношеніяхъ послѣдняго къ стародубскому полковнику Миклашевскому. „Еще въ 1703 г. Мазена доносилъ царю о томъ, что Миклашевскій ведетъ тайную переписку съ злонамѣренными поляками. Миклашевскій былъ даже лишенъ полка“... Для объясненія этого факта г. Уманецъ ссылается на Костомарова, видѣвшаго въ Миклашевскомъ—можетъ быть, подобіе Выговскаго... Мазена для спасенія идеи могъ не жалѣть „своихъ“, говоритъ г. Уманецъ и продолжаетъ: „теперь въ поведеніи Мазены, съ чувствомъ похожимъ на ужасъ, узнается человѣкъ, который съ психологической цѣлью, чтобы заглушить всѣ сомнѣнія въ душѣ Петра, не только покупалъ имѣнія въ Великороссіи, бранилъ свой народъ, сообщалъ царю и Головкину всѣ слухи о себѣ, безъ остатка, говорилъ правду и, какъ природный украинецъ, защищалъ Малороссію, но не остановился передъ притворствомъ и кощунствомъ фальшиваго причастія. Только теперь можно измѣрить всю глубину несчастія этого человѣка, всю бездну униженія этого таланта, который, по собственному желанію или въ силу рокового стеченія обстоятельствъ, задавшись невозможной, противной историческому теченію цѣлью, поставленъ въ необходимость прибѣгать къ такимъ средствамъ и расходоваться на эту достойную изумленія, но недостойную игру... Стынетъ кровь подъ гнетомъ этой строгой артистической игры, передъ холодно выдержанной

ролю... Онъ ставитъ на карту все, даже свое человѣческое достоинство. Это великій актеръ, очаровывающій зрителя и оставляющій въ недоумѣніи потомство, но, вмѣстѣ, это хищный звѣрь, искусно путающій слѣдъ, чтобы сбить съ толку охотника... Это измѣна артистической отдѣлки... Сиѣшимъ закрыть эту главу съ тѣмъ же чувствомъ, съ какимъ непривычный зритель спѣшитъ оставить анатомическій театръ и залу вивисекцій.“ Такъ заключаетъ г. Уманецъ главу—*Быть или не быть*.

Мы нарочно сдѣлали большія изъ нея выписки, чтобы показать—какъ выполнилъ г. Уманецъ свою задачу относительно „выдѣленія свѣтлыхъ точекъ политической жизни“ Мазепы. (О частной жизни будетъ говорено дальше). Читатель видитъ, что нельзя сказать, чтобы положенныя г. Уманцемъ краски на Мазепу-политика были особенно свѣтлы... „Нѣтъ обмана, жестокости и преступленія, предъ которыми онъ остановится“, рѣшившись на измѣну (стр. 242). Послѣ такой характеристики Мазепы, рождается вопросъ: кто же былъ Мазепа—авантюристъ или „патріотъ“? Вопросъ этотъ г. Уманецъ поспѣшно рѣшаетъ въ главѣ—*„Шведская инкурсія“*. Тамъ и мы скажемъ объ этомъ вопросѣ, а относительно главы *„Быть или не быть“* слѣдуетъ сказать, что едва ли авторъ ея угадалъ „ту минуту въ жизни Мазепы“, въ которую послѣдній рѣшился на „измѣну“. По крайней мѣрѣ, догадки его не убѣдительны... Быть можетъ, расположеніе къ „измѣнѣ“ у Мазепы, какъ человѣка выросшаго среди правобережныхъ шляхетскихъ тенденцій, было, такъ сказать, въ крови у него... А поэтому—тѣмъ труднѣе историка угадать искомую „минуту“. Затрудненіе это еще болѣе увеличивается отъ побочныхъ обстоятельствъ: война Петра В. съ Карломъ XII, слава послѣдняго и такіе успѣхи, послѣдняго какъ нарвское пораженіе,—являлись для Мазепы большимъ соблазномъ къ проявленію таившейся „измѣны“... Является сильное подозрѣніе, что надежда на благоприятный исходъ шведской войны для Карла—могла оказать сильный толчокъ въ области думъ и мечтаній Мазепы объ „измѣнѣ“.

Въ главѣ „*Крестыанское дѣло при Мазепѣ*“¹⁾ послѣдній отдѣливается какъ *правитель* въ „гражданской его дѣятельности“. Глава эта важна въ томъ отношеніи, что здѣсь авторъ долженъ намъ представить *дѣла* Мазепы въ фактахъ болѣе или менѣе опредѣленныхъ, а характеръ этихъ дѣлъ, во всякомъ случаѣ, долженъ помочь для уясненія личности Мазепы.

Главу о „*крестыанскомъ дѣлѣ*“ г. Уманецъ начинаетъ очеркомъ соціальнаго положенія Малороссіи до 1687 года, при чемъ, прежде всего, дѣлаетъ попытку объяснить происхождение сословій. Желая уяснить отношенія „товариства“ къ „посполству“, т. е. козаковъ къ крестьянамъ, г. Уманецъ говоритъ, что при Хмельницкомъ „козаки и посполитые ежедневно мѣнялись ролями“, такъ какъ само „положеніе дѣла (нужда въ народномъ ополченіи) не позволяло при немъ выдѣлить козачество изъ массы населенія“... Страницей ниже (244) самъ г. Уманецъ говоритъ о данныхъ Хмельницкимъ монастырямъ универсалахъ, въ которыхъ гетманъ обѣщаетъ не позволять монастырскимъ крестьянамъ переписываться въ козаки.. Наконецъ, если существовали термины для обозначенія сословій („товариство“ и „посполство“), то значитъ, что не только существовали самыя эти группы сословій, но при этомъ группы эти были уже и обособлены²⁾. Можно сказать только, что переходъ изъ одной группы въ другую, не былъ затрудненъ, но эта легкость перехода существовала во все продолженіе XVII в., и даже позже, такъ что время Хмельницкаго здѣсь особенно не выдѣлялось. На раннее обособленіе двухъ сельскихъ группъ указываетъ самъ г. Уманецъ, говоря о запрещеніяхъ перехода крестьянъ въ козаки. Здѣсь авторъ, между прочимъ, полагаетъ, что запрещеніе крестьянамъ переписываться въ козаки происходило не потому, что старшина не желала „дѣлать на мелкія части

¹⁾ Глава эта, по ошибкѣ, нами пропущена въ ихъ перечнѣ, слѣланиомъ въ началѣ „Замѣтокъ“.

²⁾ Самъ народъ понималъ это обособленіе двухъ юридическимъ зрѣніемъ; старожилы одного стародубскаго села въ 1729 г. говорили: „по изгнаніи ляховъ, якъ осли люди (въ этомъ селѣ), то можѣйшіе повисались въ козаки, а подлѣйшіе остались въ мужикахъ“. Опис. Ст. Малор., I, 381.

кусокъ общественнаго пирога, падающій на долю козаковъ“, а потому, что „лучшіе люди той эпохи старались удержать стремленіе массы мѣнять плугъ на мечъ“ (стр. 253). Такимъ образомъ, г. Уманецъ какъ будто предполагаетъ, что крестьянинъ, переписавшись въ козаки, бросалъ плугъ, замѣняя его мечомъ... Но развѣ козакъ бросалъ плугъ? Развѣ онъ не былъ такимъ же *земледѣльцемъ*, какъ и крестьянинъ?—Старшина не могла бояться, что „поля останутся непаханными“, но боялась, что принадлежавшей ей земли некому будетъ пахать... Преслѣдуя переходъ крестьянъ въ козаки въ своихъ маестностяхъ, старшина мало препятствовала такому переходу въ селахъ монастырскихъ и еще менѣе въ селахъ *ратушныхъ*. Московскій воевода естественно интересовался этимъ вопросомъ при Брюховецкомъ (стр. 253), потому что податью въ пользу государя облагалось одно посполство. Впрочемъ, самъ-же авторъ опровергаетъ высказанное имъ мнѣніе. На стр. 255-й, онъ указываетъ на приказъ Многогрѣшнаго любецкому сотнику: „не привлащать любецкихъ мѣщанъ подъ regimentъ“, чтобы тѣмъ не причинить убытка черниговскому войту, которому гетманъ позволилъ владѣть любецкими мѣщанами. Отсюда видно, что не боязнь замѣны плуга мечемъ тутъ была причиною. Еще менѣе можно видѣть въ этомъ распоряженіи тенденцію Многогрѣшнаго—„поддержатъ обособленіе мѣщанъ, т. е. ремесленнаго, торговаго и рабочаго класса“ (стр. 256) или—„создать въ мѣщанахъ противѣсь бурной, все забирающей въ свои руки демократіи козачества“ (стр. 258). Распоряженіе Многогрѣшнаго объ отдачѣ любецкихъ мѣщанъ въ послушенство черниговскому войту означало, что гетманъ отдавалъ любецкихъ мѣщанъ въ послушенство черниговскому магистрату, котораго расходы на разныя общественныя нужды требовали средствъ; вотъ для пополненія ихъ черниговскій магистратъ и получилъ отъ Многогрѣшнаго право на послушенство любецкихъ мѣщанъ, т. е. на ихъ трудъ. Любецкіе мѣщане являлись здѣсь—тѣми же *крестьянами*. Никакой мысли объ „особленіи мѣщанъ“ тутъ быть не могло, потому что до такихъ цѣлей гетманы XVII в. дорости не могли...

А между тѣмъ г. Уманецъ идетъ далѣе и приписываетъ Многогрѣшному „учрежденіе настоящихъ сословій,“ прибавляя при этомъ, что учрежденіе это послѣдовало „прежде, чѣмъ естественный ходъ жизни выдвинулъ вопросъ о сословіяхъ“... Думается, что приведенный фактъ отдачи любецкихъ мѣщанъ въ послушенство черниговскому магистрату не можетъ давать матеріала для такого широкаго заключенія... При томъ же, Многогрѣшный ужъ никакъ не принадлежалъ къ числу тѣхъ правителей, которые могли преслѣдовать тѣ или другія соціальныя цѣли... Всѣдъ за такимъ заключеніемъ о дѣятельности Многогрѣшнаго, г. Уманецъ говоритъ, что „первые гетманы старались только о томъ, чтобы не всѣ шли въ козаки. Они вовсе не хотѣли сдѣлать козаковъ панами и только думали, какъ удержать возможно болѣе количество населенія при производительныхъ занятіяхъ. Событія повели общество далѣе, чѣмъ гетманы желали. Козакъ именно становится паномъ. Не только козаки дѣлаются малочисленнымъ классомъ, но получаютъ значеніе привилегированнаго сословія. Съ этого времени (послѣ Многогрѣшнаго) ясно выдѣляются два направленія: въ силу перваго, козаки получаютъ значеніе дворянскаго сословія, въ силу втораго—посполитые все болѣе и болѣе приближаются къ будущему крѣпостному праву“... Тутъ авторъ несомнѣнно сильно упреждаетъ событія *)... Далѣе читаемъ: „Итакъ, къ началу 80-хъ годовъ XVII в., въ теоріи уже проводится рѣзкая грань между козаками и посполитыми: козаки освобождаются отъ послушенства, но обизываются личной военной службой на своемъ содержаніи“ и т. д. (стр. 262). Да когда же козаки не были свободны отъ послушенства? Если мы возьмемъ и время Хмельницкаго, то и тогда уже званіе козака указываетъ на обязанность нести военную службу на своемъ содержаніи, при чемъ о какомъ либо послушенствѣ (т. е. о личномъ трудѣ въ пользу того или другаго державца) не могло быть и рѣчи.

*) О томъ, какъ зарождалось въ Малороссіи „дворянское сословіе“, можемъ сослаться на монографію г. Миллера — „О превращеніи старшинъ въ дворянство“. (Кіевск. Стар. 1897 г.) и на наши „Замѣчанія“ на эту работу. (Харьковъ. 1898).

Здѣсь же кстати замѣтимъ, что „Войско“ никогда не пользовалось тѣмъ „послушенствомъ“ (конечно, крестьян?), о которомъ говоритъ г. Уманецъ, указывая на водяныя мельницы (стр. 249). Указывая на послѣдствія, какъ на источникъ для заплаты жалованья охотничьимъ полкамъ, г. Уманецъ говоритъ: „случалось, что одно колесо или просто часть дохода съ мельницы принадлежала „Войску“, а другая составляла частную собственность“ и при этомъ приводитъ въ примѣръ универсалъ Брюховецкаго войск. товар. Годуну, которымъ гетманъ жалуется послѣднему „двѣ мѣрочки млиновыя, приподающія на насъ“, „т. е. въ войсковую казну“, добавляетъ г. Уманецъ. Но дѣло въ томъ, что вся эта мельница, цѣликомъ, принадлежала Годуну; но такъ какъ водяныя мельницы представляли собою вообще одинъ изъ источниковъ для пополненія „войсковаго скарба“ (войсковой казны), причемъ на „Войско“ шло двѣ трети ихъ мельницкаго барыша (двѣ мѣрочки изъ трехъ), то гетманы очень часто жаловали владѣльцевъ водяныхъ мельницъ *войсковою частью дохода*. Такъ было и въ данномъ случаѣ. Брюховецкій жалуется в. тов. Годуну тѣ „двѣ мѣрочки“ изъ получаемого хозяиномъ мельницы дохода, которыя передъ тѣмъ отбирались въ „скарбъ“. Слѣдовательно, мельницы, съ которыхъ собиралась часть помолы въ пользу войсковаго скарба, *никогда во владѣннн „Войска“ не находились*, а принадлежали всецѣло тому или другому собственнику, который, какъ всецѣлый хозяинъ, заботился самъ и о ремонтѣ мельницы. Ни о какомъ участіи „Войска“ въ веденіи мельничнаго хозяйства и рѣчи не могло быть.

Переходя къ характеристикѣ управленія гетманщиною Мазепы, г. Уманецъ говоритъ о его отношеніяхъ къ крестьянскому вопросу, къ вопросу объ „арендахъ“, какъ источникѣ пополненія „войсковаго скарба“, и наконецъ — о заботахъ Мазепы относительно церковно-строительства, которое, по мнѣнію автора, „имѣло столько же религіозное, сколько экономическое и просвѣтительное значеніе“. Очерку „гражданской дѣятельности“ Мазепы предшествуетъ нѣкоторая характеристика личныхъ отношеній новаго гетмана къ своимъ сотрудникамъ. „Съ из-

браніемъ Мазепы — перемѣнилось обращеніе въ гетманскомъ дворцѣ. Солдатская грубость Многогрѣшнаго и мелкое высоко-мѣріе Самойловича замѣняется *внушительной обходительностью*. Мазепѣ ли не умѣть запскать? Пиры оглашаютъ батуриискій замокъ. Старикъ пускаетъ въ ходъ свое *обворожительное краснорѣчіе, умѣнье съ каждымъ говорить на его языкъ*,—гдѣ надо затронуть личные интересы, корыстолюбіе или патріотизмъ“... „Мы имѣемъ нѣкоторыя свѣдѣнія о „грубости“ Многогрѣшнаго и о „высокомѣріи“ Самойловича, но о „внушительной обходительности“ Мазепы, о „его обворожительномъ краснорѣчьи“ развѣ слѣдуетъ лишь догадываться... Впрочемъ, быть можетъ, для заключенія о Мазепиномъ краснорѣчьи автору служатъ письма гетмана къ Кочубеевнѣ, о „силѣ выраженія“ въ которыхъ г. Уманецъ такого высокаго мнѣнія (стр. 231). Другихъ историческихъ данныхъ объ указанныхъ выше личныхъ качествахъ Мазепы—нѣтъ.

Обозрѣвая затѣмъ „гражданскую дѣятельность“ Мазепы и не находя въ ней какихъ-нибудь замѣтныхъ *дѣлъ*, г. Уманецъ полагаетъ, что причина этого заключается въ томъ, что Мазепа „не могъ удѣлять много времени гражданскому устройству Малороссіи“, *будучи занятъ походами*, такъ какъ онъ совершилъ въ первыя двѣнадцать лѣтъ своего гетманства—одинадцать лѣтнихъ и двѣнадцать зимнихъ походовъ, и имѣя во вторую его половину, благодаря шведской войнѣ, одинъ сплошной походъ“¹⁾. Не ужели же въ 23 года своего гетманства Мазепа занятъ былъ одними походами?—Несомнѣнно, что Мазепа имѣлъ много времени, чтобы „удѣлять часть его и на гражданское устройство Малороссіи“, но повидимому, этотъ вопросъ его нисколько не заботилъ безъ внѣшнихъ воздѣйствій.

¹⁾ Здѣсь г. Уманецъ дѣлаетъ ссылку на донесеніе Мазепы въ Москву (1699 г.) о народномъ бѣдствіи вслѣдствіе голода, причемъ Мазепа указываетъ, что такое положеніе народа увеличивается отъ военныхъ походовъ „отправившихся лѣто и зиму чрезъ килькондцать лѣтъ...“ (Костомар., Мазепа, 161) О личной тяготѣ Мазепѣ—тузъ нѣтъ ни слова.

Ссылаясь на известный универсалъ Мазепы 1691 г. (Кіев Стар., 1891, янв., 3), въ которомъ гетманъ приказывалъ державцамъ „власть свою при владѣніи маестностями выражать мѣрно, не чиня подданнымъ разныхъ вымысловъ и тяжестей“, а также на предствательство Мазепы предъ Петромъ В. за посполитыхъ въ двухъ-трехъ случаяхъ, когда царь требовалъ ихъ на равныя военныя надобности, г. Уманецъ говоритъ, что „приведенныхъ фактовъ достаточно, чтобы видѣть въ защитѣ посполитыхъ Мазепой не случайность, а систему“ (стр. 287). Кажется, что такое заключеніе сдѣлано поспѣшно, такъ какъ никакой системы у Мазепы по этому вопросу не видно. Думается, что мы не ошибемся, если скажемъ, что исторію именно этого универсала рассказываетъ самъ Мазепа въ своемъ донесеніи въ Москву, относящемся къ октябрю 1692 г. Изъ этого замѣчательнаго донесенія (Матер., Бант.-Кам., II, 5—7) видно, что Мазепа въ сентябрѣ 1692 года получилъ изъ Москвы указаніе на происходящія „межъ народомъ вопль и пререканіе“ по поводу аренды и неправильной раздачи маестностей, причемъ добавлялось, что эти народныя жалобы даютъ поводъ и запорожцамъ „произносить голоса къ шатости склонные“. Московское правительство поручило гетману „помыслить и посовѣтывать“—нельзя ли сдѣлать необходимыхъ облегченій. Въ отвѣтъ на это распоряженіе, Мазепа отвѣчалъ подробнымъ донесеніемъ о томъ, что дѣйствительно народъ жалуется на аренды, а запорожцы пишутъ къ нему объ отягощеніи народа — „что многіе села розданы разнымъ особамъ въ подданство“; „предваряя (пишетъ онъ далѣе), чтобы отъ особъ, селами владѣющихъ, какъ старшинъ генеральныхъ, такъ и полковниковъ и товариществъ войскового, люди посполитые, въ подданствѣ ихъ будущіе, отяженія и бремени неудобъ носимыхъ не терпѣли, розослали есмы давно наши универсалы во все полки и юроды, разолошая такойъ нашъ приказъ, дабы никто изъ тѣхъ владѣтелей не дерзалъ работами великими и поборами вымъшленными людей въ селахъ, собъ данныхъ, обрѣтающихся, отягощати и ни малой въ земляхъ, поляхъ, лѣсахъ, стножателъ и всякихъ угодьяхъ чинити имъ обиды

и мисля и чтобъ владѣли ими въ мѣру, ничею вновь и выше мѣры не налагая..."

Думаемъ, что изъ исторіи универсала 1691 года ясно видно, что онъ былъ результатомъ случайности (запорожскихъ „нареканий“, которыя порождали въ народѣ „шатость“), но никакъ не системы.

Едва ли вѣрно заключеніе г. Уманца и о предполагаемой имъ попыткѣ Мазепы возстановить значеніе ранговыхъ имѣній. Указывая на трудность таковой попытки, г. Уманецъ говоритъ, что однакожъ Мазепою она была сдѣлана, причемъ приведенъ слѣдующій примѣръ. „Генеральный обозный Петръ Забѣла передалъ с. Клишки по завѣщанію одному изъ своихъ сыновей; Мазепа отдалъ Клишки другому и, не смотря на всѣ ходатайства, даже царскій указъ (т. е. грамоту), не возвратилъ. Послѣ паденія Мазепы многіе объясняли неутвержденіе распоряженія прежняго владѣльца взяткой, будто бы данной гетману. Но во 1-хъ, тогда все можно было говорить о Мазепѣ; во 2-хъ, если сохраненіе Клишекъ для „Войска“ было злоупотребленіемъ, то чѣмъ объяснить всѣ распоряженія Мазепы въ видахъ сохраненія ранговыхъ имѣній? *Отобраніе Клишекъ неизбѣжно при желаніи спасти ихъ, какъ ранговое имѣніе (?), и противодѣйствовать безусловно незаконному дѣйствию покойнаго вліятельнаго чиновника*“. Приводимый здѣсь случай, послужившій г. Уманцу основаніемъ для такого широкаго обобщенія, заимствованъ имъ изъ бумагъ, нами напечатанныхъ (Кіевск. Стар. 1883 г., июль) и тѣмъ яснѣе для насъ, что дѣло было не такъ. Генер. обозный Петръ Забѣла получилъ по царской грамотѣ въ 1656 году пять селъ, въ томъ числѣ и Клишки (Опис. Стар. Малор., II, 136). Умирая, Забѣла распредѣлилъ свои маестности такъ: три села (въ томъ числѣ и Клишки) отдалъ младшему сыну Ивану, а два села—сыновьямъ Степану и Василю. Умеръ П. Забѣла въ 1689 г., т. е. въ тотъ годъ, когда Мазепа ѣздилъ въ Москву послѣ неудачнаго похода кн. Голицына въ Крымъ. Мазепа ѣздилъ въ Москву въ сопровожденіи чуть ли не всей первостепенной старшины и множества меньшей¹⁾. Въ это время въ

¹⁾ Перечисленіе старшинъ у Костомарова, „Мазепа“, 32 и слѣд.

Москваѣ произошелъ тотъ переворотъ, послѣдствіемъ котораго было удаленіе Софіи и вступленіе въ дѣйствительную власть Петра. Какъ извѣстно, въ этотъ моментъ Мазепа сѣумѣлъ поправиться Петру и, воспользовавшись удобнымъ моментомъ, по-выпрашивалъ царскія грамоты на маенности, раньше розданныя старшинѣ и, кромѣ того, понадавалъ послѣдней еще и новыя. Повидимому, въ этотъ моментъ Мазепа старался закрѣпить за собою пріязнь вліятельной старшины и ея родичей, чтобы тѣмъ самымъ приобрести надъ нею большее вліяніе. Надѣляя маенностями старшину, Мазепа нашелъ нужнымъ надѣлить и нѣжинскаго полковника Степана Забѣлу. Послѣдній уже раньше получилъ отъ Мазепы с. Конашевку (подъ Борзною), да по отцовскому завѣщанію владѣлъ онъ с. Лушниками. Пользуясь случаемъ, Степанъ Забѣла самъ распорядился отобрать отъ младшаго брата одно изъ завѣщанныхъ послѣднему селъ—Клишки („село Клишки отъ мене подъ свою власть отобралъ“), а въ Москваѣ обратился къ Мазепѣ съ просьбою узаконить его самоволіе и дать ему свой универсалъ на отнятую у брата маенность. Просьба была удовлетворена и Клишки утверждены были за Степаномъ Забѣлою гетманскимъ универсаломъ. —Что же, значить, Мазепа дѣлалъ при этомъ? — Онъ отобралъ у одного изъ братьевъ наслѣдственную его маенность (которою наслѣдодатель владѣлъ по грамотѣ) и отдалъ другому брату потому, что этотъ другой братъ занималъ важный урядъ нѣжинскаго полковника, а тотъ братъ, отъ котораго отбиралась маенность, былъ человѣкъ малаго ранга и кромѣ того былъ зятемъ генеральнаго обознаго Борковскаго, котораго Мазепа всегда не любилъ¹⁾. Здѣсь и

¹⁾ См. Кіевск. Стар. 1893 г. Вотъ относительно Борковскаго {Мазепа дѣйствительно поступилъ такъ, какъ говоритъ г. Умавецъ о случаѣ съ Забѣлами. Не успѣлъ Борковскій умереть, какъ Мазепа отобралъ у его вдовы м. Орловку, надлежащее „на урядъ обозничества“, причемъ впрочемъ мѣстечко было повернуто—„на гетманскій дворъ“. Но здѣсь Мазепа проявилъ актъ пристрастія и нелюбви къ покойному Борковскому, на что и указываетъ Кочубей. (Матер., Бавт.-Кам., II, 109). Тутъ же разсказанный Кочубеемъ случай съ наслѣдствомъ кіевск. полковника Солоняны былъ того же характера. Въ обоихъ случаяхъ причиною отобранія маенностей была нелюбовь Мазепы.

рѣчи не было о какомъ либо „сохраненіи ранговыхъ маетностей“, а было лишь *одно насиліе, одна несправедливость* по отношенію къ Ивану Забѣлѣ, младшему брату Степана Забѣлы¹⁾. Вѣдь не отобралъ же Мазепа Клишекъ послѣ смерти Степана Забѣлы, какъ ранговую маетность, а оставилъ ее у сына послѣдняго, незначительнаго войскового товарища (Опис. Ст. Малор., II, 360). Мы остановились на этомъ фактѣ, какъ на примѣрѣ рѣзкаго, несоотвѣтствія между фактомъ и заключеніемъ автора, который затѣмъ продолжаетъ: „Изъ всего этого видна неосновательность предположенія объ исключительномъ сочувствіи Мазепы къ панамъ и будущему дворянству... Напротивъ, если всѣ брались за ближайшія средства, то Мазепа въ сословномъ вопросѣ заботился о справедливости“. Такую „справедливость“ можетъ указывать одинъ только универсалъ Мазепы 1691 года, но и онъ былъ вынужденною мѣрою для успокоенія „воплей и пререканій“ полтавскаго посольства, жившаго въ сосѣдствѣ съ Запорожьемъ и потому менѣе смирнаго, чѣмъ посольство, находившееся вдали отъ Запорожья...

Говорить г. Уманецъ и объ „арендахъ“. Это былъ откупъ на торговлю виномъ, табакомъ и дегтемъ. Народъ былъ противъ этихъ откуповъ, но они составляли одинъ изъ главныхъ источниковъ для пополненія „войсковаго скарба“, а доходами послѣдняго оплачивалось жалованье „охотничьимъ“ полкамъ. Мы уже видѣли, что однимъ изъ первыхъ распоряженій Мазепы-гетмана была отмѣна „арендъ на горѣлку“ и на другіе напитки (Самовид., 79); но затѣмъ, какъ видно изъ полученнаго въ сентябрѣ 1692 г. указанія изъ Москвы, аренды эти были восстановлены. Заботясь объ устраненіи народнаго недовольства, на которое указывалось даже изъ Москвы, гетманъ, послѣ многихъ совѣщаній, повидимому, не нашелъ возможности отмѣнить „арендъ“, пока не будетъ найденъ другой источникъ на „собраніе денегъ“.

¹⁾ Самъ Мазепа признавалъ за Иваномъ Забѣлою право на Клишки и долго вѣдиль его обѣщаніемъ возратить ему маетность. Киевск. Стар. 1884 г., июль, 521—522.

При этомъ, сдѣланы были, впрочемъ, нѣкоторыя облегченія, „чтобъ при покупкѣ водки на родинѣ и на свадьбы досады людемъ не дѣлалось“. Изъ этихъ фактовъ, и только изъ этихъ, едва ли можно дѣлать общія заключенія, что „Мазепа, неожиданно, сдѣлавшись гетманомъ, высказывается противъ аренды“ и что, „стремясь уничтожить аренды, Мазепа встрѣтилъ нѣкое сопротивленіе пановъ (?) и старшины“... И еще менѣе можно видѣть въ обложеніи шиньовъ и винокурень попытку Мазепы перейти къ акцизной системѣ.... Аренды были необходимы въ Малороссіи потому, что тогдашній складъ жизни не давалъ возможности найти болѣе удобный, по способу взиманія, источникъ на заплату наемному войску жалованья.

Разсказывая о построеніи Мазепою многихъ церквей и объ украшеніи ихъ, г. Уманецъ говоритъ, что постройка церквей Мазепою „равносильна учрежденію имъ *цѣлой системы маленькихъ шпиталей и школъ*... Постройка церквей Мазепою и другими жертвователями того времени имѣетъ столько же религіозное, сколько экономическое и просвѣтительное значеніе.... Тогдашній *шпиталь* содержалъ *бѣдныхъ сиротъ, учившихся въ школѣ и коллеіи*“... И здѣсь, по нашему мнѣнію, нельзя не видѣть нѣкотораго преувеличенія фактовъ... Дѣйствительно, Мазепа не скупился на постройки церквей и ихъ украшеніе въ большихъ городахъ и монастыряхъ (причемъ былъ выстроенъ имъ и новый корпусъ въ Кіево-Братскомъ монастырѣ); но этотъ фактъ не былъ какимъ-нибудь исключеніемъ относительно Мазепы. Такъ же точно строилъ церкви и помогалъ ихъ украшенію и Самойловичъ ¹⁾. Стародубскій полковникъ Мишашевскій строилъ церкви въ Глуховѣ и въ Выдубицкомъ монастырѣ; въ послѣднемъ имъ была выстроена каменная церковь во имя св. Георгія Побѣдоносца и каменная трапеза съ церковью Преображенія Господня ²⁾. Набожное усердіе одушевляло тогда всѣхъ

¹⁾ См., напр., Отрывки изъ летописи Мгарск. и—рд., въ Кіевск. Стар. 1889 г. Успенская каменная церковь въ Глуховѣ начата постройкою (въ 1686 г.) Самойловичемъ. Опис. Стар. Малор. II, 430.

²⁾ Тамъ же, 430. Соч. Максимовича, II, 251.

Лл. Лазаревскій.

имующихъ людей, что лучше всего видно изъ монастырскихъ земельныхъ актовъ того времени, изъ которыхъ почти каждый свидѣтельствуесть о „жертвѣ“¹⁾. Мазепа, какъ представитель страны, не могъ отставать въ этомъ дѣлѣ отъ другихъ. Поэтому едва-ли можно говорить, что „старшина, богатые пань, городскія и сельскія общества самостоятельно и *изъ подражанія* дѣлали то же, что и гетманъ“ (стр. 303). „Старшина и богатые пань“ строили церкви очень усердно, безъ всякаго подражанія, въ своихъ *слободахъ* потому, что Божій храмъ былъ однимъ изъ главныхъ средствъ для привлеченія новыхъ слобожанъ, любившихъ садиться тамъ, гдѣ уже таковой имѣлся. Что же касается до постройки сельскихъ церквей Мазепою, на что указывается г. Уманецъ (стр. 302), то здѣсь имъ приводятся случаи постройки церквей лишь на основаніи „церковныхъ лѣтописей“, какъ извѣстно, наполняемыхъ преданіями не всегда осторожно; притомъ же, м.м. Янполь и Марчихина-Буда, гдѣ Мазепа, по преданію, построилъ церкви, принадлежали къ числу гетманскихъ маестностей (Опис. Стар. Малор., II, 486 и 500), слѣдовательно, здѣсь церкви строить Мазепѣ было выгодно....

Здѣсь же нельзя не замѣтить, что указаніе г. Уманца, будто бы тогдашній шпиталь содержалъ бѣдныхъ сиротъ, учившихся въ школѣ—неверно. Г. Уманецъ ссылается при этомъ на универсалъ, „упрекающій Петрика въ томъ, что его воспиталь полтавскій шпиталь“; но обращаясь къ этому универсалу (Величко, III, 114), мы читаемъ: „всѣ мы знаемъ, же батько твой (Петрика) *жебракъ* (нищій) есть, въ городѣ нашемъ Полтавѣ въ *шпиталь* мешкалъ; а ты *въ школѣ*, межъ нищими ваялся, и по-подъ окнами нашими ходячи, окрушками вывормился“... Изъ этого отрывка мы видимъ, что отецъ Петрика, будучи *нищимъ*, жилъ въ *шпиталь*, т. е. въ богадѣльнѣ, а сынъ его жилъ *въ школѣ*, но не *въ шпиталь*, причемъ универсалъ добавляетъ, что Петрикъ, и въ школѣ будучи, „ваялся межъ

¹⁾ См. дѣлаю коллекцію этихъ актовъ, переданныхъ изъ Черниг. казенной палаты въ Киевск. центр. архивъ.

нищими“, т. е. былъ тѣмъ же нищимъ... Кто жилъ въ шпиталяхъ—это видно изъ описанія въ Румянцовской описи тогдашнихъ церквей и необходимыхъ ихъ принадлежностей—„шпиталей“ и „школь“¹⁾. Въ шпиталяхъ жили только „старцы“, т. е. нищѣ и калѣки, а школяры жили вмѣстѣ съ „дьячками“ и „пономарями“, въ особыхъ домахъ, называвшихся „школами“. Въ спискахъ обитателей „школь“ такъ постоянно и значится, что живутъ въ ней „молодики“ и „школьники“ такіе-то (имя рекъ), при чемъ возрастъ тѣхъ и другихъ колеблется между 10 и 35 годами.

Обращаясь, послѣ этихъ частныхъ замѣчаній, къ общему заключенію о „гражданской дѣятельности“ Мазепы, въ предѣлахъ разсказа г. Уманца, мы полагаемъ, что положительной стороны этихъ дѣлъ—не видно. Но тутъ же нужно еще сказать, что „гражданская дѣятельность“ Мазепы въ книгѣ г. Уманца далеко не исчерпана. Отведя особую главу *крестьянскому дѣлу при Мазепѣ*, г. Уманецъ вовсе не коснулся вопроса относительно раздачи имъ маестностей, а между тѣмъ мы видѣли, что именно эта раздача порождала въ народѣ „воплъ и пререканія“. Правда, печатный матеріалъ по этому вопросу не великъ, но все же кое-что есть. Изъ одного только печатнаго матеріала можно сдѣлать несомнѣнное заключеніе, что для нѣкоторыхъ лицъ изъ своей старшины Мазепа былъ очень щедръ, а для другихъ—скупъ. Видимо, у Мазепы были любимцы и нелюбимцы. Укажемъ на прилуцкаго полковника Дмитрія Горленка, которому Мазепа съ 1694 г. по 1706 г.—далъ пять селъ, а въ 1707 г. далъ село и сыну его, въ то время только вятному войск. товарищу“²⁾. Преемникъ по уряду Дмитрія Горленка, Иванъ Носъ оставилъ намъ любопытную характеристику отношеній своего

¹⁾ Для примѣра укажемъ опись прилуцкихъ церквей въ 1765 году. *Архивъ. Отрывки для исторіи Полтавской епархіи* (Полтава. 1887), вып. I, стр. 57—64.

²⁾ Русск. Арх. 1875 г., II, 244.

предшественника къ Мазепѣ. Указавъ на захватъ Горленкомъ множества полковыхъ земель, Носъ говорить, что Горленко „много могущимъ будучи властелиномъ, все, что хотѣлъ, то и забиралъ, имѣя протектора своего и отца¹⁾ въ бывшемъ гетманѣ Мазепѣ, который, „не видя обиды людской“, выдавалъ ему универсалы не только на всякіе грунты и маестности, но выдавалъ бы универсалъ „подуфалому своему сыну“ и на цѣлый полкъ, на всѣхъ людей посполитыхъ и козаковъ, если бы онъ, Горленко, попросилъ о такомъ универсалѣ“²⁾! Черниговскому полковнику Павлу Полуботку за три года его полковничества при Мазепѣ, послѣдній не далъ ни одной маестности³⁾. Затѣмъ, въ практикѣ Мазепы при пожалованіи маестностей мы встрѣчаемъ *первый случай* отдачи населенной маестности *мѣщанину*, будущему стародубскому войту Спиридону Шираю: по универсалу 26 мая 1688 г., „обывателю стародубскому Спиридонову, съ певныхъ респектовъ и причинъ, надано въ завѣдываніе и уживанье, до ласки войсковой, селце Сининъ“⁴⁾. Ширай велъ обширную заграничную торговлю пенькою и поэтому былъ очень богатъ; Шираево богатство и было, повидимому, причиною „певныхъ къ нему респектовъ“. Такое же покровительство Мазепой было оказано и другому *мѣщанину*, „обывателю кіево-печерскому п. Максиму“ (родоначальнику Максимовичей), то же „съ певныхъ респектовъ и для частой въ войсковыхъ потребахъ дознанной выгоды“, исходившей изъ богатства „п. Максима“, у котораго,

¹⁾ Костомаровъ говорить („Мазепа“, 7), что жена Мазепы (рожд. Половецъ) была родственницей прилукскому полковнику Горленку. Хотя источникъ этого свѣдѣнія и не указанъ, но несомнѣнно, что оно взято изъ „Родословной книги“ ив. Лобанова-Ростовскаго, куда свѣдѣніе о родствѣ Мазепы съ Горленками попало, какъ догадываемся, изъ бумагъ „историка“ Н. А. Маркевича. Никакого родства тутъ не было и не могло быть уже по одному различію тѣхъ мѣстностей Малоросіи и словъ общества, изъ которыхъ происходили жена Мазепы и Горленки. Носъ называетъ Дм. Г—ка „подуфалымъ сыномъ“ Мазепы иронически за чрезмѣрное пристрастіе къ нему гетмана.

²⁾ Русск. Арх. 1876 г., II, 246.

³⁾ Тамъ же, 1880 г., I, 189—140.

⁴⁾ Перечень универсаловъ на маестности, рукоп. нашей 6—ки.

значить, не было еще и настоящего прозвища. Здѣсь покровительство богатому мѣщанину выразилось въ томъ, что сыновья его поступили въ войсковую службу и надѣлены были всякими милостями, а въ томъ числѣ и маестостями ¹⁾).

Не познакомилъ читателя г. Уманецъ въ своемъ изслѣдованіи и съ ближайшими совѣтниками или сотрудниками Мазепы. Здѣсь мы бы увидѣли, что Мазепа, будучи правобережнымъ человѣкомъ, повидимому, предпочиталъ своихъ земляковъ лѣвобережникамъ, можетъ быть по недостаточной еще при немъ культурѣ послѣднихъ. Изъ правобережниковъ Мазепу окружали: Ломиковский, Зеленскій, Чечель и Мазепины родичи: Обидовскій, Мокиевскій, Трощинскій. Въ числѣ наперсниковъ Мазепы были и чужеземцы: Орликъ ²⁾, Кенигсекъ, Згура (грекъ). Изъ лѣвобережниковъ въ числѣ Мазепиныхъ присныхъ можно назвать только четырехъ: Дм. Горленка, Дм. Максимовича, Чуйкевича Ант. и Гамалѣю ³⁾. Данило Апостоль, хотя и былъ единомышленникомъ въ измѣнѣ, но Петръ В. называлъ его, конечно не безъ основаній, „великимъ непріателемъ Мазепы“ ⁴⁾. Такой составъ Мазепиныхъ наперсниковъ можетъ указывать, по нашему мнѣнію, что Мазепа болѣе чѣмъ въ двадцатилѣтнее свое гетманство оставался достаточно стороннимъ человѣкомъ въ лѣвобережной Малороссіи.

Не можемъ не вспомнить тутъ и того пункта въ доносѣ Кочубея, гдѣ говорится о „ганебной симоніи“ Мазепы за полковничьи мѣста и о его вообще стяжательности... Изъ этихъ коротенькихъ указаній можно видѣть, что въ „гражданской дѣятельности“ Мазепы были и отрицательныя стороны...

Но здѣсь же нужно сказать, что, обѣлая Мазепу въ гражданской его дѣятельности, г. Уманецъ едва ли не напрасно на-

¹⁾ Опис. Стар. Малор., II, 28.

²⁾ Орликъ родомъ былъ чехъ, какъ видно изъ документовъ Стокгольмскаго госуд. архива. (Сообщено Н. В. Молчановскимъ).

³⁾ Впрочемъ, Максимовичъ и Гамалѣя были сыновьями правобережниковъ.

⁴⁾ Изъ письма Петра В. къ Меньшикову отъ 27 окт. 1708 г. („буде полковникъ миргородскій гдѣ въ близости, то прикажите его прислать... в. ч. оныя *ослиный непріатель былъ Мазепинъ*“). Дополн. къ дѣян. Петра В. (М. 1792) т. VIII, стр. 139.

брасываетъ ужь черезчуръ темныя тѣни на его политику, до ея сравненія—съ вивисекціей... Можетъ быть вѣсколько темна исторія Мазепы съ Палѣемъ. Хотя и здѣсь можно думать, что Мазепа самолично желалъ устранить съ арены дѣйствія слишкомъ замѣтнаго и при томъ богатаго человѣка, затѣнявшаго Мазепу въ родной ему Бѣлоцерковщинѣ...

Напрасно не вспомнилъ г. Уманецъ, говоря объ отношеніяхъ Мазепы къ Палѣю, народныхъ легендъ, въ родѣ хотя бы, напр., той, гдѣ говорится, что „Мазепа за те хотивъ стратитъ Палѣя, що народъ звавъ его козацькимъ битькомъ“, и проч. ¹⁾. Мотивомъ Мазепиной нецрїязни къ Палѣю народъ называетъ зависть и, какъ кажется, не ошабається...

Другой указываемый г. Уманцемъ примѣръ „вивисекціи“—Миклашевскій, по нашему мнѣнію, выбранъ совсѣмъ неудачно. Называть Миклашевскаго человѣкомъ того направленія, „*so maсть которого стюляг гетманг*“ (т. е. тенденціи къ „измѣнѣ“) значитъ—называть вещи не ихъ именами... Стародубскій полковникъ Миклашевскій былъ типическій лѣвобережникъ конца XVII в.—неграмотный козакъ и великій практикъ въ стяжаніи, умѣвшій нажить даже при Мазепѣ огромныя имѣнія. Судя по началу его дѣятельности (Опис. Стар. Малор. I, 28), это былъ умный и вмѣстѣ съ тѣмъ пронырливый человѣкъ, умѣвшій подлаживаться къ своимъ патронамъ. Мазепа сразу оцѣнилъ Миклашевскаго: въ 1687 г. онъ далъ ему с. Кочерги, въ 1688 г.—с. Волокитинъ, а въ 1690 г. *поставилъ* полковникомъ въ *чужомъ* для Миклашевскаго полку, гдѣ онъ за пятнадцать лѣтъ своего управленія приобрѣлъ много маестностей, отчасти по универсаламъ, а отчасти и безъ нихъ... Въ 1704 году Миклашевскій вдругъ былъ отставленъ Мазепою отъ уряда, причемъ кромѣ того, гетманъ написалъ царю, что Миклашевскій ведетъ какую-то тайную переписку съ поляками. Костомаромъ по этому случаю говорить, что „надобно принимать во вниманіе, что мало-

¹⁾ См. обстоятельный пересмотръ этихъ легендъ—*Палій и Мазепа въ народной повѣсти*, В. В. Калаша, во 2-й кн. *Этнографическаго Обзорнїя* (1889 г.).

російскихъ старшинъ соблазняла не совсѣмъ еще забытая, хотя и неудавшаяся, попытка Выговскаго образовать изъ Украины автономное политическое тѣло“ и проч. Эту догадку Костомарова г. Уманецъ приводитъ въ своей книгѣ безъ какого-либо возраженія, а слѣдовательно, какъ будто, раздѣляетъ приведенное мнѣніе. Но дѣло въ томъ, что такіе некультурные стяжатели, какимъ былъ Миклашевскій, ни въ какую „политику“ не мѣшались; она имъ была совершенно чужда уже по одному отсутствію у нихъ какого-либо образованія. „Тайная переписка“ Миклашевскаго съ „литовскимъ паномъ“ Коцѣломъ касалась несомнѣнно хозяйскихъ дѣлъ; съ Коцѣломъ, какъ и съ другими сосѣдами Стародубщины, поляками и русскими, Миклашевскій могъ переписываться о своихъ дѣлахъ торговыхъ, о пошлѣ, о пенкѣ, но ужъ никакъ не о присоединеніи Малоросіи къ Польшѣ, какъ предполагалъ Костомаровъ... Вѣрнѣе всего, что Мазепа удалилъ Миклашевскаго отъ полковничества по тому же мотиву, по которому онъ низвелъ съ арены дѣйствія и Палія; только тамъ на первомъ планѣ была Паліева популярность, а потомъ уже его богатство, а здѣсь—одно богатство Миклашевскаго... Могло случиться, что, кромѣ того, и стародубское полковничество въ это время потребовалось для кого нибудь изъ присныхъ Мазепы; вѣдь въ томъ же 1704 г. племянникъ гетмана Трощинскій посаженъ былъ на гадяцкое полковничество. Впрочемъ, дѣло съ Миклашевскимъ кончилось благополучно: въ слѣдующемъ 1705 г. стародубское полковничество ему было возвращено. Можно догадываться только, что временная отставка Миклашевскаго стоила послѣднему недешево (см. ниже). Повторяемъ, Миклашевскій не могъ быть „человѣкомъ того направленія, во главѣ котораго стоялъ гетманъ“. Напротивъ это былъ несомнѣнный антагонистъ этого направленія..

Подводя итоги „гражданской дѣятельности“ Мазепы, можно сказать, что ничѣмъ *особеннымъ* она не отличалась и почти во всемъ была похожа на ту же „дѣятельность“ его предшествен-

ника.. А между тѣмъ у г. Уманца читаемъ: „не имѣя всѣхъ деталей (изъ гражданской дѣятельности), по найденнымъ образцамъ можно угадать *всю широту Мазепиныхъ* плановъ. Позволительно думать, что *будь у Мазены болѣе свободнаго времени и свободы дѣйствій, мы имѣли бы въ его лицѣ одного изъ замѣчательныхъ мастеровъ государственнаго дѣла*“ (стр. 304).

Историки бывають иногда пристрастны къ своимъ героямъ...

Главу о „гражданской дѣятельности“ Мазены (явнѣе — „крестьянское дѣло“) г. Уманецъ заканчиваетъ отвѣтомъ на тутъ же предложенный вопросъ: „какъ велики (были) богатства Мазепы?“ По этому поводу, говорится, между прочимъ, что изъ предшественниковъ Мазепы крупныя суммы видны только у Богдана Хмельницкаго и Самойловича, при чемъ замѣчается, что послѣдній „одержимъ исключительной стяжательностью“.— Хотя Мазепа лично вѣдалъ „войсковой скарбъ“, но „это еще не значить, чтобы онъ собралъ большіе капиталы на гетманскомъ урядѣ“.— Если бы въ Батуринѣ, при его истребленіи 2 ноября 1708 года, „было много золота и серебра, принадлежавшаго Мазепѣ, его нашли бы расплавленнымъ или зарытымъ подъ пепломъ батуринскаго замка. Не случилось ни того, ни другого“.— Оказывается, „что послѣ двадцати лѣтъ гетманства и безконтрольнаго распоряженія войсковою казною, послѣ того, какъ Мазепа много лѣтъ готовился къ государственному перевороту, требующему большихъ денегъ, въ самую критическую минуту, когда надлежитъ двинуть всѣ ресурсы, въ его казнѣ (она же „войсковая“) оказывается не много болѣе тѣхъ 240000 талеровъ, которые Мазепа далъ взаймы Карлу XII“. А Орликъ свидѣтельствуетъ, какъ самъ Мазепа говорилъ ему, что онъ настолько „богатъ“ что можетъ и „Москву“ подкупить... Г. Уманецъ полагаетъ, что Мазепа въ этомъ случаѣ хвасталъ.... (стр. 313). Трудно считать деньги въ чужомъ карманѣ, говорить пословица и легко говорить о большихъ суммахъ Самойловича, когда все имущество послѣдняго было подсчитано и описано ¹⁾. Но и Мазепа былъ богатъ; такъ слѣдуетъ предполагать

¹⁾ См. Русск. Историч. Библиотека, изд. Археогр. Ком., т. VIII, стр. 989—1204.

потому, что онъ былъ стяжателемъ, а въ его положеніи для стяжаній было широкое поле. Главнымъ свидѣтелемъ о стяжаніяхъ Мазены является Кочубей; въ его доносѣ мы читаемъ: „прежнихъ лѣтъ... полковниковъ по любви вольными голосами обираю, а симоніи грамотной и ганебной не чувати было; а теперь за полковницкіе уряды (Мазена) великіе беретъ взятки; хочъ бы не знати якъ которій за-служонный товарищъ былъ годенъ того уряду, а не будетъ ли мѣти достатку денегъ, то оногo воспріяти не сподобится, а сподобятся тѣи, которіи зъ дабелъ мають грошей и есть що дати въ руки его по достатку“ (Источн., Бант.-Кам., II, 109). Конечно, это свидѣтельство *доносчика*, но читая внимательно *доносъ* Кочубея, въ немъ не находимъ ни одного факта, видимо ложнаго... Можетъ быть, Кочубей невѣрно освѣщаетъ нѣкоторые факты, но перечень послѣднихъ представляется правдивымъ... Г. Уманецъ, критикуя этотъ доносъ, говоритъ, что въ немъ „важное смѣшано съ мелочами“ и что онъ „въ практическомъ отношеніи обработанъ чрезвычайно плохо“. Да, можетъ быть, это обстоятельство и доказываетъ достовѣрность доноса или, по крайней мѣрѣ, отсутствіе въ немъ „ложныхъ сплетеній“, говоря о которыхъ, Орликъ однакожъ не указываетъ примѣровъ. Какъ бы то ни было, но о продажѣ полковничьихъ мѣстъ Мазепою свѣдѣніи есть. Напримѣръ. Вдова гадацкаго полковника Бороховича, рассказывая, *въ своемъ духовномъ завѣщаніи*, о семейныхъ своихъ дѣлахъ и объ оставленномъ имѣніи, между прочимъ говоритъ, что по смерти ея мужа, одинъ изъ ея сыновей, „стараячися о полковничество гадацкое у Мазены, просилъ меня, дабымъ позычила ему зъ общаго нашего скарбу недѣленого—тысячу червонныхъ и сколько сотъ талеровъ битыхъ“; деньги были даны, „но онъ не добился полковничества, а деньги потратилъ, да еще и обманулъ меня: поѣхавши въ Мазепѣ, *выпросилъ универсалъ на мои маѣтности*“¹⁾... Едва ли можно подовѣрять въ этомъ свидѣтельствѣ какую-нибудь неправду. Если Мазена и не взялъ этихъ денегъ, то въ обществѣ существовала увѣ-

¹⁾ Русск. Арх., 1875 г., I, 314.

ренность, что онъ ихъ беретъ. При томъ же въ данномъ случаѣ гадяцкаго полковничества Мазепа не могъ дать Федору Бороховичу потому, что на это мѣсто садилъ своего племянника Трощинскаго, а Федору Бороховичу оказалъ видимое благоволеніе, давши ему одному универсалъ на отцовскія маетности при наличности матери-вдовы и двухъ братьевъ¹⁾. Что Мазепа вообще былъ склоненъ къ стяжанію, на это указываетъ, напр., тотъ фактъ, что лишенный полковничьяго уряда Миклашевскій, выпрашивая универсалъ на свои маетности, долженъ былъ поднести гетману подарокъ: походную палатку („наметъ“) и сто талеровъ. Объ этомъ рассказывала вдова Миклашевскаго, при чемъ „наметъ“ былъ подаркомъ, конечно, всѣми видѣннымъ. Та же вдова рассказываетъ, что когда по смерти мужа, она поѣхала съ своими пасынками къ Мазеиѣ просить подтвердительнаго универсала на маетности, то поднесла гетману на „поклонъ“ „креденсъ сръбній“ (сервизъ) въ тысячу талеровъ²⁾. Источниковъ для стяжаній было много...

Предложеніе Кочубеевиѣ 10000 червонцевъ (въ видѣ ли „вѣна“ или — обыкновеннаго обольщенія) не можетъ не указывать на обиліе у Мазепы капиталовъ. А замѣчаніе г. Уманца, что при разореніи Меншиковымъ Батурина не найдено де ни золота, ни серебра, принадлежавшаго Мазепѣ, опровергается свидѣтельствомъ военнаго дневника Петра В., гдѣ говорится: „и тотъ городъ (Батуринъ) совсѣмъ сожгли и разорили до основанія, гдѣ зъло много измѣнника Мазепы богатства взяли“...³⁾

Свѣдѣнія о богатствахъ Мазепы можемъ дополнить еще и слѣдующимъ новымъ извѣстіемъ, которое г. Уманцу не могло быть извѣстно. Въ шведскомъ государственномъ архивѣ, въ Стокгольмѣ, Н. В. Молчановскій нашель (въ нач. этого года) донесеніе шведскаго чиновника, которому, по просьбѣ Мазепы, было поручено принять въ охрану богатства послѣдняго, на случай его смерти. Въ этомъ донесеніи значится, что послѣ смерти

¹⁾ См. тамъ же родословную.

²⁾ Опис. Стар. Малор., I, 31—32.

³⁾ Журналь или подневная записка Петра В. (Сиб. 1770.) ч. I, стр. 195.

Мазепы у него, между прочимъ, оказалось: два „сѣдельныхъ“ мѣшка (мѣшки, которые привязывались къ сѣдламъ?), одинъ съ драгоценностями, а другой съ золотыми „медалями“, и два „четвертныхъ“ (viertel-tonnen) боченка съ червонцами ¹⁾).

Поздняя любовь. Рассказывая романъ Мазепы съ Кочубе-
евной, г. Уманецъ рисуетъ сначала портретъ отца ея, какъ и
должно быть, человѣкомъ недалекимъ. Относительно біографіи
Кочубея г. Уманецъ дѣлаетъ замѣтную ошибку, говоря, что на
урядъ генер. писаря онъ былъ назначенъ Самойловичемъ; при
Самойловичѣ Кочубей, повидимому, былъ только „реентомъ“
гетманской канцеляріи (на доносѣ 7 іюля 1687 г. подпись
Кочубея значитъ безъ обозначенія чина, но генер. писаремъ
въ это время былъ Прокоповичъ), а генер. писаремъ онъ на-
значенъ на „радѣ“ 24 іюля, когда чины были розданы Го-
лицынымъ по сомашенію съ Мазепою. Отсюда видно, что
Мазепа самъ выбралъ Кочубея на писарство, а онъ его не
могъ не знать, находясь такъ давно вмѣстѣ на службѣ
у Самойловича. „Кочубей не принадлежалъ къ лучшимъ
генер. писарямъ Малороссіи“, говоритъ г. Уманецъ. Однакожъ,
пробыть 13 лѣтъ генер. писаремъ при Мазепѣ—что нибудь да
значило. Несомнѣнно, что Мазепа цѣнилъ Кочубея, какъ
усерднаго работника и безличнаго человѣка, а на такихъ мѣс-
тахъ, какое занималъ Кочубей, безличіе есть достоинство, въ
глазахъ патроновъ, такіе секретари, какъ Кочубей, не крити-
куютъ ихъ дѣйствій и охотно имъ льстятъ... Разбирая доносъ
Кочубея на Мазепу, г. Уманецъ говоритъ, что доносъ „обрабо-
танъ плохо въ литературномъ и практическомъ отношеніи“.
„Самъ Кочубей, написалъ бы лучше (примѣръ—его „прекрас-
ное“ письмо къ митрополиту Варлааму). Читая доносъ, кажется,
что стоящая за нимъ жена настойчиво подсказываетъ: пиши
царю вотъ о чемъ... этого не забудь... Почтенный судья слу-

¹⁾ Всѣ эти богатства потомъ были переданы Войнаровскому, какъ видно изъ
тѣхъ же шведскихъ свѣдѣній.

шаетъ жену... Условія тогдaшней жизни создали небывалую самостоятельность женщины... на каждомъ шагѣ встрѣчаются сильные женскіе характеры и факты, указывающіе на ихъ общественное значеніе *)". Такимъ сильнымъ характеромъ обладала и жена Кочубея. Она то и „замѣтила въ душѣ дочери нѣчто болѣе обыкновеннаго расположенія къ крестному отцу“. Въ тоже время Мазепа полюбилъ свою крестницу и „просилъ ее руки“. „Кромѣ неравенства лѣтъ, бракъ этотъ претилъ Кочубеямъ, потому что между женихомъ и невѣстой было духовное родство... Мазепѣ отказали... Невѣста упорствовала и ночью—ушла въ гетманскій дворець... *Въ замкѣ гетмана Матрена Кочубей была самое короткое время. Это фактъ чрезвычайно важный* и его надо установить прежде всего. Будь иначе, оставайся она здѣсь, напр., день или недѣлю, враги гетмана, желавшіе сдѣлать его во что бы то ни стало отвѣтственнымъ, въ своемъ обвиненіи такъ и сказали бы... Все это: бѣгство, набатъ, возвращеніе—*было дѣломъ одного, много—двухъ часовъ*“. Затѣмъ подвергая разбору всѣ извѣстные факты изъ отношеній Мазепы къ Кочубеевнѣ, авторъ приходитъ къ заключенію, что „отношеніе Мазепы къ его крестницѣ до конца остается корректнымъ... Давно пора болѣе трезво свотрѣть на эту любовь Мазепы и возвратитъ ей обыкновенную гражданскую честность.“ На цѣлыхъ десяти страницахъ (стр. 329—348) г. Уманецъ старается доказать „корректность“ отношеній Мазепы къ Кочубеевнѣ и невозможность подозрѣнія въ соблазнѣ. Но всѣ доводы автора о „корректности“ этихъ отношеній, на нашъ взглядъ,

*) Приведены примѣры, причемъ прежде всего указываются „ворожка“; указывается мать Мазепы, заслужившая, по преданію, названіе „чаровницы“. Другіе примѣры столь-же ясные и темныя (напр. о разсылкѣ женою полковн. Солонины „универсаловъ“, ср. Соловьевъ, III, 420). Относительно Анны Хмельницкой и Федосьи „Палѣевой“ въ исторіи сохранилось по одному факту, указывающему на ихъ „общественное значеніе“. Дневникъ Яг. Марковича и Н. Хавенна заключаютъ въ себѣ подробное описаніе общественнаго быта Малороссіи почти за весь XVIII-й вѣкъ, но женщинъ съ общественнымъ значеніемъ тутъ вовсе не видится. Изъ историческихъ памятниковъ XVII и XVIII вв. (преимущественно изъ „тестаментовъ“) можно сдѣлать одно заключеніе о тогдaшней малорусской женщинѣ, что въ семьѣ она занимала почетное положеніе, какъ *домоправительница*.

не убѣдительно. Откуда, напр., авторъ беретъ свое заключеніе, что бѣгство Кочубеевны изъ отцовскаго дома къ Мазепѣ, набѣгъ и возвращеніе—все это продолжалось *не болѣе двухъ часовъ?*—Вѣдь источникъ для исторіи этого бѣгства одинъ—письмо Кочубея къ Петру В.—„Ноци же единныя, яко волею овцу огради, тако онъ (Мазепа) *дщерь мою похити тайно*“—говоритъ Кочубей и далѣе прибавляетъ: не зная что дѣлать, онъ приказалъ „ударить въ колоколъ“, „да всякъ видитъ бѣдство мое!“ И стало въ домѣ Кочубея „рыданіе о похищеніи и сокрушеніи дщере“. —„Увидавъ же (Мазепа) каковъ въ дому моемъ содѣяся плачь и рыданіе, и вопль многъ... возврати мнѣ дщерь“ при посредствѣ Анненкова, который при этомъ сказалъ такъ: не токмо дщерь вашу силенъ есть гетманъ взяти, но и жену отнати отъ тебе можетъ *)... Хотя это письмо Кочубей писалъ черезъ три года слишкомъ послѣ событія, но онъ его описываетъ только въ главныххъ чертахъ, которыхъ, какъ отецъ, никогда не могъ забыть... Не смотря на краткость описанія, передъ нами рисуется цѣлая семейная драма... Для ея поясненія нужно представить вѣкоторыя топографическія свѣдѣнія. Извѣстно, что Мазепа жилъ не въ самомъ Батуриинѣ, а верстахъ въ двухъ отъ его центра, въ предмѣстѣи Гончаровкѣ, гдѣ дворецъ его помѣщался среди особаго „городка“, существующаго и теперь **). А Кочубей жилъ въ самомъ Батуриинѣ, въ своемъ домѣ, который, будучи пощаженъ при истребленіи Батурина Меншиковымъ, существуетъ (конечно въ измѣненномъ видѣ) и теперь. Около этого дома находилась домовая церковь Кочубея, о которой говоритъ монахъ Никаноръ („ходили они къ заутрени въ церковь, что у ево Васильева двора“). Вотъ изъ этого отцовскаго двора и бѣжала „единныя ноци“ Кочубеевна. Повидимому, родители сразу догадались, что бѣжала она къ Мазепѣ, на Гончаровку. Какъ видно, бѣгство это не скрылось и отъ сосѣдей, такъ какъ отецъ и мать въ ужасѣ пришли

*) Источн., Вант.-Кам., II, 127.

***) См. Опис. Стар. Малор., II, 260.

отъ того позора, который долженъ былъ слѣдовать за этимъ бѣгствомъ... И чтоже дѣлають обезумѣвшіе отъ горя родители?—Броситься въ Гончаровку, какъ видно, представлялось имъ бесполезнымъ: разъ гетманъ согласился принять бѣжавшую къ нему дѣвушку, въ рукѣ которой ему отказано, конечно нельзя было рассчитывать, чтобы Кочубеевъ пустили да еще ночью въ гетманскій дворецъ... И вотъ Кочубей (а вѣрнѣе—Кочубей) рѣшается на крайнее средство: онъ велитъ „ударить въ колоколъ, да всякъ видитъ бѣдство его“. Что же это значило?—Это значило, что Кочубей приказалъ тогда же ночью, ударить на своей колокольнѣ набатъ („на гвалтъ“), какъ это дѣлалось въ моментъ какого нибудь бѣдствія, напр., въ пожаръ, когда гудѣвшій звонъ сзывалъ людей на помощь. Извѣстно то впечатлѣніе, которое производитъ ночью въ деревнѣ набатный звонъ во время пожара... Такое же впечатлѣніе произвелъ конечно и раздавшійся съ Кочубеевой церкви ночной набатъ... Сбѣжался народъ, и Кочубей ему объявили о своемъ „бѣдствѣ“... Очень можетъ быть, что это средство придумано было не отцомъ, а матерью, энергическою Кочубейхою, потому что средство было настолько сильное, что не могло остаться безъ послѣдствій. Раздавшійся въ Батуринѣ набатъ не могъ не быть услышанъ и въ Гончаровкѣ... А Мазепѣ, конечно, донесли, что „звонъ на гвалтъ“ призываетъ людей не на пожаръ, а на помощь противъ ужаснаго насилія его, гетмана, принявшаго въ свой дворецъ бѣжавшую отъ родителей дѣвушку, равнодушіе къ которой его, гетмана, для батуринецвъ тайною не было. Что же оставалось дѣлать Мазепѣ?—Если онъ не обратилъ бы особаго вниманія на ужасъ семьи Кочубеевъ, то не могъ онъ не беречь своего гетманскаго достоинства... Гудѣвшій въ Батуринѣ колоколъ вызывалъ его на судъ народный, и Мазепа это хорошо понималъ!—Такъ или иначе, а приходилось дочь вернуть семьѣ... Отвѣчая на всенародную жалобу Кочубееву, Мазепа и вернулъ ихъ дочь. Несмотря, однакожь на общую тревогу, „прощаніе старому съ молодою“ было, повидимому, очень нѣжное: уходящей былъ данъ перстень діамантовій („надъ которой найлѣпшого и найдо-

рогшого у Мазепы не было) и было условлено: „хоть сякъ, хоть такъ будетъ, а любовь межъ нами не одмѣнится“. Но понимая, какъ встрѣчена будетъ дома бѣжавшая дочь, Мазепа далъ ей въ проводники царскаго чиновника Анненкова. По своему авторитетному положенію, послѣдній являлся вмѣстѣ съ тѣмъ и свидѣтелемъ „корректныхъ“ отношеній бѣглянки къ гетману. Участіе въ возвращеніи Кочубеевны Анненкова должно было защитить Мазепу отъ явныхъ нареканій на мѣстѣ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, дать извѣстную огласку „случаю“ въ Москвѣ, когда пожаловался бы туда Кочубей.—Такъ мы объясняемъ себѣ фактъ, почему Мазепа выбралъ въ проводники Кочубеевнѣ не кого либо изъ своихъ, а царскаго чиновника... Видно, что этотъ чиновникъ, не смотря на его особое положеніе, былъ очень близокъ къ Мазепѣ. Если вѣрить Кочубею,—а не вѣрить изложенію жалобы скромнаго Кочубея нѣтъ основаній,—то Анненковъ, возвращая дочь отцу, не удержался, чтобы не сдѣлать ему еще и нотации за причиненное безпокойство высокому патрону.—„Что, молъ, ты поднялъ такой шумъ изъ-за того, что дочь твоя ушла?—Вѣдь ушла то она къ гетману, который и самъ бы могъ ее взять да не только, что дочь, а и жену твою можетъ у тебя отнять!“ Могъ, разсердившись, царскій чиновникъ такъ пригрозить Кочубею, особенно зная его приниженность предъ гетманомъ.

И вотъ бѣжавшая дочь возвращена была подъ кровъ отца. Г. Уманецъ настаиваетъ, что въ отсутствіи она пробыла „не болѣе двухъ часовъ“, почему и слѣдуетъ де полагать, что „корректность“ отношеній была соблюдена... А намъ кажется, что тутъ важно не количество часовъ, проведенныхъ Кочубеевною въ гетманскомъ дворцѣ, а тайный ея уходъ ночью къ Мазепѣ, который не задолго передъ тѣмъ ее сваталъ и—публичное ея затѣмъ возвращеніе, ночью-же, подъ охраною царскаго чиновника... Вся обстановка этого случая должна была сразу помрачить дѣвичью честь Кочубеевны въ тогдашнемъ общественномъ мнѣніи, у котораго вслѣдъ за тѣмъ явилось полное основаніе шушукать, что *Кочубеевна «ночевала» у гетмана*... Это шу-

шуканье тѣмъ большее кляло пятно на честь дѣвушки, что Мазепа и въ старости слылъ среди батуринцевъ—ловеласомъ *).

Изъ писемъ Мазепы къ Кочубеевнѣ („по силѣ выраженія, ихъ можно сравнить, говорить г. Уманецъ, только съ любовными письмами Пушкина“) видно, что Кочубеевна была недовольна за отсылку ея изъ гетманскаго дворца къ отцу. Мазепа оправдывается, что ничего добраго не вышло бы, если бъ она осталась у него („мусѣли-би-смо изъ собою жити такъ якъ малженство кажетъ“), но тѣмъ не менѣе романъ свой Мазепа продолжаетъ: просить свиданія, напоминая объ обѣщаніяхъ любить.. Г. Уманецъ полагаетъ, что съ возвращеніемъ бѣглежки въ отчій домъ, ея любовь кончилась. „Горячія письма, подарки, мольбы о свиданіи и подсылки чрезъ прислугу получаютъ надѣждливый и нѣсколько пошлый характеръ“... Бываетъ и такъ, какъ думаетъ г. Уманецъ, но бываетъ и иначе. Мазепа пишетъ къ Кочубеевнѣ: „уже ты меня изсушила краснымъ своимъ личкомъ и *своими обѣтницами*.. Прошу не *откладывай своей обѣтници*...“ Повидимому, „обѣтници“ не исполняются потому, что дома ее „мучили и катовали“. Далѣе въ письмахъ читаемъ: „чого по мнѣ потребуешь, скажи все сій дѣвцѣ“, „коли они, проклятія твои, тебе цураются, иди въ монастырь“. „Тяжко зафрасовалемся почувши, же тая катувка (мать) не перестаетъ в. м. мучити, яко и вчора тое учинила“. Какъ видно, сначала сношенія дѣятельно поддерживаются *съ обѣихъ сторонъ*. Но затѣмъ дѣйствительно у Кочубеевны является какъ будто сомнѣніе въ дальнѣйшей судьбѣ романа.—„Вижу, же в. м. во всемъ одмѣнилася своею любовію прежнію ку мнѣ“, пишетъ ей гетманъ.—„Бодай того Богъ въ душею розлучивъ, хто насъ розлучаетъ“.—„Впередь смерти на-себе сподѣвався, нѣжъ таковой въ сердцу вашомъ одмѣни. Спомни тилко на свои слова... же мене, *хочь будешь за мною, хочь не будешь*, до смерти любити обѣдала.“ Эти напомниманія Мазепы указываютъ, что то чувство, которое несомнѣнно было у Кочубеевны, стало меръ-

*) Опис. Стар. Малороссія, II, 248.

нуть... „Убийственное сомнѣніе запало въ душу“; „уязвлено самолюбіе; разсѣялась иллюзія; парализовано чувство“... Такъ говоритъ г. Уманецъ, и очень вѣроятно, что разочарованіе это поразило Мазепу до того, что онъ замѣтивъ въ дѣвушкѣ угасаніе чувства, совсѣмъ потерялъ голову и сталъ обольщать ее деньгами... Кочубей рассказываетъ, что гетманъ, приславъ ему 4 декабря 1704 г., изъ Бахмача (здѣсь у Мазепы былъ загородный хуторъ—Поросючка) свѣжей рыбы, поручилъ тому же посланцу Демьяну повидаться съ его дочерью,—и выпросить у нея свиданіе съ Мазепою, обѣщая 3000 червонцевъ... А когда дѣвушка отвѣчала молчаніемъ, то Мазепа, вернувшись въ тотъ же день изъ Поросючки въ Батуринъ, снова прислалъ къ Кочубеевнѣ Демьяна, обѣщаетъ уже не 3 т., а 10 т. червонцевъ *). „абы только такъ учинила“... Полагать слѣдуетъ, что Мазепа настаиваетъ на свиданіи. А когда Кочубеевна „отговоровалася“, то посланецъ именемъ „пана“ проситъ у дѣвушки локонъ ея волосъ... Черезъ два дня, въ день св. Николая, Мазепа снова шлетъ посланца, умоляя о свиданіи и добавляя, что гдѣ-то въ оградѣ Кочубеевой усадьбы „проломана дирка“, „до которой дирки абы конечно вечеромъ пришла для якогось разговору“... „Частократне“ прислалъ Мазепа къ своей возлюбленной, при чемъ просилъ то „сорочку ея зъ тѣла, то намисто зъ шиі...“ И посылала ему это намисто бѣдная дѣвушка, по словамъ Кочубея.

Эти частыя посланки гетманскихъ слугъ къ Кочубеевнѣ, какъ видно, ни для кого уже не оставались тайною, потому что по словамъ Кочубея, „крайнія ему учинились обелга (оскорбленіе) и поруганіе, и смертельное безчестіе“. Видимо, что,

*) Г. Уманецъ полагаетъ, что такая значительная сумма предлагалась въ видѣ „вѣна“, т. е. того обезпеченія, которое по литовск. статуту, полагается отъ мужа для обезпеченія жены, причемъ и Мазепа обѣщала де такую сумму Кочубеевнѣ на случай ея вдовства послѣ брака съ нимъ... Намъ кажется, что Кочубеевна не могла обладать такимъ практицизмомъ, чтобы съ нею можно было говорить о „вѣнѣ“ (о немъ говорятъ съ родителями)... Скорѣе можно предполагать, что Мазепа предлагала дѣвушкѣ большую сумму денегъ просто какъ „деньги“, съ которыми жить на свѣтѣ легче, чѣмъ безъ нихъ...

„слава“ дѣвушки окончательно помрачалась, а настойчивое продолженіе романа со стороны гетмана все большимъ и ббльшимъ гнетомъ ложилось на сердца отца и матери. Не смотря на свою скромность, Кочубей рѣшается писать Мазепѣ, что нѣтъ болѣе у него силъ имѣть какіе бы то ни было сношенія съ гетманомъ... „Омрачился очей моихъ свѣтъ, обидоль ми мерзевый студъ, не могу право зрѣти на лица людскія и передъ власными близкими и домовниками моими *откриваетъ мя горкій срамъ и поношеніе*“. Сохранился и отвѣтъ Мазепы на этотъ горкій вопль отца о поруганной „славѣ“ дочери, въ которой онъ видѣлъ „будущую свою утѣху“. Гетманъ отвѣчаетъ, что не на него, гетмана, слѣдуетъ жаловаться, а не жену Кочубееву. „Она то, а не кто иишій печали твоей, пишетъ Мазепа, причиною...“ И затѣмъ, разумѣя бѣгство Матрены изъ отцовскаго дома, сравниваетъ ее съ св. Варварой, убѣгавшей отъ отца своего Діоскора... „А що взменвуешъ въ томъ же своемъ пашевилномъ писмѣ о якомъ *блудѣ, того я не знаю и не розумлю* *)“.

Вотъ тотъ матеріалъ, которымъ располагаетъ исторія для суда надъ Мазепою за его романъ съ дѣвушкой, близкой ему и по отношеніямъ къ ея отцу, и по „духу“, какъ своею крестницей. „Все дѣло, ясное само по себѣ, въ устахъ молвы и поговѣвъ получило такой видъ, какъ будто Мазепа соблазнилъ свою крестницу,“ говоритъ г. Уманецъ и пытается доказать, что если Мазепа предлагалъ Кочубеевнѣ 10 тыс. червонцевъ, то тутъ вовсе нѣтъ вопроса о „соблазнѣ“— „Искать мимолеетной любви въ то время, когда дѣвушка отказала въ рукѣ!“—воскликаетъ г. Уманецъ и прибавляетъ, что предложеніе денегъ черезъ Демьяна говоритъ не о соблазнѣ, а о легкомысліи Мазепы.“ И далѣе г. Уманецъ продолжаетъ настаивать на „легальныхъ отношеніяхъ Мазепы къ невѣстѣ.“ Сохранилось показаніе

*) Эта фраза можетъ означать, что Мазепа отвѣчаетъ не на предыдущее письмо Кочубея, въ которомъ нѣтъ рѣчи „о блудѣ“, но можетъ быть, что укоряя блудъ—Мазепа самъ подразумѣвалъ въ словахъ Кочубея „о горькомъ срамѣ и поношеніи“.

не монаха Никанора о томъ, что ему говорили Кочубен, мужъ и жена, о „соблазнѣ“ („гетманъ ихъ дочь, заввавъ къ себѣ въ гости, изнасиловалъ блудомъ“), но г. Уманецъ этому показанію не даетъ вѣры и заключаетъ свое изслѣдованіе романа съ Кочубеевными словами, что давно пора болѣе трезво смотрѣть на эту любовь Мазепы и возвратитъ ей обыкновенную гражданскую честность, „тѣмъ болѣе, что „бывшая его невѣста вышла замужъ за Чуйкевича“ (стр. 346).

Намъ же представляется эта „любовь Мазепы“—послѣ всего сказаннаго—совсѣмъ въ иномъ свѣтѣ. Какъ увлекъ Мазепа дочь своего стараго помощника—не знаемъ, но несомнѣнно, что онъ будучи 65-тилѣтнимъ (по крайней мѣрѣ) старикомъ, увлекъ эту дѣвушку. Увлекъ, можетъ быть, обещаніемъ брака, можетъ быть блескомъ общественнаго своего положенія, или своею стариковскою красотою—этого мы не знаемъ, но увлекъ онъ ее до того, что когда мысль о бракѣ оказалась неосуществимою, то дѣвушка бѣжала къ нему, укрываясь отъ надвѣра ночнымъ временемъ. Мазепа не образумилъ дѣвушки, а *остатилъ ее у себя*... Только родительское горе могло изобрѣсти такое чрезвычайное и своеобразное средство, какъ ночной набатъ, чтобы вырвать изъ рукъ Мазепы эту дѣвушку... Сколько часовъ пробыла въ домѣ у гетмана эта дѣвушка—это вопросъ не важный, такъ какъ толпа, на глазахъ которой произошелъ этотъ случай, объ этомъ количествѣ часовъ не справлялась, но видѣла, что дочь генер. судьи бѣжитъ ночью къ отвергнутому но желанному жениху и *остается у него* до тѣхъ поръ, пока набатъ, т. е. сила виѣшняя, принудилъ Мазепу отослать дѣвушку домой. Самый набатъ уже показывалъ, какъ Кочубен смотрѣли на бѣгство своей дочери и чего боялись... Это не было бѣгство дочери хотя бы отъ злой матери къ крестному отцу, а это было бѣгство влюбленной дѣвушки къ своему возлюбленному и въ то же время властелину страны... „Да не подумаетъ читатель, говорить г. Уманецъ, что Мазепа принадлежитъ къ числу людей, созданныхъ для мелкихъ эротическихъ похожденій. Такое заключеніе было бы вѣскольکو

поспѣшнымъ“ (стр. 357). А батуринцы, живя годы вблизи гетмана, говорили между собою, что Мазепа не чуждъ былъ именно „мелкихъ эротическихъ похожденій“ *). Если всѣ эти обстоятельства взять вмѣстѣ, то намъ станетъ вполне понятенъ ужасъ Кочубеевъ, когда они узнали о бѣгствѣ дочери. Ужасъ явился отъ мысли о связанномъ съ бѣгствомъ поруганіи чести дочери-дѣвушки... Возвращенная затѣмъ къ отцу дочь уже лишилась въ глазахъ толпы того ореола дѣвичьей чистоты, который принадлежалъ ей наканунѣ, при чемъ толпа не справлялась—была-ли дѣвушка «соблазнена». *Возможность* соблазна была налицо... „Гражданскую честность“ Мазепа, впрочемъ, могъ еще сохранить, объяснивъ бѣгство въ нему дѣвушки порывомъ натерпѣвшейся отъ материнскихъ укоровъ дочери.. Но Мазепа—эгоистъ. Стариковская страсть превозмогаетъ надъ „гражданской честностью“: начинается переписка писемъ, посылка „Мелашекъ“ и „Демьянковъ“, требованіе отъ дѣвушки присылки ея сорочекъ съ тѣла, коралловъ съ шеи, волосъ... При приглашеніяхъ на свиданіе, дѣлается предупрежденіе, что мѣстомъ свиданія назначается нарочно сдѣланная для того дыра въ оградѣ Кочубеевой усадьбы. Слѣдовательно и послѣ возвращенія Кочубеевны, Мазепа продолжаетъ съ ней сношенія и объ эгихъ сношеніяхъ, конечно, знаетъ весь Батуринъ, а съ нимъ и вся Украина... **). Однимъ словомъ, 65-ти лѣтній Мазепа сдѣлалъ все, чтобы окончательно *обезславить* несчастную дѣвушку, и—должно быть,—изъ-за однихъ лишь „эротическихъ“ побужденій. Обезславленная дѣвушка должна была погибнуть и—погибла. О замужествѣ ея—не могло быть, и рѣчи. Г. Уманецъ повторяетъ рассказъ о выходѣ Матрены К.—ны замужъ за Семена Чуйкевича, но послѣдній былъ женатъ на Катеринѣ Кочубей, какъ самъ онъ говоритъ въ официальной бумагѣ (Оп. Стар. Малор., II, 32), слѣдовательно

*) См. примѣч. на стр. 60.

**) Нужно имѣть въ виду, что хотя Мазепа въ Кочубеевнѣ писалъ письма, но отвѣты ея должны были быть устными, п. ч. Кочубеевна писать не умѣла, какъ не умѣли писать и всѣ лѣвобережныя малороссіанки, до полов. XVIII в. за весьма рѣдкими, быть можетъ, исключеніями.

этотъ фактъ въ „вороху преданій“ не имѣетъ отношенія. Къ преданію слѣдуетъ обратиться, разыскивая, что случилось затѣмъ съ несчастной дѣвушкой. Мѣстное, полтавское преданіе говоритъ, что Матрена К—на кончила жизнь въ Пушкарковскомъ монастырѣ (недалеко отъ Полтавы), и это преданіе наиболее вѣроятное *). О ея замужествѣ *нидѣ указаній нѣтъ*. Да и кто-бы ее взялъ въ тогдашней Малороссіи съ ея поруганною «славою». Матрена Кочубеевна погибла, какъ жертва эгоизма и легкомыслія Мазепы... Мы нарочно такъ подробно рассказали всѣ сохранившіеся факты изъ „поздней любви“, чтобы на сколько можно выяснитъ то положеніе, которое при этомъ занималъ Мазепа.—

Думается, что безпристрастный судья, выслушавъ точный рассказъ о романѣ Мазепы съ Кочубеевною, ничего въ немъ не найдетъ кромѣ эгоизма и легкомыслія со стороны этого самаго Мазепы.

„Шведская инкурсія“. Эта глава едва ли не самая интересная въ книгѣ г. Уманца, такъ какъ въ ней рассказывается заключительный актъ политической жизни Мазепы, который собственно и придалъ имени этого человѣка, можно сказать, всеобщую извѣстность.

Рассказывая объ этомъ драматическомъ эпилогѣ Мазепиной жизни, г. Уманецъ ставитъ три вопроса: 1) измѣняя, чего хотѣлъ Мазепа? 2) Почему не удалась измѣна? и 3) Какое вліяніе неудавшаяся измѣна имѣла на малорусскій народъ? Исходной точкой для разрѣшенія перваго вопроса служатъ автору слѣдующія положенія:

а) „Глубокій старикъ и бездѣтный вдовецъ, Мазепа, въ случаѣ удачи, не можетъ воспользоваться плодами своей измѣны. Слѣдовательно, личное честолюбіе и выгода, не объясняя измѣны, не очерчиваютъ и ея цѣль“.

б) „Онъ не могъ работать для родственниковъ; будучи знаткомъ Малороссіи, Мазепа, не могъ думать о наслѣдственной передачѣ гетманства“.

*) Объ этомъ преданіи см. Записки о Полтавск. губ., Н. Арандаренка, III, 85 дд. лаваривскій.

в) Самъ Мазепа, по свидѣтельству Орлика, такъ выразилъ причины своего замысла, въ рѣчи къ единомышленной старшинѣ: „Присягаю, что я не для приватной моей пользы, не для выспихъ гоноровъ, и не для оныхъ яковыхъ прихотей, но для васъ всѣхъ, подъ властью и regimentомъ моимъ застаючихъ, для женъ и дѣтей вашихъ, для общаго добра матки моей, отчины бѣдной, Украины, всего Войска Запорожскаго и народу малороссійскаго, и для подвышеня и розширеня правъ и вольностей войсковыхъ“... Изъ другихъ словъ Орлика можно предполагать, что Мазепа желалъ полной независимости Малороссіи. Къ этому г. Уманецъ добавляетъ: „да и могло ли быть иначе? Шансы на популярность и, пожалуй, нѣкоторые шансы успѣха имѣла только идея самостоятельнаго государства“.

Значить, вотъ чего хотѣлъ Мазепа, по мнѣнію г. Уманца. Свидѣтельству Орлика, о томъ что Мазепа обращался къ старшинѣ съ этою рѣчью, конечно, не представляющею собою буквальнаго ея содержанія, слѣдуетъ вѣрить, такъ какъ это обстоятельство во время написанія Орликомъ своего письма, могло быть повѣрено живыми свидѣтелями, хотя бы, напр., Апостоломъ. Но дѣло не въ томъ. Насколько патріотизмъ Мазепы былъ искренень? Насколько Мазепа на самомъ дѣлѣ могъ имѣть въ виду лишь одно „общее добро отчины“?

Мазепа гетмановалъ двадцать два года,—время совершенно достаточное для того, чтобы можно было познакомиться, какъ съ общественною его дѣятельностью, такъ и съ личнымъ характеромъ этого человѣка. Правда, источникомъ для такого знакомства служить почти исключительно письменный матеріалъ официальнаго характера. Мазепинское время бѣдно и чужими, сосѣдними, мемуарами, а своихъ за это время и совсѣмъ нѣтъ; бѣдно оно и другимъ письменнымъ матеріаломъ частнаго характера, напр. частною перепискою. Мало сохранилось бумагъ и мѣстныхъ официальныхъ изъ мазепинскаго времени, такъ какъ тѣ архивы, гдѣ хранились бумаги объ официальной дѣятельности Мазепы, погибли въ пожарѣ Батурина...

Что же за человекъ былъ Мазепа?—Не смотря на бѣдность матеріала, у историка все же остается извѣстное представление о личности этого гетмана послѣ знакомства съ тѣмъ печатнымъ и архивнымъ матеріаломъ о Мазепиномъ времени, который сохранился и извѣстенъ... Достаточно прочтено архивнаго матеріала, касающагося времени Мазепы, и пишущимъ эти строки, при чемъ личность послѣдняго всегда интересовала читающаго, и каждая черта изъ дѣятельности этого гетмана присоединялась къ суммѣ представлений о немъ. Намъ Мазепа представляется, прежде всего, человекомъ, любившимъ власть и умѣвшимъ ею пользоваться. Не имѣя семьи, Мазепа личные интересы сосредоточивалъ въ этой самой власти. Близкое знакомство съ польскимъ аристократизмомъ и его личная тенденція къ этому аристократизму дали основаніе Мазепѣ устроить около себя „дворъ“ не съ одними „дворянами“, но и съ подраздѣленіемъ ихъ на *крайчихъ*, *конюшихъ* и проч. Мазепа скоро усвоилъ себѣ тотъ *юморъ*, который заставлялъ окружающихъ его людей смотрѣть на своего региментаря если не съ уваженіемъ, то съ преклоненіемъ. Затѣмъ, это былъ человекъ холоднаго разчета, выгоды или не выгоды въ томъ или другомъ дѣлѣ. Природный умъ Мазепы былъ еще изощренъ его жизненными перипетіями и въ особенности частыми сношеніями съ геніальнымъ и сильнымъ *повелителемъ*, въ лицѣ Петра В.—Бликихъ людей, не говоря уже о друзьяхъ, у Мазепы нѣтъ. Да онъ въ нихъ и нужды не чувствовалъ, потому что совершенно удовлетворялся своимъ превосходствомъ надъ окружающими. Самымъ близкимъ человекомъ, въ сферѣ официальной дѣятельности, у Мазепы долженъ былъ быть генеральный писарь. Съ перваго дня его гетманства и до 1700 г. должность эту занимаетъ добрый и по *своему* честный, но вполне безличный (такихъ людей въ Малороссіи называютъ „плохими“) — Кочубей. Никакой оригинальности въ этомъ человекѣ не было, но въ ней Мазепа и не нуждался, потому что свѣтники для него были лишними. Ему нужны были у подчиненныхъ: умѣнье и исполнительность. Качества эти у Кочубея, въ сферѣ его дѣятельности, должны были *быть потому*, что Мазепа очень долго держалъ его около себя

на писарствѣ. Отношенія съ старшиною у Мазепы были сухія. Кого жаловалъ или кто былъ нуженъ—того онъ щедро награждалъ, а кого не любилъ и за кѣмъ не стояла многочисленная родня,—тѣхъ не миловалъ. Зналъ онъ личныя дѣла своей старшины до мелочей; зналъ, кто богатъ, а кто бѣденъ. Велъ себя съ этою старшиною такъ, что высшіе урядники „Войска“ не смѣли дѣтей женить, „не доложившись“ своему „регентарю“. Уряды раздавалъ и отнималъ по своему усмотрѣнію. Подарки за уряды бралъ несомнѣнно. Непотизму при Мазепѣ было широкое мѣсто. Въ случаяхъ болѣе или менѣе сложныхъ, хитрилъ и говорилъ одно, а дѣлалъ другое, какъ это дѣлаютъ вообще умные и разсудочные люди.—Такимъ представляется намъ Мазепа.—Для нѣкоторыхъ изъ указанныхъ здѣсь чертъ его характера имѣются прямыя доказательства, для другихъ—сопоставленіе извѣстныхъ фактовъ, а для третьихъ—та вѣроятность, которая является естественнымъ послѣдствіемъ частыхъ встрѣчъ съ человѣкомъ, хотя бы только и на страницахъ разнообразнаго содержанія документовъ...

Могъ ли быть Мазепа тѣмъ патриотомъ, какимъ онъ себя рисуетъ въ рѣчи къ старшинѣ?—Мы бы сказали, что нѣтъ, основываясь на томъ, что Мазепа въ лѣвобережной Малороссіи былъ человѣкъ чужой, и она ему была чужою.. Никакихъ воспоминаній, никакихъ симпатій съ лѣвнымъ берегомъ у Мазепы не связывалось. На лѣвый берегъ Мазепа пришелъ, имѣя отъ роду во всякомъ случаѣ лѣтъ подъ сорокъ. Нашелъ онъ здѣсь обстановку частной жизни совсѣмъ не ту, къ которой привыкъ съ молодости. Связью съ лѣвобережной Малороссіей у него служило одно—власть. Не будь этой власти, ему не зачѣмъ было бы оставаться на лѣвомъ берегу; онъ удалился бы на правый берегъ, гдѣ внѣшняя культура у людей была та, съ которою онъ сроднился и отсутствія которой на лѣвомъ берегу онъ, должно быть, не могъ не чувствовать.

Задумавъ отторженіе Малороссіи отъ Московскаго государства, Мазепа разумѣлъ конечно одну только лѣвобережную Малороссію, потому что только надъ нею онъ властвовалъ. Правый берегъ онъ могъ имѣть въ виду лишь въ послѣдствіи...

Но могла ли быть у Мазепы какаянибудь прочная связь съ лѣвобережнымъ народомъ?—Вѣдь его же долженъ былъ онъ имѣть въ виду, когда приносилъ свою клятву предъ старшиною, а не одну эту старшину: Ломиковскихъ, Максимовичей, Зеленскихъ и другихъ своихъ болѣе или менѣе *близкихъ*... Нѣтъ у насъ свѣдѣній о томъ, какъ почиталъ народъ Мазепу, но есть отголоски уличнаго мнѣнія о Мазепѣ батуринскаго населенія... Мнѣніе это было далеко не въ пользу гетмана: народъ говорилъ о немъ, какъ о человѣкѣ, не оставлявшемъ „мелкихъ, эротическихъ похожденій“ и въ старости... Были и другіе слухи, что достаточно было съ Мазепою „покумиться“, чтобы „взять власть“ и позволить себѣ насилія... (Опис. Ст. Малор., II, 389). Вотъ этотъ самый Мазепа будто бы задумалъ наперечъ всю свою духовную мощь, чтобы освободить „отчизну“ отъ гибели московской и шведской! Ничего опредѣленнаго мы не знаемъ о той формѣ, въ которую должна была, по мыслямъ Мазепы, преобразиться освобожденная отчизна. Г. Уманецъ полагаетъ, что имѣлась въ виду „полная независимость Малороссіи“. Дѣйствительно, въ письмѣ Орлика находимъ свидѣтельство, что Мазепа, въ случаѣ первыхъ шаговъ успѣха, предполагалъ писать Петру: „мы, будучи свободнымъ народомъ, свободнѣ теперь отходимъ и подъ протекціей короля шведскаго *совершенною нашего освобожденія будемъ ожидать*“... Такимъ образомъ, какъ будто выходитъ, что Мазепа, разсчитывая на затрудненіе Петра В. въ шведской войнѣ и надѣясь на удачу шведовъ, имѣлъ въ виду „отойти отъ Московскаго государства и стать, въ видѣ „свободнаго народа“, подъ протекцію Швеціи... Слѣдуетъ думать, что это былъ лишь временный расчетъ у Мазепы, такъ какъ Швеція отъ Украины, по своему географическому положенію, была слишкомъ далека. Непосредственными сосѣдями у малорускаго народа оставались все таки тѣ же—Московское государство, Польша и Крымъ. Среди этихъ народностей приходилось жить Украинѣ въ случаѣ удачи Мазепинаго замысла. Но трудно, да пожалуй и совсѣмъ невозможно было Украинѣ прожить среди этихъ сосѣдей, не понавъ подъ протекцію, а то и подъ ферулу, одного изъ нихъ, какъ это было съ Украиной во

всѣхъ предыдущихъ вѣкахъ, начиная съ паденія княжеской Руси. За протекціей Швеціи должна была слѣдовать чья-либо иная. Московская протекція въ этотъ моментъ была уже невозможна, а крымская—и всегда была непрочна и ненадежна. Оставалась протекція—Польши, столь знакомой для Малороссіи по недавнему прошлому, а для Мазепы—по личнымъ къ ней отношеніямъ. Трудно допустить предположеніе, чтобы Мазепа, при его умѣ и опытности, могъ питаться идеей о „самостоятельномъ государствѣ“, такъ какъ исторія не представляла такого примѣра въ судьбахъ Украины. Малорусскій народъ, обособленный этнографически, никогда, повидимому, не выразилъ тенденціи къ политическому обособленію, даже въ наиболѣе благопріятный для того моментъ—въ половинѣ XVII в. Едва ли могло быть мѣсто такой тенденціи со стороны народа и спустя болѣе чѣмъ полвѣка послѣ сего момента. Конечно, популярный властелинъ могъ до нѣкоторой степени развить въ народѣ такую тенденцію, но Мазепа такимъ властелиномъ не могъ быть потому, что онъ не пользовался никакою популярностью и вообще далеко стоялъ отъ народа, по условіямъ прежней своей жизни. Поэтому, намъ кажется, что Мазепа, замысливъ отложеніе отъ Русскаго государства, необходимо имѣлъ въ виду постоянную протекцію другого своего сосѣда. Выбора между Крымомъ и Польшею не было. Онъ долженъ былъ рассчитывать прикрыться тѣмъ же польскимъ крыломъ, какимъ полвѣка назадъ думалъ прикрыться и Выговскій. Программа обособленнаго политическаго бытія Малороссіи въ гадацкихъ „пактахъ“ была готова. А по доносу Кочубея, Мазепа ихъ читалъ передъ измѣной, и не одинъ, а въ присутствіи единомышленной ему старшины. Протекцію Польши имѣлъ въ виду Мазепа, когда совѣтовалъ Кочубею не торопиться съ выдачею дочери за Чуйкевича, а подождать, пока явится возможность выбрать жениха изъ числа шляхтичей „зъ лядской стороны“ „якъ будемъ зъ ляхами въ едності“. (Источн. Мал. Ист., Бант.-Кам., II, 101). Въ Польшѣ мы видимъ цѣль Мазепы послѣ того, когда онъ рассчитывалъ, при помощи Швеціи, освободиться изъ подъ ферулы Русскаго государства. Вотъ

чего хотѣлъ Мазепа!—сказали бы мы въ отвѣтъ на первый вопросъ г. Уманца.

Почему же не удалась измѣна?—Для рѣшенія этого вопроса взглянемъ сначала на первые шаги Мазепинаго замысла въ его дѣйствіи, когда Мазепа 30 октября 1708 г., покинувъ Батуринъ, направился къ шведамъ. Г. Уманецъ видитъ стеченіе дѣлаго ряда неблагопріятныхъ условий, явившихся послѣ того, какъ Мазепа открылъ свой замыселъ. Первая неудача заключалась-де въ томъ, что Карлъ рѣшилъ идти въ Малороссію, и слѣдовательно направлялъ за собою и армію русскую „на послѣднюю Украины рину“. Затѣмъ, будто бы вступленіе шведовъ чрезъ Стародубскій полкъ было роковымъ какъ для шведовъ, такъ и для Мазепы. Это потому-де, что „этотъ полкъ позднѣе сдѣлался независимымъ отъ польскаго владычества, былъ менѣе проникнутъ козацкимъ духомъ и ранѣе всѣхъ другихъ вышелъ на дорогу слиянія съ общерусскимъ типомъ... Карлъ и Мазепа, разобщенные отъ Запорожья и приднѣпровскихъ полковъ, ограниченные предѣлами одного Стародубскаго полка, сразу очутились какъ бы въ мѣшкѣ. Вслѣдствіе такого оборота дѣла, прежде всего отпадала вторая часть плана Мазепы—самостоятельное восстаніе южной Малороссіи и Запорожья... Но у Мазепы остается еще одинъ шансъ: быстрый переходъ шведовъ къ Батурину и далѣе, въ Полтавскій полкъ...“ Но Карлъ „почему то медлил“. Это обстоятельство было причиною, что „вмѣсто того, чтобы, выждавъ шведовъ (въ Батуринѣ?) въ кругу старшинъ, показавъ имъ на югѣ волнующееся козацкое море и поднимающійся народъ на сѣверѣ, идти далѣе при кликахъ заразительнаго энтузіазма, среди волнъ возставшаго народа, Мазепа долженъ теперь самъ спѣшить къ шведамъ на сѣверъ, въ сомнительную Стародубщину, провожаемый отрядомъ *наполовину разбѣжавшихся козаконъ* и *двусмысленными взглядами населенія*, относительно равнодушнаго къ идеѣ независимой Малороссіи“... Къ довершенію полной неудачи, Меншиковъ обошелъ Мазепу и шведовъ и—истребилъ Батуринъ... „Узнавъ объ этомъ, Мазепа сказалъ: Украина устрешенная Батуриномъ, будетъ бояться

вмѣстѣ съ нами держаться".—Неожиданный приходъ шведовъ въ Малороссію если и нарушилъ планы Мазепы, то все же не долженъ былъ имѣть гибельнаго значенія для его дѣла, такъ какъ для осуществленія этого плана имѣлась въ виду главнымъ образомъ *сила* шведовъ, ихъ превосходство надъ русскимъ войскомъ. Сила эта осталась въ прежнемъ положеніи. Вступленіе шведовъ въ Малороссію чрезъ Стародубскій полкъ тоже, если и имѣло невыгоду для Мазепы, то не потому, что этотъ полкъ „ранѣе вышелъ на дорогу слиянія съ общерусскимъ типомъ“ (Рославецъ не представлялъ собою полка и никакой солидарности между Рославцомъ и населеніемъ полка — *не было*), а потому, что полковникомъ въ немъ былъ Скоропадскій, въ которомъ Мазепа положительно ошибся: онъ не сомнѣвался въ единомысліи этого полковника, упустивъ изъ виду, что Скоропадскій былъ безличный и всего боавшійся человекъ; боялся онъ и Мазепы, находясь около него, но еще больше убоялся русскихъ войскъ, когда они явились въ Стародубщину. А тутъ прибавился и другой противникъ для Мазепы—новгородсѣверскій сотникъ Жоравка. Вотъ эти два лица сильно помѣшали Мазепѣ, но только въ такомъ случаѣ, когда онъ имѣлъ хотя какое-нибудь основаніе полагать, что послѣ объявленія своего рѣшенія идти на соединеніе къ шведамъ, онъ не встрѣтитъ „двусмысленныхъ взглядовъ населенія“. Г. Уманецъ полагаетъ, что Стародубскій полкъ разобщалъ Мазепу отъ приднѣпровскихъ полковъ и Запорожья, а что еслибы Мазепа, соединившись со шведами въ Батуринѣ, „въ кругу старшинъ“ и при наличности не „разбѣжавшихся еще козаковъ“, перешелъ на югъ („въ Полтавскій полкъ“), то тогда явилась бы другая картина. Тогда, полагаетъ г. Уманецъ, „заволновалось бы козацкое море на югѣ, поднялся бы народъ на сѣверѣ (т. е. въ той же Стародубщинѣ), и Мазепа пошелъ бы далѣе при кликахъ заразительнаго энтузіазма, среди волнъ возставшаго народа...“ Никакихъ основаній для подобнаго представленія въ исторіи не имѣется... Если исключить Запорожье и нѣкоторые по-орельскіе городки (входившіе въ составъ Полтавскаго полка), то нигдѣ, а въ томъ числѣ и въ приднѣпров-

ских полкахъ, за все время восьмидесячнаго пребыванія шведовъ въ Украинѣ, мы не знаемъ ни одного случая, когда бы въ народѣ раздался хоть какой-нибудь „кликъ“ сочувствія къ Мазепѣ или когда бы хотя незначительная группа того же народа проявила что нибудь похожее на „возстаніе“¹⁾... Дѣйствительно, народъ былъ „равнодушенъ къ идеѣ независимой Малороссіи“, потому что эта идея не помѣщалась въ его сознаниіи... Когда народу говорили о возможности освобожденія отъ „московской неволи“, (если только говорили), то онъ, обращаясь къ своимъ воспоминаніямъ, могъ видѣть только *неволю* польскую. Послѣдняя ему хорошо была знакома съ ея *панамі*. Объ униі мы не говоримъ, потому что униі лѣвобережная Малороссія не знала, но *пановъ*—съ чужою религіей, съ чужимъ языкомъ и главное—съ безграничною ихъ властью, народъ хорошо помнилъ, потому что въ юридическихъ актахъ, при опредѣленіи событія извѣстнымъ временемъ, то и дѣло слышится изъ устъ народа—„то было за пановъ“; не говорили, что то было „за яховъ“ а именно—„за пановъ“, потому что на лѣвомъ берегу Днѣпра не „ляхи“ дали себя знать (т. е. не преслѣдованія, напр., религіозныя), а „паны“, т. е. гнетъ экономическій. „Панамі“ опредѣлялось время польскаго владычества. Послѣ изгнанія поляковъ изъ лѣвобережной Украины и послѣ присоединенія послѣдней къ Москвѣ, народъ освободился отъ неограниченной власти *пановъ*.

¹⁾ Къ Днѣпру прилежали слѣдующіе полки: Кіевскій, Переяславскій, Лубенскій, Миргородскій и Полтавскій. Если къ нимъ присоединить небольшой Прилуцкій полкъ и южную часть Нѣжинскаго, то и явится *вся* степная Малороссія (такъ называемая—*Поля*). Посему указаніе г. Уманца на приднѣпровскіе поля нѣсколько неясно. Не Стародубскій полкъ разобщалъ Мазепу съ *Полями*, а Нѣжинскій. Кромѣ Запорожца, участіе въ „измѣнѣ“ Мазепы принимало отчасти и выселеніе По орьля, всегда находившееся въ единеніи съ ближайшими своими сосѣдями—запорожцами. (Это обстоятельство и было источникомъ для замѣчанія извѣстнаго епископа Мефодія, что „запорожцы съ полтавцы живутъ совѣтно, что мужъ съ женой“). Объ участіи по-орельскихъ городковъ въ „измѣнѣ“ имѣются два свидѣнія: 1) у Костомарова („Мазепа“, 520), объ „истребленіи всѣхъ жителей“ Мачки и Нехворощи и 2) въ хроникѣ Крекшена (Библия для Чтенія 1850 г., т. 97 л., отд. III, стр. 81), гдѣ читаемъ: „изъ Мачковъ (Мачки) измѣнника козаки ушли до Царичанки и тамъ заѣли, и для вѣстья оною мѣста посланъ бригадиръ Эгеймъ“.

поляковъ. Если, на смѣну ихъ, въ началу XVIII в. и народились новые паны, то разнища между ними и поляками была огромная: сколько селъ въ Малороссіи было *ратушныхъ*, вовсе не знавшихъ новыхъ пановъ, и какъ легки были переходы изъ одного села въ другое! Ничего не стоило покинуть жестокаго пана, нужно было лишь пожертвовать *грунтомъ*, а свободныхъ грунтовъ было много. Тяжелы были для народа лѣвобережной Малороссіи гетманскія междуусобицы, когда проходившія войска, свои, русскія, а подъ часъ и татарскія, „выбывали“¹⁾ цѣлыя села. Но съ уходомъ со сцены Брюховецкаго и Дорошенка, эти междуусобицы кончились. Послѣ этого, начиная съ Многогрьшнаго, тяжела стала народу воинская повинность и содержаніе войскъ, какъ своихъ (охотничкихъ), такъ въ въ особенности русскихъ. Во всякомъ случаѣ, при сравненіи тѣхъ условій народной жизни, которыя имѣли мѣсто при полякахъ и которыя настали послѣ изгнанія ихъ,—нечего было и говорить, что народъ возвращаться къ „ляхамъ“—желать не могъ. Ферула „москалей“ была гораздо легче: во второй половинѣ XVII вѣка народъ далеко отошелъ отъ того своего состоянія, которое давало полякамъ основаніе называть этотъ народъ *быдломъ*... Вотъ при такомъ то положеніи народа сравнительно съ недавнимъ его прошлымъ, замыселъ Мазепы оказывался дѣломъ чуждымъ этому народу. По этой причинѣ и не могла удалась измѣна Мазепы,—отвѣтимъ мы г. Уманцу, думающему иначе. Г. Уманецъ говоритъ, что „надежда найти въ Москвѣ управу на старшину рано заставляетъ народъ обратитъ сюда свои взоры“ и что „украинскій народъ, даже не любя Москвы, тяготѣлъ къ ней и тормозилъ предприимчивость старшины“. Мы думаемъ, что г. Уманецъ ошибается: при Мазепѣ и раньше народъ еще не искалъ въ Москвѣ управы на старшину да и не могъ искать потому, что съ этою Москвою у него почти вовсе не было отношеній, если исключить 1666—68 годы. Народъ не чувствовалъ, повидимому, никакого влеченія къ „москалямъ“ вслѣдствіе ужъ очень большого несходства въ характе-

¹⁾ Выраженіе того времени. См. Дв. Зал. Марковича, II, 10.

рахъ и домашней обстановкѣ, но Польши народъ боялся и къ Польшѣ онъ ни за что бы не вернулся... Вотъ гдѣ нужно искать, повторяемъ, главную причину несочувствія народа къ замыслу Мазепы. Несочувственно относилась къ замыслу Мазепы и старшина. Трудно, чрезвычайно трудно возстановить психологію той старшины, которая слушала присягу Мазепы и на что-то надѣялась, чего-то искала... Намъ кажется, что всѣ эти Ломиковскіе, Горленки, Максимовичи, Чуйкевичи, отцы семействъ и державцы богатыхъ маестностей, всѣ они были какъ бы подавлены своего рода внушеніемъ со стороны Мазепы.. Всѣ эти патерфимиліасы жили вполнѣ обеспеченною жизнью, наслаждаясь властью, соединенною съ богатствомъ. Чего они могли опасаться?—что Москва „примется“ за нихъ, какъ за своихъ враговъ“? (разговоръ Меншикова съ Мазепою въ Кіевѣ, въ 1706 г.). Думается, что для этого у „Москвы“ не было никакихъ основаній. Подвыпившій Меншиковъ могъ высказывать свои задушенные мысли, указывавшія его личную тенденцію возобладать богатою маестностями Украиною, но въ дѣйствіяхъ царя въ это время ничего еще не было видно, что бы указывало его намѣреніе „приняться“ за старшину. Намъ кажется, что и старшина не могла искренно внимать Мазепѣ и если не противорѣчила ему, то потому, что почти лишена была способности разсуждать. Одинъ изъ вліятельныхъ людей въ кругу первостепенной старины, генер. обовный Ломиковскій („лысый чортъ“) относительно замысловъ Мазепы, такъ говорилъ среди собратовъ: „жуды-де его милость добродѣй, туда и намъ треба“. (Источн. Мал. Ист., II, 113). Орликъ говоритъ, что два полковника (Апостоль и Горленко) бывшіе „начальнѣйшими“ и „паче иныхъ болшее до Мазепы дерзновеніе имѣвшіе“, особенно настаивали у гетмана на томъ, что дальше-де невозможно оставаться подъ властью „Москвы“ и необходимо перейти скорѣе къ осуществленію замысла. Что касается Апостола, то это былъ своего рода мечтатель, и очень возможно, что онъ былъ искренно расположенъ къ замыслу. Не смотря на свой личный антагонизмъ къ Мазепѣ, Апостоль былъ единомышленникомъ послѣдняго въ

замыслахъ объ измѣнѣ, будучи раздражаемъ тою тяготою, которую народъ испытывалъ отъ московскихъ „консистентовъ“, а съ другой стороны—по личному своему характеру, ничего не загадывая о дальнѣйшемъ будущемъ Украины... Горленко былъ „подъуфалымъ сыномъ“ Мазепы и во всемъ вторилъ патрону... Другая старшина, повидимому, молчала, прійдя къ одному заключенію, что „буды его милость добродѣй, туды и намъ треба“... Но внутреннее разьединеніе старшины съ гетманомъ обнаружилось уже черезъ мѣсяцъ послѣ того, какъ она молча пошла за своимъ регимантаремъ изъ Батурина къ шведамъ... Съ одной стороны „разбѣжавшіеся козаки“ (т. е. войско), а съ другой „двусмысленные взгляды населенія“ сразу показали старшинѣ, что замыселъ ихъ гетмана въ народѣ не отозвался ни однимъ откликомъ и явился личною авантюрою стараго гетмана, не хотѣвшаго забыть Польшу...

Способность малорусскаго народа къ политическому самочувствію доказана возстаніемъ Хмельницкаго. Съ одной стороны, тяжесть польскаго ярма, а съ другой стороны, прямая цѣль всѣхъ дѣйствій Хмельницкаго—снять съ народа это ярмо,—воодушевили малорусскій народъ въ половинѣ XVII в., и его возстаніе тогда стало общимъ. Могло ли быть что-нибудь подобное при Мазепѣ?—Съ одной стороны, неясность для народа той цѣли, къ которой стремился Мазепа, а съ другой—полная отчужденность гетмана отъ народныхъ интересовъ,—не могли дать никакихъ положительныхъ результатовъ въ „измѣнѣ“ Мазепы, которая поѣтому и является въ исторіи Малороссіи личною авантюрою Мазепы, повторившаго такую же авантюру своего предначинателя Выговскаго.

Объяля Мазепу, г. Уманецъ говоритъ, что „вообще онъ не былъ золъ“ и что „лишняя жестокость не въ его характерѣ“ (стр. 371 и 374). Исторія не сохранила намъ частныхъ ни о добрыхъ, ни о злыхъ дѣлахъ Мазепы. Но можно предполагать, что Мазепа могъ спасти Григорія Самойловича отъ казни и во всякомъ случаѣ могъ устранить ужасную жестокость этой казни („голову оттали, рубаючи разовъ три—задня болшой муви“, Са-

мовид., 79). Есть указаніе на мстительность Мазепы, напр., въ его отношеніяхъ въ Василю Борковскому и Константину Солониѣ...

Разрѣшая послѣдній вопросъ, касающійся „измѣны“ Мазепы—какое вліяніе неудавшаяся измѣна имѣла на малорусскій народъ?—г. Уманецъ говоритъ: „измѣна время Мазепы, съ ея неудачнымъ концемъ, была необходима для того, чтобы, разъ навсегда, *покончить съ иллюзіями, отрезвить массу и поставить народное чувство Малороссіи на новую дорогу.* Это одна изъ тѣхъ ошибокъ, которыя обязательны въ начальный періодъ народной жизни. Только благодаря ей, здѣсь быстро выработалась новая формула патріотизма“... (стр. 406). Такъ ли это?—Имѣетъ ли историкъ основаніе выводить подобное заключеніе изъ тѣхъ фактовъ, которыми сопровождалась Мазепина „измѣна“?—Намъ кажется, что нѣтъ, и вотъ почему: „масса“ въ „иллюзіяхъ“ Мазепы и ближайшихъ его наперсниковъ—не участвовала, а потому и не отъ чего ей было отрезвляться; одинаково и „народному чувству“ не было повода старую дорогу (какая бы она ни была) мѣнять на „новую“. Старшинскія „иллюзіи“ дали народу лишь новыя причины для упрековъ противъ нея, потому что ближайшими результатами Мазепиной „измѣны“ явились: огромная убыль народныхъ силъ, какъ слѣдствіе шведской „руины“ и сильное умаленіе автономіи края.

Что же слѣдуетъ сказать въ концѣ концовъ о результатахъ взятаго на себя г. Уманцомъ „пересмотра стараго, забытаго дѣла“ (предисл.)?—Равставаясь съ книгою Ф. М. Уманца, мы лично пожалѣли, что для этого „пересмотра“ авторомъ употреблено, видимо, недостаточно времени, а это не дало ему возможности ближе познакомиться съ соціальнымъ бытомъ лѣвобережной Малороссіи въ втор. полов. XVII в.; его изученіе за послѣднія два-три десятилѣтія настолько подвинулось впередъ

что историкъ уже видимъ главныя черты тогдашней народной жизни съ ея положительными и отрицательными сторонами. Намъ кажется, что при большемъ времени г. Уманецъ если и не смогъ бы смѣять съ Мазепы „темныхъ красокъ“, то во всякомъ случаѣ представилъ бы намъ его время въ болѣе вѣрномъ освѣщеніи, такъ какъ изъ нѣкоторыхъ мѣстъ книги г. Уманца мы видимъ, что его освѣщеніе не всегда вѣрно.—Возьмемъ для примѣра указаніе г. Уманца на состояніе грамотности въ Малороссіи втор. полов. XVII в. Вотъ что онъ говоритъ по этому предмету.—„Уваженіе науки и желаніе показаться безграмотнымъ какъ то мирно уживаются въ Малороссіи того времени. Такое странное сочетаніе требуетъ объясненія. Прежде всего, въ Малороссіи какъ будто бравируютъ безграмотностью. Даже несомнѣнно грамотные старшины, случалось, поручали за себя росписываться. Такъ, напр., при выборѣ Самойловича, за полковника Дмитрашка Раича—серба по происхожденію и сербская грамотность котораго видна изъ другихъ актовъ, расписывается козакъ Бувайло. Подобное, но еще въ большемъ размѣрѣ видимъ на Запорожьѣ...“ Примѣръ Запорожья—„городамъ“ не указъ, скажемъ мы. Въ Запорожьѣ жили „характерники“, въ обиходѣ которыхъ дѣйствительно практиковались разныя причуды, съ помощью которыхъ запорожцы хотѣли прослыть хитроумными Улиссами; но въ гетманщинѣ указываемаго г. Уманцомъ явленія, повидимому, вовсе не было... Примѣръ Дмитр:шка не годится уже и потому, что это былъ *сербъ*, а затѣмъ умѣніе писать сербскія каракули ¹⁾ еще не обозначало той грамотности, съ которою Дмитрашко могъ безъ стѣсненія дать свою подпись на актѣ объ избраніи гетмана. Утверждаемъ, что не было „такой моды“, а слѣдовательно не могло быть и мотивовъ ея. „Гетманы и старшины или пишутъ, какъ каллиграфы, или объявляютъ себя неграмотными“, говоритъ г. Уманецъ, при чемъ какъ на объявившаго себя неграмотнымъ указываетъ на гетмана Михайла Дорошенка (1625 г.), не имѣя ни малѣйшихъ дан-

¹⁾ Сличокъ съ нихъ см. въ Киевск. Стар. 1893 г., апрѣль, 28. Этими каракулями написано: „Дмитрашко Раича рукою свою писуу“.

ныхъ для заключенія о его грамотности ¹⁾. „Однимъ изъ мотивовъ такой моды, читаемъ далѣе у г. Уманца, служитъ желаніе дать себѣ наиболѣе демократическій оттѣнокъ. Какъ теперь, государственные люди Америки охотно приписываютъ себѣ карьеру чернорабочаго, такъ въ Малороссіи послѣ Хмельницкаго, *возникъ запросъ на людей, проложившихъ дорогу безъ книжнаго образованія (?)*. Другой мотивъ—въ выгодахъ безграмотности. Она давала козаку XVI вѣка (XVII-го?) возможность не подписать такую бумагу, за которую въ недалекомъ будущемъ приходилось *отвѣчать головою (?)*. Этимъ объясняется поразительное множество подписей „за неумѣющими грамотъ“ на актахъ, совершенныхъ во время поѣздки Брюховецкаго въ Москву. Какъ будто, для поѣздки въ Москву, Брюховецкій нарочно бралъ лицъ, незнакомыхъ со школою! Но люди, сопровождавшіе Брюховецкаго, *просто не хотѣли подписывать документъ, которымъ гетманъ съ Войскомъ Запорожскимъ челомъ ударили великому государю всѣми малороссійскими городами и съ уѣзды“*, и вдругъ, повально, почти всѣ оказались неграмотными“ (стр. 108). Обращаемся къ этому документу и видимъ, что изъ высшихъ урядниковъ неграмотными значатся: ген. обозный Цесарскій, генер. судья Петръ Забѣла, генер. есаулы Василій Федяенко и Павелъ Константиновъ, генер. бунчужный Иванъ Михайловъ, генер. хоружій Николай Яковлевъ и полковники: переяславскій (наказный)—Романенко, нѣжинскій,—Гвинтовка, зеньковскій—Шиманенко, бывшій стародубскій—Петръ Рославецъ и бывшій полтавскій—Гуджоль. (Источн. Малор. Ист., Бант.-Кам., I, 189—139). Но тутъ же, на этомъ актѣ, видимъ и грамотныхъ: кіевскаго полковника Василя Дворецкаго, лубенскаго—Григорія Гамалѣю и „посланца“ отъ полка Черниговскаго—Ивана Домонтовича (ошибочно назван-

1) Сдѣлана ссылка на то мѣсто „Вогд. Хмельн.“ Костомарова (I, 83), гдѣ сказано: „новонабранный гетманъ Михайло Дорошенко (за безграмотностью котораго подписался на договорѣ писарь Савуй Вурчевскій) присягнулъ на вѣрность“.. Рѣчь идетъ о договорѣ, заключенномъ между польскими комиссарами и козаками у оз. Курулова. См. Арх. Ю. З. Россіи, ч. III, т. I, стр. 284—292. Значить, по мнѣнію г. Уманца, Млх. Дорошенко долженъ былъ быть грамотнымъ потому только, что онъ былъ гетманомъ...

наго Ромоитовыиъ), будущаго генер. судью.—Г. Уманецъ говорить, что повальное неграмотство явилось именно среди лицъ, поѣхавшихъ съ Брюховецкимъ въ Москву, но на „статьяхъ“ постановленныхъ съ гетм. Брюховецкимъ“ *въ Батурино*, въ ноябрѣ 1664 г., видимъ тѣхъ же неграмотныхъ: генер. обознаго Цесарскаго, генер. судей Незамайя и Петра Забѣлу, генер. есауловъ Афанасьева и Нужнаго и полковниковъ: прилуцкаго Песоцкаго, вѣжинскаго Гвинтовку, лубенскаго Вербицкаго, зеньковскаго Шимана (Шиманенка—тожь) стародубскаго Плотника и полтавскаго Гуджола, (стр. 129—130). А кievскій полковникъ Дворецкій и тутъ показывается сея грамотнымъ.—Слѣдовательно не въ Москвѣ только являлось „повальное“ безграмотство. Но къ этому мы должны добавить, что изъ ѣздившей въ Москву старшины *дѣйствительная* неграмотность намъ извѣстна по другимъ актамъ—генер. судьи Петра Забѣлы и полковниковъ Гвинтовки и Рославца, а изъ лицъ, подписавшихъ актъ 1664 г. дѣйствительно неграмотными были полковники Вербицкій, Песоцкій, и Плотникъ. Остальная старшина, показанная неграмотною, конечно таковою и была. Да, трудно было и быть иною старшинѣ Брюховецкаго, поставленной, по выраженію Грабянки ¹⁾—„въ гультяйства запорожскаго“, на что указываетъ и Самовидецъ, говоря, что эти полковники были назначены Брюховецкимъ вслѣдъ за поставленіемъ его на гетманство: „и выйшовши изъ церкви (послѣ присяги), Брюховецкій того жъ дня своихъ полковниковъ понастановлялъ *зъ тѣхъ людей, которые зъ нимъ выйшли зъ Запорожа, по успѣхъ городахъ* (стр. 41). Нисколько не удивительно поэтому, что старшина Брюховецкаго почти „повально“ была неграмотною. Но повторяемъ, что и до Брюховецкаго среди генеральной старшины и полковниковъ *очень часто* были люди неграмотные, а въ средѣ низшей старшины безграмотство было почти „повальное“. Никакого, поэтому „сокрытія грамотности“ въ Малороссіи подозрѣвать нельзя.

¹⁾ Олуцанное въ печати мѣсто на стр. 196. См. Киевск. Стар. 1894 г., нояб. 298.

Въ заключеніе, сдѣлаемъ одно добавленіе къ свѣдѣніямъ о матери Мазепы, полученное нами уже тогда, когда мы оканчивали наши „замѣтки“. Еще Максимовичъ (Соч., I, 200 и слѣд.) отмѣтилъ, что въ числѣ лицъ, записанныхъ въ именной „Реестръ“ лужскаго правосл. братства, значится и „Марина Мазепина“, но кабая это была Мазепина—не поясняетъ. На дняхъ мы узнали отъ О. И. Ловицкаго, что указанный Максимовичемъ подлинный „Реестръ“ хранится въ библиотекѣ Киевской Археографической Коммисіи, и обратившись къ этой рукописи, на обор. 11-го листа нашли такую запись: „Марина Мазепина, подчашина черниговска“. Изъ указанія на чинъ ея мужа, мы видимъ, что эта была жена (или вдова) *подчашаго черниговскаго* т. е. Адама Мазепы, а слѣдовательно, это была *мать гетмана Мазепы*. Записана „Мазепина“ въ „Реестръ“ постороннимъ лицомъ потому, что почеркъ записи совершенно отличенъ отъ дѣйствительнаго почерка матери гетмана, снимокъ съ котораго приведенъ у насъ выше, и вромѣ того, запись сдѣлана *русскими буквами*, а такъ какъ въ 1871 году, уже будучи игуменьей, Мазепина подписывалась польскими буквами, то слѣдуетъ думать, что мать гетмана по-русски писать не умѣла, какъ это тогда было въ порядкѣ вещей. Такимъ образомъ изъ записи лужскаго братскаго „Реестра“ мы видимъ, что мірское имя матери гетмана было Марина.

Предки П. А. Кулиша.

Въ одномъ изъ писемъ къ С. Д. Носу П. А. Кулишъ жалуется, что онъ не былъ допущенъ къ слушанію лекцій въ Киевскомъ университетѣ будто бы потому, что не могъ представить „дворянскаго протокола на свое, а не на панотцеве имя“, прибавляя къ этому, что его «панотець зоставсь десятилткэмъ безбатченкомъ, тымъ и не зумивъ описля спонукаты герольдію»¹⁾,

¹⁾ Киевск. Стар. 1897 г., май, стр. 295.

т. е. потому де и не могъ добиться въ герольдіи утвержденія въ дворянствѣ. Но дѣло въ томъ, что предки П. А. К—ша носили настолько не важныя чины, что потомки ихъ въ дворянство не могли попасть, хотя объ этомъ и очень заботились. Дворянства этого предки Кулиша усиленно искали, наравнѣ со всѣми своими современниками и въ слѣдахъ своихъ поисковъ оставили намъ кое какія о себѣ свѣдѣнія, нелишенные историческаго интереса. Полагая, что происхожденіе того или другого выдающагося въ сферѣ общественной дѣятельности человѣка можетъ имѣть значеніе, сообщаемъ здѣсь коротенькія свѣдѣнія о предкахъ неутомимаго изслѣдователя бытовой исторіи малорусскаго народа. Кулишъ былъ родомъ изъ глуховскаго мѣстечка Воронежя, гдѣ его предки изстари жили въ ряду мѣстныхъ козаковъ. Извѣстность этихъ предковъ, по бумагамъ, достигаетъ 1710 года. Послѣ изданія въ 1785 году дворянской грамоты, дававшей возможность и самой меньшей козацкой старшинѣ записаться въ дворянскіе списки и стать такимъ образомъ въ привилегированное положеніе относительно рядоваго козачества, всѣ значковые и войсковые товарищи, сотенные писари, есаулы, хорунжіе—всѣ бросились искать дворянства ¹⁾. А для этого, всѣ эти *полутанки* начали искать по разнымъ домашнимъ *схованкамъ* всяческихъ «шпиргаловъ», въ которыхъ только упоминался какой нибудь чинъ какого нибудь предка. Съ этою же цѣлію стали розыскивать свои документы и брать дѣда П. А. Кулиша—Яковъ Ивановичъ *Кульши*, уволенный въ 1781 г. отъ службы, по болѣзни, съ чиномъ сотеннаго атамана. Но документовъ найдено было имъ немногихъ,—всего два. Первый изъ нихъ, относящійся къ 1710 г., заключаетъ въ себѣ «заставное» обязательство «воронежскаго жителя» Ивана Бесовца войсковому товарищу Михайлу Кульшенку, по которому за долгъ «въ сорокъ талеровъ и одну копу» Бесовецъ отдаетъ Кульшенку въ «арештъ» на одинъ годъ «дворъ свой власный» и «всю свою худобу» (земельную), съ условіемъ, что если онъ, Бесовецъ, долга своего въ годовой срокъ не заплатитъ, то вся эта худоба поступаетъ въ собственность Кульшенку. Другой документъ представляетъ собою «объявленіе генеральной канцеляріи нѣжинскому полковнику и его старшинѣ 1759 г., о томъ, что за увольненіемъ отъ должности воронежскаго

¹⁾ См. монографію Д. П. Миллера *О малорусскомъ дворянствѣ и наши замѣчанія на эту монографію.*

атамана Семена Торкуша за его «непорядочество» (по представленію сотника Холодовича), на мѣсто его воронежская старшина, куренные атаманы и козаки избрали «атамана надъ выборными той сотни воронежской козаками Ивана Кулѣша», и что выборъ этотъ генер. канцеляріей утвержденъ. За снмъ самъ Яковъ Кулѣшъ имѣлъ у себя указъ нѣжинской полковой канцеляріи объ отставкѣ, выданной ему въ 1781 г.; въ указѣ этомъ значится, что воронежскій куренный атаманъ Яковъ Кулѣшъ «представилъ, что отецъ его, Кулѣша, атаманъ сотенный воронежскій Иванъ Кулѣшъ, чрезъ многіе годы будучи въ той должности, продолжалъ службу безпорочно по смерть свою, а по смерти его, брата его, атамана, старшій Демьянъ Кулѣшъ служилъ съ нераздѣльныхъ съ нимъ добръ, куреннымъ воронежскимъ атаманомъ и въ томъ званіи умре; онъ же атаманъ Яковъ Кулѣшъ находился первѣе у письменныхъ де сотенной воронежской канцеляріи дѣль, а потомъ въ 1773 г. опредѣленъ отъ сотенной воронежской канцеляріи куреннымъ воронежскимъ атаманомъ»; съ этой должности Яковъ Кулѣшъ просилъ увольненія за болѣзнію, причемъ полковая канцелярія, имѣя въ виду безлорочную службу Як. Кулѣша, наградила его «въ абштѣ чиномъ сотеннаго старшины».

Такимъ образомъ, отсюда видно, что первый извѣстный предокъ П. А. Кулиша былъ войсковою товарищъ Михайло Кулѣшенко; у этого Михайла было два сына: Демьянъ и Иванъ, занимавшіе послѣдовательно уряды воронежскихъ куренныхъ атамановъ, при чемъ старшій братъ сталъ куреннымъ атаманомъ уже по смерти младшаго. У Ивана Михайловича Кулѣша было также два сына: Яковъ и Андрей; первый, какъ мы видѣли, получилъ при отставкѣ чинъ сотеннаго атамана, а Андрей (дѣдъ П. А. К—ша), какъ значится въ родословной, «безъ чина умре», изъ чего видно, что онъ изъ рядовыхъ козаковъ не выходилъ. Вотъ съ этими «доказательствами» Яковъ К—шъ и обратился въ Новгородсѣверское депутатское собраніе съ просьбою объ утвержденіи его съ братомъ Андреемъ въ дворянствѣ. Просьба Кулишей была уважена, какъ видно изъ слѣдующаго постановленія депутатскаго собранія:

«По указу ея и. величества, новгородскаго намѣстничества губернскаго предводитель дворянства и уѣздные дворянскіе депутаты разсматривали списокъ съ доказательствами о благородствѣ атамана сотеннаго Якова и брата его Андрея Ивановыхъ сыновъ Кулѣшевъ (sic), изъ которыхъ, какъ по списку значится, Яковъ 34 лѣтъ....»

Андрій 27 лѣтъ, женатъ на дочери знач. тов. Григорія Латыша Ефими, имѣеть сыновей Александра 5-ти и Романа 3-хъ лѣтъ; по послѣдней 1782 года ревизіи записанныхъ за ними муж. п.—5 и женск.—7 душъ состоятъ наслѣдственныхъ, Кролевецкаго уѣзда, въ мѣст. Воронежѣ, живутъ въ Воронежѣ. Изъ нихъ Яковъ чинъ имѣеть атамана сотеннаго въ отставкѣ, а Андрей чина не имѣеть. О предкахъ же своихъ показали, что прадѣдъ былъ войск. товарищемъ, дѣдъ Демьянъ ¹⁾ козакомъ, а отецъ Иванъ Кулѣшъ атаманомъ сотеннымъ воронежскимъ, въ доказательство чего представилъ (названы указанные документы 1710 и 1759 г.г.) да свидѣтельство отъ 12-ти человекъ дворянъ 1784 г., показывающихъ, что прадѣдъ ихъ Михайло былъ войск. товарищемъ, дѣдъ Демьянъ козакомъ, а отецъ атаманомъ сотеннымъ и, отправляя военную службу, велъ жизнь благородную, сходственную съ дворянскимъ, что все, по силѣ грамоты о дворянствѣ 92 й ст., 11 и 12 отдѣленій, на дворянское ихъ Кулѣшевъ достоинство признается неопровержимымъ доказательствомъ и какъ притомъ чинъ войск. товарища, въ коемъ прадѣдъ ихъ состоялъ, есть военный оберъ-офицерскій, а оберъ-офицеры и ихъ дѣти, и ихъ потомки по указу государя императора Петра I-го, 1721 г. января 16-го состоявшемуся, хотябы и не изъ дворянства, суть дворяне. Для того губернскій предводитель дворянства и уѣздные дворянскіе депутаты, признавая ихъ, показателей, происходящими отъ помнутаго предка ихъ, отправлявшаго въ разсужденіи чина его дворянскую службу, единогласно приговорили: по содержанію 78-й статьи оной же грамоты о дворянствѣ, внести ихъ: Якова и Андрея Ивановыхъ сыновъ господъ Кулѣшовъ съ потомствомъ ихъ во 2ю часть дворянской родословной книги сего намѣстничества и о томъ, въ согласіе 85-й статьи выдать имъ грамоту. Это постановленіе однакожь не было утверждено герольдіей, которая не имѣла основаній признать чинъ войсковаго товарища за «оберъ-офицерскій», и Кулиши могли впослѣдствіи считаться лишь личными дворянами да и то, согласно закону, при наличности у каждаго лица хотя перваго изъ табели о рангахъ чина. Но отецъ П. А. Кулиша Александръ (род. 1781 г.) въ официальныхъ бумагахъ называетъ себя «дворяниномъ безъ чина». У Ал. Андр. Кулѣша было два сына: Николай,

¹⁾ Какъ видно изъ представленныхъ Кулишами документовъ, Демьянъ Кулишъ былъ не дѣдомъ, а дядею (братомъ отца) Якова Кулиша.

родившійся въ 1803 г., отъ первой жены Марьи, и Пантелеймонъ, родившійся въ Воронежѣ, 1819 г. 26 іюля, отъ второй жены Екатерины Ивановны.

Приведенные документы если не доказываютъ дворянства П. А. Кулиша, то во всякомъ случаѣ устанавливаютъ исконную связь его съ тѣмъ народомъ, надъ изученіемъ котораго Кулишъ такъ много и такъ разнообразно потрудился.

„Богданъ Хмельницкій“. Анонимная поэма тридцатыхъ годовъ ¹⁾.

Настоящая анонимная поэма появилась тогда, когда русская печатная литература о Малороссіи ограничивалась почти исключительно одной *Исторіей Малой Россіи Бант.-Каменскаго*, при чемъ послѣдняя, конечно, и послужила автору основаніемъ для фавбулы. — «Богданъ Хмельницкій—освободитель Малороссіи отъ ига ляховъ, виновникъ счастья миллионовъ... конечно достоинъ пѣсенъ; и авторъ, избравъ его героемъ своего стихотворенія, не страшится хулы на счетъ разборчивости своего вкуса. Но чувствуя, что не вполне достигъ предположенной имъ цѣли, въ защиту себя можетъ только сказать, что это первый опытъ его въ такомъ родѣ поэзіи». Такое предисловіе предпосылаетъ авторъ своей поэмѣ, фабула которой слѣдующая. Козакъ-путникъ остановился на берегу Днѣпра—отдохнуть и встрѣчаетъ здѣсь—

Въ одеждѣ крмыца не простаго,
По виду—ляха молодого,
И по словамъ ему роднымъ—
Украинца.

«Украинецъ» (котораго авторъ далѣе называетъ «незнакомцемъ») ѣдетъ изъ Крыма въ Чигиринъ; разговорившись съ козакомъ, онъ узнаетъ отъ послѣдняго подробности тѣхъ прѣсненій, которыя Украина терпитъ отъ ляховъ.

Сарнатскихъ ратниковъ толпы
Въ Украйнѣ нравы развращаютъ,
И униатскіе поны
Благочестивыхъ проклиняютъ;

1) Слб. 1833. Въ 16-ю д. л. 121 стр.

И ляхъ впрягаетъ козаковъ,
 Возвтъ по селамъ спхъ поповъ.
 Вездѣ горятъ козачьи хаты,
 Святой нашъ велелѣнный храмъ,
 Поля и рѣвы—все жидамъ
 На откупъ отдають сарматы...

«Незнакомецъ» упрекаетъ козаковъ за ихъ инерцію относительно «сарматовъ» и патетически восклицаетъ:

Украинецъ! примирись съ судьбою!
 Богъ жребій смертнаго блюдетъ.
 Вѣрь: надъ родной твоею страню
 Вновь солнце счастья взойдетъ!

Разспрашивая «козака» о Чигиринѣ, «незнакомецъ» узнаетъ, что «дочь подстаросты въ Чигиринѣ», она же и «Марія»,—умерла.. Это извѣстіе производитъ страшное впечатлѣніе на Хмельницкаго (читатель, конечно, узналъ въ вѣдущемъ изъ Крыма «незнакомцѣ» Хмельницкаго), и онъ—мчится въ Чигиринъ. Тамъ его сейчасъ узнають—

«Хмельницкій!» весь народъ вопилъ;
 А онъ въ отвѣтъ:—здорово братья!
 «Зиновій! ты!... въ какихъ странахъ—
 Въ разлукѣ жилъ съ роднымъ краемъ?..
 А мы, межъ падшимъ въ бояхъ,
 Тебя въ молчвахъ поминаемъ...
 — «Нѣтъ, братья, нѣтъ! Богъ козаковъ
 Хранилъ меня и на чужбинѣ...

Затѣмъ Хмельницкій узнаетъ о смерти своего отца Михаила, убитаго Чаплицкимъ, слышитъ въ «замокъ убійцы» и уже подымаетъ на него «мечъ», но между Чаплицкимъ и Хмельницкимъ является—«Марія», умоляя пощадить отца.. Хмельницкій «свой мечъ съ негодованіемъ бросаетъ», но тутъ же его схватываютъ и отводятъ въ тюрьму.—Изъ тюрьмы Хмельницкаго освобождаетъ, конечно, Марія, при чемъ вмѣстѣ съ нимъ и бѣжитъ. Отцовская погоня настигаетъ бѣглецовъ, стрѣляетъ—и Хмельницкій падаетъ; погони его оставляетъ, какъ мертваго, а Марію схватываетъ и везетъ къ отцу... Хмельницкій, разумѣется, отъ ранъ не умеръ... Его приютилъ какой-то «дровосѣкъ», который, кстати, залѣчилъ Хмельницкому и раны...

Этот же «дровосѣкъ» рассказываетъ Хмельницкому, что возвращенная къ отцу Марія снова убѣжала и, какъ слышно,—

Пошла къ стѣнамъ монастыря...

«Она избѣгла мукъ счастливо!»

Воскликнулъ радостно козакъ (Хмельницкій):

«Теперь... ты палъ надменный врагъ!

О родина! теперь Зановѣй

Тебѣ одной принадлежить;

Своей послѣдней капли крови,

Онъ для тебя не пощадитъ!

Забуду все! отъ сей минуты

Душа для нѣжности замретъ,

Доколѣ родина отъ смуты

Отъ тяжкихъ бѣдъ не отдохнетъ!

Хмельницкій бѣжитъ въ Запорожье.

И вотъ предъ нимъ—*Никитинъ Рогъ*—

Тамъ—*Сѣчь*....

Своими рассказами о положеніи дѣлъ въ Украинѣ, Хмельницкій становится на Запорожьи популярнымъ, и запорожцы выбираютъ его гетманомъ Украины. Выборы происходили *на радѣ*:

Уже на площади стояли

Всѣ козаки, по *курнямъ*,

И всѣ начала *рады* ждали.

Вотъ отворился Божій храмъ,

И *есаулъ* выноситъ знамя.

Пра видѣ спутника въ бояхъ,

У запорожцевъ мести пламя

Сверкнуло въ радостныхъ очахъ.

Въ лптавры *довбыши* ударяетъ,

Народъ, шумѣвшій, умолкаетъ,

И появились: кошевой,

Судья и писарь войсковой.

Шелъ первый съ *палицей*; съ печатью

Шелъ войсковой судья за нимъ,

А писарь важно за вторымъ—

Съ чернильницей...

Изъ этого описанія *рады* видно прилежное изученіе авторомъ мѣстной исторіи. Заслуживаетъ рассказъ, какъ Хмельницкій съ

запорожцями и союзными татарами идти въ Украину, какъ поляки встрѣчаютъ его при *Желтыхъ Водахъ* и чѣмъ кончилось происшедшее тутъ сраженіе—

И свѣжій лавръ—обвилъ чело
Малороссійскаго героя!

Близъ Корсуна происходитъ другое сраженіе; здѣсь новая удача:

Сарматы въ страхѣ побѣжали,
И главные вожди враговъ
Въ шатрѣ Хмельницкаго стояли...

Хмельницкій прославляется народомъ...

И вотъ молва: что подъ *Пиллявой*
Вѣнчался гетманъ новой славой;
И что увѣнчанный герой,
На время кинувъ поле битвы,
Спѣшитъ съ дружиной въ градъ святой
Для благодарственной молитвы.
И Кіевъ ждетъ его...

Народъ хочетъ устроить ему торжественную встрѣчу и обращается къ митрополиту—помочь ему въ этомъ дѣлѣ; митрополитъ раздѣляетъ энтузіазмъ народный и идетъ въ «обитель сестеръ», на совѣтъ съ «игуменьей», чтобы выбрать одну изъ «сестеръ» для поднесенія народному вождю «хлѣба священнаго».

Игуменя избираетъ для этого «бѣллицу» Мнюдору, которой постриженіе, между прочимъ, назначено на второй день послѣ этого. Узнавъ, что ей предстоитъ поднести отъ имени народа хлѣбъ Хмельницкому, Мнюдора не можетъ прийти въ себя и при этомъ рассказываетъ одной изъ «сестеръ» свою исторію, изъ которой узнаемъ въ разсказчицѣ Марію Чаплицкую. Бѣжавъ отъ отца, Марія пришла въ Кіевъ и здѣсь обратилась къ помощи настоятеля одного изъ монастырей, который, «миропомазавъ и наставивъ Марію въ законѣ пономъ», отправилъ ее въ женскій монастырь.

Теперь, на мигъ
Душа для счастья просіяетъ...
Но, другъ—не тотъ: онъ сталъ великъ,
А я... меня онъ не узнаетъ.

Но вотъ настаетъ день въѣзда Хмельницкаго въ Кіевъ.

Чу!... Отдаленный трубный звукъ!...
И вотъ, съ Софійской башни, вдругъ

Раздался голосъ: ѣдутъ!—

Полный

Высокихъ чувствъ, съ крестомъ святымъ,
Идетъ митрополитъ; за нимъ
Все духовенство, и, какъ волны,
Шумящій движется народъ;
И чистая, какъ голубица,
Въ толпѣ восторженной идетъ,
Съ главою поникшею—бѣлица.
Она Хмельницкому несетъ
Въ даръ отъ народа, хлѣбъ священный,
На немъ: *спасителю—спасенный*.
Завида гетмана вдали,
Митрополитъ остановился.—
Герой—съ коня; и до земли,
Перекрестившись, поклонился.
Пошелъ и рать за нимъ пошла,
Побѣдоносцы въ градъ вступили.—
Вдругъ зазались колокола,
И кіевляне возопили:
Хмельницкій! низложенъ тиранъ!
Ты отъ позора насъ избавилъ,
Ты родину свою прославилъ,
Отсель, да будешь ты: Богданъ!
.
.
. «Мужъ знаменитый!
Воззвалъ Сильвестръ: «прими нашъ даръ!
Въ немъ все, что мечъ врага, пожаръ
Оставилъ для родного края». .
И изъ толпы, едва живая,
Бѣлица, трепетной стопой,
Подходить къ гетману; рыдаетъ...
И то блѣднѣетъ, то пылаетъ;
И вотъ, поникнувъ головой,
Она чуть внятно произноситъ:
«Прими нашъ бѣдный даръ, герой!
«Тебѣ народъ его подносить,

Прими!.. тебя.. Марія просить!
 Хмельницькій поблѣднѣлъ... дрожить..
 Народъ въ смятеніи... Марія—
 На друга смотрять и молчатъ.

.
 «Марія! ты-ль?... Какая сила
 Мое блаженство довершила?» —
 Воскликнулъ гетманъ; палъ на грудь
 Къ подругѣ, небомъ возвращенной,
 И долго онъ не могъ вздохнуть,
 Восторгомъ чистымъ упоенный.

.
 Чувствительный! докончи самъ
 Небесную картину счастья!—

Разсказавъ содержаніе поэмы, добавимъ, что авторъ послѣдней имѣлъ уже предъ собою примѣръ поэтического изложенія одного изъ эпизодовъ малорусской исторіи: за четыре года передъ тѣмъ (1829) была пздана *Полтава* Пушкина. Основаніемъ этой поэмы Пушкинъ взялъ романъ стараго гетмана съ юной своей крестницей и казню отца послѣдней тѣмъ-же гетманомъ. Выбранный Пушкинымъ эпизодъ исполненъ драматическихъ положеній, давшихъ возможность гениальному поэту выказать и въ *Полтавѣ*—весь блескъ своего таланта. Не таковъ эпизодъ, выбранный нашимъ анонимомъ. Онъ остановился на самомъ крупномъ лицѣ малорусской исторіи, у котораго на-лицо всѣ данныя для того, чтобы стать героемъ въ любомъ литературномъ произведеніи: поэмѣ, драмѣ, романѣ... Взявъ для формы, какъ и Пушкинъ, поэму, анонимъ строитъ послѣднюю на фабулѣ о любви Хмельницкаго и о его вѣздѣ въ Кіевѣ; здѣсь онъ ввелъ небывалый и едва ли возможный въ исторіи событія фактъ поднесенія вѣзжающему въ Кіевъ Хмельницкому хлѣба какою-то «блѣндой»... Натяжка автора очевидна, какъ очевидна и скудость его поэтического воображенія. Тѣмъ не менѣе нашему анониму принадлежитъ честь перваго изображенія Хмельницкаго въ литературномъ произведеніи новѣйшаго времени ¹⁾. До этого времени о Хмельницкомъ въ русской литера-

¹⁾ Изъ XVIII в. известно произведеніе Феофана Прокоповича.—„*Милостивъ Божій, Украину отъ неудобъ носимыхъ обидѣ людскихъ чрезъ Богдана Зимогій Хмельницкаго... свободившая*“. См. Соч. Максимовича, II, 486.

урѣ известно было лишь «историческое повѣствованіе» о Хмельницкомъ Федора Глинки, напечатанное въ 1816 г., въ его *Письмахъ къ Другу*; къ сожалѣнію, мы не имѣли возможности познакомиться съ этимъ произведеніемъ ¹⁾).

Черезъ шесть лѣтъ послѣ изданія этой анонимной поэмы о Хмельницкомъ, стали печататься въ тогдашнихъ журналахъ отрывки изъ другой посвященной тому же герою поэмы («Богданъ»), принадлежащей Гребенкѣ. Воплнѣ эта поэма была напечатана сначала въ *Библ. для Чит.* 1843 г. № 2, а затѣмъ въ собраніи *Сочиненій Е. П. Гребенки*, изд. Литова (Спб. 1862) т. V, стр. 7—81.

Изъ семейной хроники Берловъ.

(1672—1805).

Когда, послѣ изданія дворянской грамоты въ 1785 г., малорусская козацкая старшина стала записываться въ „списки дворянскихъ родовъ“, то многіе изъ новыхъ дворянъ, недовольствуясь представленіемъ въ доказательство своего „благороднаго происхожденія“ гетманскихъ универсаловъ и другихъ *козацкихъ* документовъ, повѣствовали еще и о своихъ *до-козацкихъ* предкахъ, досягая при этомъ иногда и до римлянъ... При помощи Окольскаго и Нѣсецкаго (авторы польскихъ гербовниковъ), особыхъ затрудненій для такихъ повѣствованій—не представлялось. Такъ, переяславскіе „паны“ *Берлы*, Иванъ и Пантелеймонъ, правнуки переяславскаго полковаго судьи Ивана Берла, представляя въ в. XVIII в. доказательства своего „дворянства“, не удовольствовались указаніемъ на гетманскіе универсалы о службѣ ихъ прадѣда, а обратились еще къ Окольскому и Нѣсецкому. Здѣсь въ числѣ гербовъ нашли они *зуброву голову*, признали его своимъ гербомъ и затѣмъ смѣло уже рассказывали о своемъ древнемъ *благородствѣ*; какъ видно изъ слѣдующаго „доказательства“ ихъ дворянства.—„Пишутъ авторы Окульскій и Нѣсецкій въ гер-

¹⁾ Полное заглавіе книжекъ Глинки такое: „Письма къ другу, содержащія въ себѣ: замѣчанія, мысли и разсужденія о разныхъ предметахъ съ присовокупленіемъ историческаго повѣствованія: *Зимовой Богданъ Хмельницкой или освобожденія Малороссіи*. Федоръ Глинка, сочинитель писемъ русскаго офицера“. Спб. 1816 года. Три части. Въ 16-ю д. л. „Повѣствованіе“ о Хмельницкомъ напечатано повидимому въ 3-й части, такъ какъ въ первыхъ двухъ частяхъ *Писемъ*, имѣвшихся въ вашей библіотекѣ, его нѣтъ.

бутѣ (sic), что тотъ гербъ (*зубра*) внесенъ отъ старыхъ римлянъ въ 155 году въ Валахію, гдѣ большіе дома въ Валахіи ознакомили фамилии свои; а когда король польскій и венгерскій Владиславъ Ягеловичъ войну имѣлъ съ турками, за султана Амурата, въ 1440 году, и съ арміею своею, польскою и венгерскою, въ которой присовокупился и господарь волошскій Тымша, съ 15-ю тысячами своего войска, и дошелъ съ тѣми войсками подъ Бѣлградъ, то турецкій султанъ, узнавъ о семъ и собравши больше ста тысячъ войска, напалъ на короля и разбилъ его; при этомъ одинъ изъ войска волошкаго воинъ выскочилъ и оборонилъ короля, не допустивъ его убить, и—хотя и раненаго—довезъ его до королевскаго обозу. За это король Владиславъ Ягеловичъ, въ знакъ благодарности, одарилъ того воина золотымъ *берломъ* *) и оттоль сему воину дано прозваніе Берла и, кромѣ того, онъ былъ припущенъ къ индигнату шляхетства и рыцарства, а конститудіями за нимъ были утверждены всѣ вольности шляхетства и рыцарства польскаго. И тотъ воинъ сей свой гербъ до Литвы принесъ и тамъ домъ ихъ, Берловъ, „состоялъ“, съ которыхъ Берловъ—Федоръ Берло былъ канцлеромъ литовскимъ, Казиміръ Берло—каштеляномъ виленскимъ, Николай Берло—подкоморымъ смоленскимъ, Анастасій Берло—подсудкомъ кіевскимъ. По выходѣ же въ Россію, Иванъ Берло былъ полковникомъ стародубскимъ, Ивановъ сынъ (Василій) Берло сотникомъ воронковскимъ и судьею переяславскимъ, Ивановъ сынъ Андрей—бунчуковымъ товарищемъ, Андреевъ сынъ, просителей (т. е. Ивана и Пантелеймона) отецъ, Иванъ—войска товарищемъ и судьею полковымъ переяславскимъ“.

Располагая частью фамильныхъ документовъ Берловъ, мы можемъ сказать, что о *мифическихъ* Берлахъ, перечисленныхъ выше, разумѣется никакого упоминанія въ этихъ документахъ, нѣтъ, а свѣдѣнія объ *историческихъ* Берлахъ, „вышедшихъ въ Россію“—невѣрны. Въ в. XVIII в. Берлы многое уже забыли изъ жизни своихъ „дѣдовъ“, а о многомъ не хотѣли вспоминать. Изъ приведеннаго выше „доказательства“ одно несомнѣнно, что Берлы происходятъ изъ *волоховъ*, т. е. изъ Молдавіи; это происхожденіе видно изъ усвоеннаго ими герба *золоты чер-*

*) Berlo (in Stock, eine Stange, das Scepter. (*Linde*).

наго зубра (głowy czarnej zubrzej), указывающей на województwo Wołoskie, т. е. Молдо-Валахию ¹⁾. Во второй половинѣ XVII в. въ Малороссію приходило много „волоховъ“ искать службы и счастья; цѣлыя отряды ихъ бродили по гетманщинѣ, предлагая свои военныя услуги тѣмъ или другимъ искателямъ власти. Иногда эти волохи осѣдали цѣлыми селами, какъ это указываютъ: *Волошиновка*, въ Переяславскомъ и *Волосковцы*—въ Сосницкомъ уѣздахъ. Въ Переяславскомъ уѣздѣ и теперь остались прозванія, которыя на первый разъ звучатъ, какъ нѣмецкія, а въ дѣйствительности оказываются молдавскими. Услыхавъ когда то фамилію покойнаго кievскаго профессора В. А. *Беца*, мы не сомнѣвались въ его нѣмецкомъ происхожденіи; а затѣмъ, познакомившись съ нимъ, мы узнали, что предки Беца были *волохи*, осѣвшіе въ Переяславщинѣ, причемъ покойный профессоръ объяснилъ намъ, что молдавское слово *бець* означаетъ *плеть*, *бичъ*. Такими же волохами были конечно и Берлы, помнившіе о своемъ волошскомъ происхожденіи и потому присвоившіе себѣ гербъ Молдо-Валахиі. Нѣкоторые изъ этихъ волоховъ попадали и въ старшину, предварительно связавъ себя бракомъ съ мѣстными людьми. Такимъ образомъ въ началѣ XVIII в. братья Русты, Петръ и Яковъ, судя по прозвищу—волохи, попали въ замѣтную старшину: Петръ былъ протопопомъ воронковскимъ, а Яковъ—сотникомъ терехтемировскимъ. Выйдя въ люди, Русты стали называться Рустановичами ²⁾.

Первымъ извѣстнымъ изъ Берловъ становится Иванъ Берло, бывшій сначала воронковскимъ сотникомъ (1696—1706), а потомъ переяславскимъ полковымъ судьей (1707—1711). Онъ оставилъ, кромѣ разныхъ земельныхъ документовъ, еще и очень пространное, *собственноручно* написанное (въ 1717 г.) духовное завѣщаніе, изъ котораго и можно видѣть—кто такіе были родоначальники Берловъ, причемъ, между прочимъ, объясняется

¹⁾ Herby Rus. Polskiego. В. Рагоскіе. Изд. Туровскаго, стр. 922.

²⁾ Рустановичи были пасикунами воронковскаго сотника Ивана Берла, который ихъ называетъ въ своемъ завѣщаніи то Рустановичами, то Рустами („пасикуны мои от. Петръ Руста и Яковъ Руста...“)

и происхожденіе переяславскаго епископа Арсенія Берла, о чемъ печатаемыя свѣдѣнія до сихъ поръ остаются невѣрными. Въ началѣ второй половины XVII в. въ Малороссію пришли два брата *волоха*, оба Иваны, прозывавшіеся Берлами. Не знаемъ какимъ образомъ одинъ изъ нихъ, старшій Иванъ, сталъ около 1670 г. мглинскимъ сотникомъ. По всей вѣроятности, тутъ имѣла мѣсто женитьба на дочери какого-нибудь вліятельнаго лица Стародубщины, такъ какъ есть свѣдѣнія, что родичи жены Ивана I-го Берла жили въ Стародубѣ. Младшій Иванъ Берло жилъ въ это время въ Воронковѣ. Старшій братъ рано умеръ, оставивъ малолѣтнюю дочь Анну. Передъ своею смертію, онъ вызвалъ изъ Воронкова во Мглинъ брата, который его и похоронилъ (въ мглинской церкви Воскресенія Христова). Распродавъ оставшееся послѣ брата имущество, кромѣ „скрини зъ фантами“ и платьемъ, которую Иванъ поручилъ на сохраненіе теткѣ малолѣтней дочери умершаго, онъ послѣднюю забралъ съ собою въ Переяславщину.—

Младшій Берло, въ это время еще неженатый, повидимому, женился въ эту поѣздку въ Стародубѣ на дочери извѣстнаго Якима Сомка, казненнаго осенью 1663 г., послѣ его неудачнаго соперничества съ Брюховецкимъ. Кромѣ вдовы Ирины, Сомко оставилъ одну дочь Прасковью. Съ этою дочерью Ирина Сомчиха, *) послѣ смерти мужа, проживала въ Стародубѣ, будучи, вѣроятно, оттуда родомъ. Здѣсь, кажется, познакомился съ нею Берло младшій, послѣ смерти своего брата, причемъ это знакомство могло возникнуть и изъ того обстоятельства, что и Сомко, и Берло—были земляками по м. Воронкову. Сохранился очень интересный универсалъ Б. Хмельницкаго, по которому Сомко получилъ около м. Воронкова и сосѣднаго съ нимъ с. Рогозова—земли, принадлежавшія прежде польскимъ „панамъ“. Мы до сихъ поръ почти не имѣемъ свѣдѣній о томъ—какъ рас-

*) Ирина Сомкова родомъ была *Короменка*, такъ какъ Иванъ Берло въ своемъ завѣщаніи упоминаетъ о „сестрѣ рожиной панен Сомковой именемъ Галия *Короменка* Дашилова“. Въ Галку, Галочку, Галю въ Малороссіи переназываютъ имя Анны.

порядилось „Войско“ съ тѣми землями лѣвобережной Мало-россиі, которыя оставались послѣ убитыхъ и бѣжавшихъ отсюда за Днѣпръ землевладѣльцевъ-поляковъ. Несомнѣнно, что большую часть оставшихся безхозяйными земель тутъ-же захватывалъ народъ, какъ мѣстный, такъ и нахлынувшій сюда изъ за Днѣпра. Но были случаи, когда эти зѣмли раздавались по распоряженію Хмельницкаго. Такъ мы знаемъ, что оставшіяся послѣ лубенскихъ бернардиновъ земли гетманъ отдалъ лубенскому Мгарскому монастырю. Монастырю земли даны были, конечно, безмездно; но встрѣчается случай, когда оставшіяся послѣ „пановъ“ земли „Войско“ *продавало*, и продавало козакамъ. Такой случай встрѣчаемъ именно относительно Сомка, какъ это видно изъ слѣдующаго универсала Б. Хмельницкаго, — „ознаймуемъ симъ напишлѣ писаніемъ, кому бы о томъ вѣдать належало, *изъ отдалъ до скарбу нашего войскового Якимъ Сомковичъ*, товарищъ нашъ, *сумму певную за ось грунта панскихъ*, такъ воронковскіе, яко и рогозовскіе, за которыми нивами сумму отобравши, онии въ посессію и вѣчное заживане помененному Якимовѣ подаемъ, хотячи мѣти, абы заравъ обнявши, яко своими власными диспонавалъ и къ своему найлѣпшому пожитковѣ оборочалъ“ *).

Случай продажи оставшейся послѣ „пановъ“ земли именно Сомку тѣмъ интереснѣе, что это былъ шуринъ Б. Хмельницкаго, который (кажется) первымъ бракомъ былъ женатъ на сестрѣ Сомка. Какъ бы то ни было, Сомко оселился въ Воронковѣ и жилъ тутъ, пока не погибъ въ 1663 г. Послѣ смерти Сомка, вдова его почему то покинула земельное свое имущество въ Переяславщинѣ и удалилась въ Стародубщину. Очень вѣроятно, что она боялась Брюховецкаго, такъ какъ по смерти послѣдняго Сомчиха выпрашиваетъ, въ 1671 г., у его преемника Многогрѣшнаго подтвердительный универсалъ на земли мужа. Но кажется, что вдова не смогла возстановить свое,прежнее владѣніе или не заботилась объ этомъ, продолжая жить въ Стародубщинѣ. Здѣсь пови-

*) Универсалъ написанъ 26 іюня 1655 г., „подъ Вадомъ“ (Баромъ?). Съ *кони*.

димому встрѣтился съ нею младшій Берло, сталъ ея вѣтемъ и заснѣмъ получилъ отъ тещи право на принадлежавшія Сомку земли, которыя затѣмъ поотбиралъ отъ лицъ, ими завладѣвшихъ¹⁾. Сомковскихъ земель, повидимому, было не мало, такъ какъ получивъ ихъ въ свое распоряженіе, младшій Берло сталъ замѣтнымъ въ своей сотнѣ человѣкомъ. Съ Сомковной Берло прожилъ недолго: она вскорѣ умерла, оставивъ ему сына Василю и дочь Ирину. Умирая, Сомковна отцовскія свои земли завѣщала сыну Василю.—Берло скоро затѣмъ женился второй разъ, на вдовѣ Татьянѣ „Щуровщанкѣ“, у которой, отъ перваго брака съ какимъ то Рустою, было уже два сына—Петръ и Яковъ. Называя свою вторую жену на польскій манеръ *Щуровщанкою*, Берло говоритъ конечно о Щуровской; вѣроятно, это была дочь переяславскаго полковника Афанасія Щуровскаго, казненаго въ 1663 г., вмѣстѣ съ Сомкомъ, по интригѣ Брюховецкаго. Но и вторая жена Берла скоро умерла, оставивъ ему, какъ и первая, сына и дочь, Арсенія и Софью. На третьей женѣ Берло женился около 1692 г.; звали ее Анною Мазапетовною. Это была дочь, повидимому, майора черниговскаго великорусскаго гарнизона Константина Мазапеты, который былъ женатъ на Маринѣ Грязной, дочери ополячившагося русскаго шляхтича Бориса Грязнаго, имѣвшаго богатые имѣнія въ Черниговѣ и потерявшаго ихъ во время Хмельницыны²⁾. Съ Мазапетовной Берло прожилъ до своей смерти и оставилъ ее вдовою. Съ этою женою Берло устроилъ свое благосостояніе, нажилъ земли и получилъ войсковые уряды, сначала воронковскаго сотника (1696—1705), а потомъ переяславскаго полковаго судьи (1706—1711).

Выше уже сказано, что первая жена Берла Прасковья Сомковна всѣ отцовскія земли завѣщала сыну своему Василю, а оставшаяся послѣ ея движимость отдана была самимъ Берломъ рожденной отъ брака съ нею дочери Иринѣ. Татьяна Щуровская, повидимому, земельнаго имущества съ собою не принесла,

*) См. въ приложеніи духовное завѣщаніе Ивана Берла, которое печатается здѣсь полностью въ виду особаго интереса этого документа.

*) Опис. Стар. Малор., II, 513.

а ея движимость отдана была рожденной отъ брака съ нею дочери Софїѣ. Поэтому, когда Берло женился на Мазепетовнѣ, то, по словамъ его, она не застала въ мужниномъ домѣ „жадной готовизны нѣ зъ сръбра, нѣ зъ цѣни (цинковая посуда), а нѣ зъ фантъ покойныхъ первыхъ двухъ женъ, бо любо,—говорить Берло въ своемъ завѣщанїи,—що зъ сплендоровъ (одежды и другихъ принадлежностей женскаго костюма) покойной жены моей Сомковны было позостало, тое дочери моей Ирїнѣ, зъ Сомковною спложенной, досталосѣ; также по небожцѣ Татїянѣ Щуровщанцѣ що было позостало зъ вношеннѣ (вношене=приданое) небожчиного, тое Софїѣ дочери моей, зъ нею спложенной, оддано усе“...

Нажитыя во время своего старшинства земли Берло, какъ водилось, закрѣпилъ актами властей. Первый утвердительный актъ на маетность Берло получилъ отъ своего полковника Томары, осенью 1711 г., наканунѣ своей отставки. По этому „универсальному писанїю“ за Берломъ утверждались нажитые имъ „грунта въ сотнѣ Воронковской, хутора и хаты“, а именно: шинковыхъ домовъ два, хата, прозываемая Ребриковскою, хата Ковтуновская, хата Зелененького, хата Оверковская, хата Бутенковская, хуторовъ два, подъ мѣстомъ (т. е. около Воронкова), прозываемые: Перехристовскїй и Горкушевскїй; млинъ тамъ-же подъ мѣстомъ, вешнякъ, (у котораго млина ставку неводомъ рыбы ловить невольно, а волокомъ вольно ¹). Хуторъ въ с. Rogozovъ, хуторъ въ селѣ Жеребятинѣ, тамъ же „островецъ“, лозы, гай на Каранѣ, другой гай за селомъ Софїевкою, третїй—Лисенковскїй. Тутъ же и люди, живущіе въ своихъ хатахъ, но „во двору“ его п. Берла „наслуговуючіе“, которые по именамъ слѣдующіе: Климъ Шолопокъ, жеребятинскїй... (и т. д.—еще десять душъ). Утверждая это имѣніе за Берломъ, полковникъ говоритъ: „уважаючи на прислуги его, п. судѣ нашего на тотъ часъ полкового, приватно и публѣчно въ Войску чрезъ *килка десять мѣтз* значне роненнїи, всѣ тїи вишѣ писаннїи

¹) Кому же? Вѣроятно, ставокъ былъ чужой, и волокомъ рыбу ловить позволялось Берлу.

грунта, фугорѣ и хати, также и село Рогозовъ (которое онъ, по заслузѣ своей, отъ сорока уже лѣтъ, зъ ласки войсковой, отъ своемъ владѣніи мѣтъ) ¹⁾ подтверждаемъ и повагою сего нашего универсалу пилно варуемъ“... Объявляя объ этомъ подтвержденіи, полковникъ добавляетъ: „люде зась въ своихъ хатахъ жиучи, а до двору его, пана судѣ, наслуговуючи здавна, тутъ-же описанныи, якъ предъ симъ до двору его належали сами, такъ и потомкове онихъ албо хто въ тихъ хатахъ по ихъ жити будетъ, ему жъ п. Берлу, жонѣ и наслѣдникомъ его *подсутствовати* ²⁾ и наслуговати мѣють, а п. сотникъ, атаманъ и войтъ жебы до ихъ не интересовалися и нѣ въ чемъ не чепали“... Упоминаемыя въ этомъ „универсалѣ“ ³⁾ хаты, разумѣется, были пустыя и наготовлены были для бродившихъ „лѣзныхъ“ ⁴⁾ семей, которыя въ нихъ осѣдали, какъ рой пчель въ ульяхъ, и, сѣвъ, становились *подсосѣдками*. Такими подсосѣдками были и тѣ одиннадцать лицъ, которыхъ актъ полковника называетъ поименно и которымъ полковникъ приказываетъ *наслуговати* Берлу, разумѣется до тѣхъ лишь поръ, пока они будутъ жить въ его хатахъ, при чемъ и упоминаніе о потомкахъ этихъ подсосѣдковъ тоже другого значенія не имѣетъ.—Вслѣдъ за полученіемъ этого акта Берло вышелъ въ отставку, вѣроятно, по старости.

Вмѣстѣ съ отставкою Берло получилъ отъ того же полковника своего Томары другой „универсалъ“, на с. Панфілы,

¹⁾ По генер. свѣдствію Переясл. полка (*Сборникъ Харьк. Истор.-Филол. Общ.*, VIII, 255), с. Рогозовъ сначала „надлежало до сотнѣ Воронковской, а послѣ больше сорока уже тому лѣтъ, замѣдѣлъ Иванъ Берло, будучи сотникомъ воронковскимъ“... Это значитъ, что Берло захватилъ Рогозовъ въ свое владѣніе, пользуясь благоприятными обстоятельствами, т. е. добрыми отношеніями съ полковниками...

²⁾ Повидному, въ этомъ словѣ пропущенъ, по ошибкѣ, слогъ *съ*, т. е. имѣлось въ виду написать малоупотребительное *подсутствовати*. Слѣдовательно, полковникъ приказывалъ живущимъ въ хатахъ Берла людямъ—*наслуговати* ему, какъ вообще „наслуговали“ *подсосѣдки*.

³⁾ Подобные свои акты полковники обыкновенно называли „*листами*“ и отъ рѣдко—*универсалами*.

⁴⁾ *Лѣзными* (отъ польск. *lęzny, lęzny*) назывались правдошатавшіеся крестьяне, свободные отъ какого бы то ни было „подданства“; иногда эти люди въ польскихъ законоположеніяхъ называются *зуляями*. См. у *Линде*.

которое находилось у Берла, повидимому, въ урядовомъ владѣніи по рангу судейства:—„Памятаючи мы, едно, на стародавнїя службы въ Войску безпрестанно роненнїя п. Ивана Берла, знатного товарища войскового, въ каждомъ неодступне походѣ праці, другое—во всякихъ полѣщеннихъ ему одъ насъ интересахъ, совершенно истинную управность, хочай и уряду судейства полковбго переяславского на собѣ не маеть, однакъ самое достоинство велить ему всякій показати ку его жъ пожиткови респектъ, прето не иншое наше ему якое оказуючи респектованне въ совершенствѣ, тилко село Панфили, въ сотнѣ Яготинской лежащее, якое и за уряду судейства мѣль во владѣніи, теперъ ему жъ пану Ивану Берлу подаючи въ область, симъ нашимъ ствержаемъ универсаломъ... (Выданъ 24 іюня 1712 г.)

Этотъ полковничій универсалъ тогда же былъ утверждень и универсаломъ Скоропадскаго. Томара, повидимому, очень благоволилъ къ Берлу, такъ какъ въ іюнѣ 1715 г. выдалъ ему и другой актъ, которымъ увольнялъ крестьянъ Берла, посаженныхъ имъ на *скупль*, отъ общественныхъ повинностей: „Ознаймемъ симъ нашимъ писаніемъ, ижъ просилъ насъ п. Иванъ Берло, знатный товарищъ войсковый, абысмо людей его, въ Панфилахъ на *грунтахъ его купленнихъ мешкающихъ*, отъ тягостей посполитыхъ, подачокъ и станцій (постоевъ) уволили; прето мы, не отмовивши его п. Берла прошенію, респектомъ знатнихъ услугъ его жъ въ полку нашемъ и во всемъ Войску Запорозкомъ ровнячихся зъ давнихъ лѣтъ, помянутыхъ оногo людей на *власныхъ грунтахъ*, въ селѣ пререченномъ *живучихъ*, увольняемъ, зачимъ, абы п. сотникъ яготинскій зъ урядомъ, а особливе атаманъ и войтъ панфилскіе, пререченнихъ пана Берловихъ людей до жаднихъ повинностей посполитыхъ, поборовъ, работизнъ и подводъ не важилися потягати и станцій на ихъ насилати и иншихъ трудностей чинити не дерзали“.. Хотя это распоряженіе полковника относилось, какъ мы понимаемъ, только къ тѣмъ крестьянамъ, которые жили на *скупль* ¹⁾, и

¹⁾ *Скупля* противопоставалась крестьянамъ, жившимъ на собств. „грунтахъ“.

слѣдовательно относилось далеко не ко всѣмъ панфилскимъ крестьянамъ, но тѣмъ не менѣе и такія распоряженія полковники дѣлали рѣдко, и настоящій случай указываетъ, что Томара очень милостиво относился къ Берлу, дѣлая для него болѣе или менѣе исключительное распоряженіе.

Познакомившись съ имущественнымъ положеніемъ Берла скажемъ о его семьѣ.

Старшій сынъ Берла Василій учился, въ „кіевскихъ школахъ“, и отецъ его въ своемъ завѣщаніи говоритъ, что это ученіе сына „не безъ кошту“ обошлось ему, такъ какъ нужно было „госпѣды“ (квартиры) нанимать и „инспекторамъ за науки платить готовизною“, т. е. деньгами, а не продуктами какими. Какъ видно, то обстоятельство, что Василій получилъ по завѣщанію дѣдовскія земли, не освобождало отца отъ тратъ на его воспитаніе. Женился Василій Берло на Настасѣ Ивановѣ Сулимовѣ, отецъ которой, женатый на дочери бывшаго переяславскаго полковника Леонтія Полуботка, сначала былъ воронковскимъ сотникомъ, а потомъ генеральнымъ хоружимъ. Такимъ образомъ старшему сыну Берла высватана была жена изъ знатнаго рода, который связывалъ его съ властными людьми въ гетманщинѣ: жена В. Берла была напр., родною племянницею извѣстнаго черниговскаго полковника Павла Полуботко. Женившись, Василій отдѣлился отъ отца, причемъ послѣдній нашель нужнымъ тогда же дать сыну часть своей земельной „худобы“. Далъ онъ ему изъ недвижимаго имѣнія два двора, одинъ—въ Воронковѣ, въ которомъ тотъ родился, „на плечу половиною Сомковскомъ“ (т. е. дворъ, половина площади котораго принадлежала Сомку), а другой дворъ, въ которомъ самъ Берло когда то жилъ и въ которомъ указаны слѣдующія постройки: „свѣтлица съ комнатою“, „пекарня“ съ сѣнными, коморъ двѣ, „подъ единъ побой, на помостахъ“ ¹⁾, кухня, погребъ «походящій» (походной), „шопа“ (сарай) надъ погребомъ. Данъ былъ Василю еще и „млинь на греблѣ руччинской, объ одномъ ка-

¹⁾ Подъ единъ побой—въ одну связь, а на „помостахъ“ значитъ—съ дощатыми, а не съ землянымъ поломъ.

менѣ мучаномъ“¹. Кромѣ того, отецъ „осадилъ“ для Василя около Воронкова „слободку, человекѣвъ десятковъ килко поданныхъ, на землѣ покойной паней Сомковоѣ, “при чемъ,—добавляетъ Берло,—„сотникуючи тамъ (въ Воронковѣ) килко десять лѣтъ, чинилъ тимъ людямъ (жителямъ слободки) дефолгацію и полегкость и оборонялемъ отъ всякихъ тяжаровъ мѣскихъ“². Изъ движимости Василю при женитьбѣ получилъ: „коней двое верховыхъ съ седзеномъ (сѣдломъ) и уздечкою гончою“ (верховою), шесть лошадей рабочихъ („клячъ“), плугъ воловъ (т. е. три пары), коровъ пять, овецъ тридцать и пчель двадцать ульевъ. Денегъ на Василюву свадьбу издержано, по словамъ отца, 700 золотыхъ, изъ которыхъ 300 нужно де было занять... Женитьба Василя Берла на Сулимовнѣ можетъ быть дала ему и возможность занять урядъ воронковскаго сотника, который передъ тѣмъ занимали сначала тестъ его, а потомъ отецъ.—Послѣ Василя остался одинъ сынъ Иванъ, служившій бунчук. товарищемъ; у него были только дочери ¹).

Дочь Ивана Берла отъ Сомковны, Ирина, вышла замужъ за какого то „пана“ Петровскаго „изъ Переяслава.“ Вѣроятно, это былъ Лука Петровскій, писарь Переяславскаго полка (1696—1706), взятый шведами вмѣстѣ съ переясл. полковникомъ Мировичемъ въ плѣнъ, въ 1706 г., по освобожденіи отъ котораго въ 1712 г., получилъ полковое сотничество ²).

Отъ второй жены, вдовы Рустановича, Берло имѣлъ сына Арсенія и дочь Софью. Арсеній Берло, какъ будущій переяславскій епископъ, обращаетъ на себя особое вниманіе, тѣмъ

¹) Изъ нихъ Татьяна была замужемъ за войск. товар. Дмитріемъ Волевымъ (1776 г.), Наталья—за кievск. бурмистромъ Семеномъ Козелъскимъ и Аграфеною—за какимъ то Василюмъ Варфоломеевымъ.

²) Лука Петровскій владѣлъ селомъ Скопцами, даннымъ ему Мазепомъ въ 1696 г. Послѣ Петровскаго остались двѣ дочери: Евдокія, бывшая замужемъ за бунч. тов. Степаномъ Максимовичемъ, и Анна, мужемъ которой былъ Бахчевскій вкрессть изъ евреевъ, служившій у переясл. епископа Шумлянскаго и получившій за эту службу санъ священника. Его сынъ Иванъ Бахчевскій былъ извѣстнымъ дѣльцемъ въ Переяславщинѣ въ к. XVIII в. См. Сулим. Арх., 113.

болѣе, что печатныя свѣдѣнія о его происхожденіи почти всѣ невѣрны ¹⁾).

Арсеній, какъ и старшій его братъ, учился сначала въ тѣхъ же „киевскихъ школахъ“, причемъ и для него нанимались „инспекторы“, которымъ платилось „готовизною“. Но Арсеній, какъ видно, и самъ къ наукамъ настолько прилежно относился, что не удовлетворился киевскими школами, и послѣ нихъ отправился для дальнѣйшаго образованія во Львовъ, какъ это нерѣдко дѣлали ученики Киевской академіи въ к. XVII и нач. XVIII в. в.—Выправляя Арсенія во Львовъ, отецъ снабдилъ его „сукнями“ (верхнею одеждою), далъ ему „коня съ возомъ“ и денегъ талеровъ двадцать. Во Львовѣ Арсеній пробылъ нѣсколько лѣтъ и вернувшись оттуда, сталъ просить отца—позволить ему принять монашество („принять габѣтъ“) въ Печерской лаврѣ. Отецъ не перечилъ сыну, но такъ какъ „въ часъ постригу“ Арсенія отецъ его куда то отлучался изъ дому (вѣроятно, въ какой нибудь походъ), то Арсенія снаряжала въ монашество его мачиха Мазапетовна. Для этого сдѣлана была ему одежда: пара „суконь“ (верхняя одежда), сутана штатетовая (*штатетъ*—особаго рода сукно) и „реверенда“ (ряса) тонкаго французскаго сукна, подшитая волчьими „шлямами“ (подбрюшина). Кромѣ того, Арсенію дана была пара буланыхъ коней-вововиковъ, съ „колясою“. Принявъ монашество, Арсеній уже въ 1717 году былъ архидіакономъ митрополіи Киевской. Въ 1722 году онъ ѣздилъ въ Москву съ ризницею и свитою, въ посвященію Вар-

¹⁾ Напр., въ *Историческомъ Очеркѣ Полтавско-Переяславской епархіи*, игум. Подіевита, (Полтава, 1868 г., отд. оттискъ изъ Полтавск. епарх. вѣд. 1867 г. №№ 18—24), Арсеній называется сыномъ переяславскаго протоіерея на основаніи записи въ синодикѣ панфильской церкви, гдѣ говорится: „Родъ отца Берло протопопы переяславскаго. Помани, Господи, рабовъ своихъ: Іоанна, Татіану, Анну, Марину, Марію, іеромонаха Арсенія“. Въ этихъ именахъ слѣдуетъ видѣть отца и мать Арсенія и его сестеръ (Анну двоюродную и Марину родную). Названный въ этой записи—протопопъ переяславскій былъ конечно Андрей Берло, который могъ сдѣлать и самую записъ. Невѣрна свѣдѣнія игумена Подіевита повторены г. П. Левцикимъ въ его *исторіи Переяславской семинаріи*. Киевск. Стар. 1889 года, февр., 428.

лаама Ванатовича на кievскую архіепископію. Въ это время Арсеній посвященъ былъ во іеромонаха и вслѣдъ затѣмъ—въ санъ архимандрита съ назначеніемъ настоятелемъ Кіево-Межигорскаго монастыря. Можетъ быть, въ это время Арсеній обратилъ на себя особое вниманіе Феофана Прокоповича, которое было причиною, что въ 1729 г. Арсеній былъ избранъ епископомъ Могилевско-Бѣлорусской епархіи и утвержденъ въ этомъ санѣ синодомъ и императоромъ ¹⁾. Но польскій король не согласился на епископство Арсенія, указывая, что онъ избранъ не изъ знатнаго дворянства. Тѣмъ не менѣе Арсеній прожилъ въ Могилевѣ около трехъ лѣтъ, именуясь администраторомъ Могилевской епархіи ²⁾. Потерявъ надежду получить утвержденіе въ санѣ моголевскаго епископа, Арсеній отправился въ Петербургъ и здѣсь при дѣятельной помощи Феофана Прокоповича, въ 1733 г. былъ назначенъ епископомъ переяславскимъ. Переяславскіе епископы этого времени считались коадьюторами кievскихъ митрополитовъ, въ область управленія которыхъ входила вся Полтавщина. Вѣроятно, пользуясь тѣмъ, что въ этотъ моментъ митрополитовъ въ Кіевѣ не было, а были лишь кievскіе архіепископы, Арсеній обратился въ синодъ съ представленіемъ объ освобожденіи Переяславской кафедры отъ кievской зависимости и дать ей такія же права, какія имѣла кафедра Черниговская. Представленіе Арсенія было уважено (видимо, при помощи Феофана Прокоповича), и съ августа 1733 г. Арсеній получилъ право самостоятельнаго епископства съ наименованіемъ переяславскимъ и бориспольскимъ. Впрочемъ предѣлы Переяславской епархіи ограничилились однимъ *Переяславскимъ полкомъ* (теперешніе уѣзды Переяславскій и Золотоношскій); остальная Полтавщина продолжала находиться въ вѣдѣніи Кіева. Въ 1735 г. Арсеній былъ переведенъ въ Бѣлгородскую епархію, но его болѣзнь (вывихъ ноги) помѣшала этому перемѣщенію, и онъ остался въ Переяславѣ. Изъ общественной дѣятельности Арсенія Берла

¹⁾ См Труды Кіевск. Дух. Акад. 1865 г., т. 8, стр. 604—607.

²⁾ *Сендінія о Полт. Переясл. епархій и ея архимандритствѣ*, вгум. Поліевета, стр. 38—39.

А. ЛАЗАРЬСКІЙ.

въ его епископствѣ главною является учрежденіе въ Переяславѣ училища, по кругу преподаванія, равнявшагося теперешней семинаріи. Въ 1737 г. сдѣлано было общее распоряженіе объ „учрежденіи во всѣхъ епархіяхъ и въ пристойныхъ мѣстахъ, училищъ, по духовному регламенту, для обученія въ нихъ учениковъ священнаго чина и церковнаго причта дѣтей, на славяно-латинскомъ языкѣ грамотѣ, а потомъ граматикѣ, риторикѣ и другимъ высшимъ наукамъ“, при чемъ вмѣстѣ съ тѣмъ запрещалось опредѣлять въ церковные чины „неученыхъ людей“. Около этого же времени было ограничено поступленіе козачьей старшины въ духовные чины тѣмъ, что „въ дьяконы и попы велѣно было принимать не иначе какъ по аттестатамъ мѣстной власти и по позволенію войсковой канцеляріи, понеже многое число духовныхъ не умѣста суть и дабы козакамъ въ войсковой службѣ уменьшенія не было“. (И. Соб. Зак., № 6614, п. п. 12—13). Въ виду этихъ указовъ высшаго правительства, Арсеній, съ своей стороны, сдѣлалъ слѣдующія распоряженія. Сначала нужно было устроить въ Переяславѣ домъ для школы; для этого дома намѣстникъ Кіево-печерской лавры пожертвовалъ находившіяся вблизи Переяслава четыре хаты. Заботясь о перевозкѣ ихъ въ Переяславъ, Арсеній писалъ въ іюнѣ 1738 г. золотоношскому протопопу слѣдующее: „намѣрены мы сего лѣта, при домѣ нашемъ, устроить училище, на которое по требованію нашему о. Иларіонъ Негребецкій, Кіево-печерскія лавры архимандритъ съ братією, со-благоволить подарити четыре хаты, за рѣчкою (Трубужемъ) стоячія, якія хаты въ катедрѣ нашей въ скорости были бѣ перевезены, со всея епархіи нашей опредѣлили мы выстачить подводъ 50. По учиненному отъ насъ распоряженію, съ протопопіи своей Золотоношской изволь, всячестность твоя, подводъ *поодноконь*, числомъ пятнадцать, прислать въ катедру для перевозу оныхъ хатъ на число сего іюля 10 непременно, собравъ ти подводы безобидно: у одного священника возъ, въ другого—лошадь, а отъ третего—кто къ подводѣ человекъ сопредѣлитъ. Въ тѣхъ же училищахъ, якъ дастъ Богъ устроить, священническія и церковно-причетническія дѣти святаго ученія имѣють

обучатися, что будетъ къ большей славъ и прославленію имени Божія, къ пользѣ же отечества...“ Въ другомъ указѣ (11 сентября) тому же золотоношскому протопопу Арсеніи пишетъ: „въ новосооруженныхъ при домѣ нашемъ архіерейскомъ училищахъ имѣютъ быть сего года зачаты ученія—фары и инфимы, грамматики, синтаксисы, поэтики, риторики, для якихъ учений уже и учителя учреждены... А дасть Богъ слѣдующаго октября на второе число, непременно представлять всей епархіи нашей Переяславской имѣючіе сыновъ своихъ, долженствуютъ подѣ опасеніемъ штрафа и наказанія. И тѣи ученики, священническіе дѣти, которыя слушали синтаксиму, то здѣсь (будутъ слушать?) поэтики, которыя поэтики то здѣсь—риторики и которыя риторики ихъ слушали бѣ непременно (?)... „Отсюда слѣдуетъ догадываться, что въ открытое осенью 1738 г. Переяславское училище были переведены изъ Кіева уже учившіеся тамъ сыновья священниковъ Переяславской епархіи, при чемъ имъ даны были нѣкоторыя льготы. О дѣйствительномъ открытіи осенью 1738 г. Переяславскаго училища говоритъ указъ Арсенія, писанный 6 ноября 1738 г., въ которомъ читаемъ: „за помощію Божіею, при катедрѣ нашей Переяславской (мы) устроили училища и уже въ нихъ собравшіеся ученики славяно-латинскаго ученія обучаются, которымъ искусныхъ учителей учредили и содержимъ въ катедрѣ нашей; особенное же имъ въ дому нашего архіерейскаго опредѣлили пропитаніе“. Указываемое здѣсь „пропитаніе“ отпускалось изъ „катедры“, повидимому, учителямъ, а ученики кормились въ *бурсѣ*, при чемъ пища для нихъ поставлялась со всей епархіи, какъ видно изъ слѣдующаго мѣста того же указа: „а для учениковъ со всей епархіи отъ церковныхъ пожитковъ и священническихъ доходовъ, по учиненному расположенію, токмо одна пашня (рожь) да мука пшеничная да гречаная отчасти собрана, и то еще не совсѣмъ, пошеже круповъ, сыра, масла и прочихъ къ пропитанію потребностей не имѣется; а во ономъ расположеніи опредѣлено—безъ чего всячески обойтись невозможно, того для по сему вновь учиненному расположенію, всесечность ваша, опредѣленное выстачить для пропитанія обу-

чающихся учениковъ долженствуетъ "... 1) „Искусныхъ учителей“, о которыхъ говорится въ этихъ указахъ, Арсеній приглашалъ изъ Кіева; еще и въ 1743 г. онъ просилъ тогдашняго печерскаго архимандрита Тимофея Щербацкаго прислать ему, въ Переяславъ, двухъ ученыхъ монаховъ изъ лавры, для преподаванія риторики и піитики 2). Заботы Арсенія объ устройствѣ Переяславскаго училища дали основаніе тогдашнему учительскому его персоналу называть это училище *Берліанскою коллеіей* 3). Позже изъ этой *коллеіи* образовалась Переяславская семинарія.

Заботясь объ устройствѣ переяславскаго училища, Арсеній однакожь личныя матеріальныя средства отдавалъ преимущественно на украшеніе Кіевской лавры; такъ, онъ дарилъ туда нѣкоторыя церковныя вещи, а въ 1741 г. пожертвовалъ *тысячу червонцевъ* на позолоту главы въ новой лаврской колокольнѣ. Эта огромная для тогдашняго времени сумма указываетъ, что архіерейскіе доходы и въ незначительной малорусской епархіи въ XVIII в. были не малые и что о благолѣпіи лавры, гдѣ Арсеній „принялъ габѣтъ“, онъ заботился болѣе, чѣмъ о нуждахъ своей епархіи.

Умеръ Арсеній Берло 7 іюня 1744 г.

Родная сестра Арсенія, дочь Щуровской, Софья выдана была замужъ за Евстратія Гулака. Гулаки были старые переяславцы, происходившіе отъ переяславскаго обознаго Ивана Гулака (1688 г.); у этого обознаго былъ сынъ Иванъ же, который въ 1699 г. былъ переяславскимъ полковымъ сотникомъ; сыномъ этого Ивана

1) Всѣ три указа напечатаны г. Павловскимъ въ Полтавск. Епарх. Вѣдом. 1878 г., № 2. См. также Полт. Еп. Вѣд. 1882 г., № 19, стр. 935—938.

2) *Очеркъ игум. Полѣвста*, стр. 12.

3) Недавно мы встрѣили одинъ изъ учебниковъ этой *коллеіи* 1743 г., озаглавленный такъ: „Volumen continens in se varias occupationes nec non scholastica exercitia recte dicendi lingua latina ad praesentia alvariana traditum in gratiam ac usum hocolanae juventuti studiosae in *collegio Berliano-Pereiaslaviae* professore infimae ac mediae classis Jac bo Javorski. Anno salutis humanae 1743, in annum 1744“. Здѣсь же кстати замѣтимъ, что списокъ учениковъ *Берліанской Коллеіи* за 1744 г. напечатанъ въ Кіевск. Стар. 1838 г., ноябрь, 23—26; в. немъ начнется „учениковъ“—130, въ шести классахъ, начиная отъ „фарм“ до „риторик.“

Ивановича Гулака былъ зять Берла Евстратій Гулакъ, занимавшій въ 1734 г. урядъ своего отца. О данномъ дочери Софьѣ *смытъ*, при выдачѣ ея замужъ, Иванъ Берло въ завѣщаніи говорить: „выдавши оную въ станъ малженскій, отвѣнили (Софью) по нашей зможности такимъ вспоможеніемъ: сплендоръ (украшенія) увесь, якъ належить бѣлоголовскій (женскій), манисто перловое (жемчугъ), сребра питнаго судинокъ (сосудовъ для питья)—три, поясъ у пять гривенъ (вѣсу) сръбрный, дощатый (изъ пластинокъ), сугозлоцѣстій. Кромѣ того, „подъ часъ веселя Софїиново, дали ей коня зъ колясою, а потомъ еще: коней два и коровъ четыре.“

Отъ Мазанетовны у Ивана Берла было два сына и три дочери, да еще была на рукахъ у Берла его племянница, дочь старшаго Ивана Берла, Анна, которую онъ взялъ на свое попеченіе послѣ смерти брата. О ней Берло рассказываетъ въ своемъ завѣщаніи, что достигнувъ возраста, Анна влюбилась въ какого-то Антона Тарловскаго, который, выкрывъ ее изъ Воронкова, женился на ней. Этотъ поступокъ „братанки“ (племянницы) очень оскорбилъ дядю, который почелъ самовольный ея уходъ изъ его дому за „встыдъ себѣ“. Но когда Анна пріѣхала съ мужемъ просить у дяди прощенія, то послѣднее тутъ же было ими получено. Антонъ Тарловскій можетъ быть былъ отцомъ того извѣстнаго „дикаго пона“, который по преданіямъ игралъ такую видную роль въ колонизаціи Екатеринославщины и который будто бы вѣнчалъ императрицу Елисавету Петровну съ Разумовскимъ въ Козельцѣ, на пути ихъ въ Кіевъ ¹⁾. Изъ завѣщанія Ивана Берла видно, что Антонъ Тарловскій уже въ 1717 г. былъ священникомъ. Берло подробно перечисляетъ тѣ подарки, которыми онъ надѣлялъ молодую чету при ея посѣ-

¹⁾ О „дикомъ попѣ“ о. Кириллѣ Тарловскомъ см. Чериг. Губ. Вѣд. 1887 г. № 63, гдѣ записано преданіе о томъ, что онъ сочеталъ императрицу бракомъ („съ необычайною простотою и таинственностью“) съ гр. А. Г. Разумовскимъ, въ небольшомъ деревянномъ дворцѣ, построенномъ къ пріѣзду, на берегу Остра, въ г. Козельцѣ. Преданіе записано со словъ глубокаго старика, мѣстнаго протоіерея Ф. И. Долинскаго (умершаго лѣтъ десять назадъ), почему преданіе это не лишено значенія.

щеніи дяди, при чемъ Тарловскіе дали послѣднему и „квитанцію“, что они не будутъ затѣмъ „турбовати Берла за отцовскую отчизну“. Изъ этой „квитанціи“ слѣдуетъ заключить, что источникомъ для подарковъ служило отцовское наслѣдство, „бранки“, оставшееся у дяди... Тутъ же Берло упоминаетъ, что, онъ выхлопоталъ мужу племянницы и приходъ („парафію“) въ с. Нехайвахъ, давши за это тогдашнему переяславскому епископу Захарію Корниловичу „червоного золотого“. Отъ Мазанетовны Берло имѣлъ двухъ сыновей—Данила и Андрея, и трехъ дочерей—Мариву, Настасью и Елену. Рассказавъ въ завѣщаніи о положеніи своей семьи, Берло далѣе говоритъ, что главная его цѣль заключается въ томъ, чтобы послѣ его смерти старшія дѣти (отъ первыхъ двухъ женъ) не спорили съ своею мачихою Мазанетовной и ея дѣтьми и чтобы при этомъ „костями его, Берла, не ворухили“. Къ этому Берло добавляетъ, что если старшія дѣти отъ первыхъ двухъ женъ рожденныя, въ чемъ считаютъ себя обиженными и обдѣленными по этому завѣщанію, то онъ проситъ ихъ заявить свои претензіи теперь же ему лично, пока онъ еще живъ, а онъ обязывается каждому изъ нихъ дать полное объясненіе и исправить то, что окажется неправильнымъ; все это обѣщаетъ онъ сдѣлать, лишь бы они, старшія дѣти, по смерти его, не беспокоили его жену, на которую они „похвалки чинятъ“. Женѣ своей Мазанетовнѣ Берло по завѣщанію назначилъ слѣдующія имѣнія: дворъ въ Переяславѣ, купленный у тамошняго протопопа Николая Мосцяцкаго, хуторъ въ с. Панфилахъ и другой хуторъ въ с. Рогозовѣ, а также и всѣ вообще земли. Все это имѣніе завѣщается „самой женѣ“ и меньшому сыну Андрею, „ежели будетъ поволный матцѣ“ (т. е. если будетъ слушать мать); а если этотъ сынъ окажется непослушнымъ, то завѣщаемое имѣніе должно принадлежать одной женѣ, а жена, во всякомъ случаѣ, „повинна будетъ съ тихъ же набитковъ випосадити дочерей Настусю и Елену, когда Господь Богъ подасть имъ станъ малженскій воспріяти“; при этомъ самъ отецъ назначилъ этимъ дочерямъ по пять воровъ и по пять рабочихъ лошадей

(„влячей“) и кромѣ того, еще по пять кубковъ „пестровлоцѣ-
стыхъ“. Сынъ Данило и дочь Марина здѣсь не упомянуты
конечно потому, что они въ это время были уже отдѣлены.

Тутъ слѣдуетъ замѣтить, что старшій Берло называлъ въ
завѣщаніи своемъ два *хутора* въ Панфилахъ и Rogozovъ, какъ
намъ кажется, маскируетъ этимъ названіемъ *села* Панфилы и
Rogozovъ, которыхъ онъ не считалъ себя въ правѣ *завѣщать*,
а между тѣмъ, имѣя въ Панфилахъ и Rogozovъ вупленные
земли съ сидѣвшими на нихъ крестьянами, онъ могъ говорить
и о хуторахъ...

Написавъ завѣщаніе, Берло послалъ его „до вычитанна“
старшимъ двумъ сыновьямъ, которые вслѣдъ за тѣмъ пріѣхали
сами въ Переяславъ, гдѣ жилъ старшій Берло, и тутъ стали
было „домовляться отчизни“, „нажитой съ сеєю женою“ (т. е.
Мазапетовною); но отецъ „декларовалъ“, что отдаетъ имъ толь-
ко то, что нажилъ съ ихъ матерями, а что нажилъ съ Маза-
петовною, то все отдаетъ дѣтямъ отъ нея рожденнымъ. Споры
отца съ сыновьями продолжались, какъ говорится въ завѣщаніи,
нѣсколько дней, пока наконецъ сыновья уступили, „склонив-
шись, не нарушаячи отцовсваго себѣ благословенія“, и при-
няли то, что кому изъ нихъ testamentомъ назначено, при чемъ
просили у отца еще „прощенія съ тѣмъ одозвомъ, же уже вовсе
не мѣли турбовати жены его и дѣтей съ нею спложенныхъ“...
Духовное завѣщаніе Берло написалъ въ 1717 г., не обозначивъ
его мѣсяцемъ, а 1-го января слѣдующаго 1718 г. Василій далъ
отцу письменное обязательство, ¹⁾ которымъ, *по совѣту отца*

¹⁾ Року 1718, науарна мѣсяца 1. Я, Василій Берло, будучи на сей часъ
сотникъ воронѣвскій, чиню вѣдомо снѣ моимъ рукописаніемъ, вѣ по благо-
словенію всеилюстивого моего патрона и добродѣя его мил. папа Иоанна Берла,
много родителя, чьсти отчизни трудами и стараньемъ родительскимъ на мене
спадящой, набитой, рѣчей рукомихъ и нерукомихъ, съ доброй моею волѣ, п. бра-
тамъ моимъ Данилу и Анѣдрѣви, зложеннымъ въ папеш Анною Мазапетовною,
матрою родительскою моею, уступую по согласію и совѣту любимаго отца брата
моего Арсенія Берла, и вѣ въ той децисии кондиція за рукою его превелебности
выражена, на томъ и я руку свою подписую. Василій Берло, сотникъ воронѣв-
скій, рукою власною. (Съ подмишника).

брата Арсенія Берла, уступилъ право свое на слѣдовавшее ему отцовское наслѣдство братьямъ Данилу и Андрею.

Заботы Ивана Берла о соглашеніи старшихъ сыновей на уступку ими своихъ правъ на „отчизну“—младшимъ братьямъ, указываетъ, по нашему мнѣнію, что старый Берло изобрѣталъ здѣсь способъ—какъ бы маестности свои, Rogozovъ и Панфили, полученныя по универсаламъ, передать вдовѣ и младшему сыну помимо Василя и Арсенія, на что онъ не имѣлъ права. Называя эти маестности въ завѣщаніи лишь *хуторами*, Берло, повторяемъ, имѣлъ въ виду *усилить свое право* на распоряженіе ими.. Какъ видимъ, Берло достигъ своей цѣли, но едва ли не потому лишь, что Арсеній, будучи монахомъ, не только что самъ согласился отказаться отъ права на „отчизну“, но и старшаго брата къ тому склонилъ.

Иванъ Берло умеръ, оставивъ вдову съ тремя неустроенными дѣтьми: сыномъ Андреемъ и дочерьми Настасей и Еленой. Время смерти его не извѣстно, но вдова его обратилась къ гетману съ просьбою объ утвержденіи за нею мужнинныхъ маестностей въ нач. 1721 года, почему можно думать, что и мужъ ея умеръ около этого же времени. Въ универсалѣ Скоропадскаго, выданномъ (28 марта 1721 года) вдовѣ Берла, читаемъ: „вдова панѣ Анна Мазапетовна презентовала намъ *универсалъ* нашъ, въ року 1712, ему небожчику Ивану Берлу выданный, на село *Rogozovъ* и на фоторъ тамошній, прозываемій Пѣсоцковскій, такожь *листъ* покойного п. Стефана Томари, полковника переясловского, ему жъ небожчику Берлу въ року 1715 данный, *зъ уволенемъ людей въ селѣ Панфилахъ десяти человекъ*, на власныхъ его покойного покупленныхъ грунтахъ *погребцами* ¹⁾ мешкающихъ, отъ налоговъ, поборовъ ратушныхъ и работивныхъ... и просила на *всѣ тѣ добра* нашей унѣверсалной конфѣрмаціи“. Исполняя эту просьбу, гетманъ

¹⁾ Слѣдуетъ думать, что слово *погребцы* употреблено здѣсь въ смыслѣ *землянокъ*. Въ Прилуцкомъ уѣздѣ есть село *Погребы*, возникшее на мѣстѣ разореннаго татарами села *Держижралъ*; можетъ быть и тамъ названіе *Погребовъ* возникло отъ тѣхъ землянокъ, въ которыхъ жили новыя насельники стараго *селыща*.

выдалъ универсалъ, „повагою котораго всѣ вишеписанные добра и грунта въ безперепонное заживане ей, паней Берлиной, ствердилъ“, съ обычными оговорками относительно послушанія крестьянъ, которые „безъ всякаго огурства послушенство и повиненіе отдавати должны“.

Одновременно съ матерью обращался къ гетману и старшій сынъ ея Данило, въ то время бунчуковый товарищъ, съ просьбою объ утвержденіи за нимъ маестностей; какихъ именно—неизвѣстно, но онъ получилъ универсалъ, въ томъ же 1721 г., только на дворъ въ Воронковѣ и на хуторъ въ Воронковской сотнѣ. Можно думать, что Данило Берло обратился къ гетману съ просьбою объ утвержденіи за нимъ „отчины“, по крайней мѣрѣ въ части, но что гетманская канцелярія (т. е. въ дѣйствительности генер. писарь Савичъ) нашла возможнымъ во всемъ исполнить завѣщаніе Ивана Берла, а Данилу—дать универсалъ лишь на то, что, повидимому, отцемъ было ему отдано еще при жизни.

Послѣ смерти мужа, Мазапетовна осталась жить съ младшимъ сыномъ Андреемъ и двумя незамужними дочерями. Андрей скоро устроился, получивъ мѣсто священника въ переяславской успенской церкви, и мать осталась безъ защитника, тѣмъ болѣе что и старшій сынъ ея Данило вскорѣ умеръ (прежде 1725 г.).—Этимъ положеніемъ вдовы Берлихи воспользовались сильныя сосѣди и начали ее тревожить, захватывая ея земли. Въ это время на младшей дочери Берла посватался канцеляристъ генер. канцеляріи Андрей Володковскій. Одно мѣсто его службы давало уже ему значеніе, почему Мазапетовна имѣла основаніе искать въ немъ защитника своего „дома“. Желая привязать Володковского къ этому своему „дому“, Мазапетовна отдала ему село Рогозовъ. Любопытный объ этомъ актѣ вдовы „Берлиной“ гласитъ слѣдующее: „Поневажъ дѣйствіемъ и изволеніемъ Божіимъ сбылося, же п. Андрей Володковскій, генер. войск. канцеляріи канцеляристъ, дому моему усыновился, дщерь мою Елену себѣ за малжонку понялъ, и выдачи я его ку себѣ и дѣтямъ своимъ: Андрею Берлу и сыновой моей Даниловой Берлиной удовствующой,

зичливість и пріязнь, и во многихъ теперь приключающихся трудностяхъ и турбаціяхъ, такъ о завладѣніи млина и о отнятіи подданныхъ, и въ прочихъ обидахъ и разореніяхъ помоществующаго своимъ коштомъ и працею, того ради я, *переговоривши съ сыномъ своимъ Андреемъ Берломъ, священникомъ, на wsparте его, Володковскаго юсподарства, маетность покойнаго мужа моего село Rogozovъ* заслуженную и отъ пятидесяти пяти лѣтъ владѣемую... *вручаю и уступаю*; да въ томъ же селѣ власній, купленій за гроши мужемъ моимъ прозываемій Пѣсоцковскій хуторъ "... во вѣчность и потомное владѣніе ему, п. Володковскому, дарую... Упомянувъ о передачѣ при этомъ Володковскому всѣхъ документовъ на Rogozovъ и на Пѣсоцковскій хуторъ, вдова затѣмъ добавляетъ: а мѣлъ бы хто его, Володковского, съ дѣтей моихъ, чили съ внучатъ, чили съ первой и другой женъ покойнаго мужа моего дѣтей, якихъ духовною за живота своего отдѣлилъ, якъ надлежитъ, вивѣнилъ и вѣтывалъ, турбовати, трудности и препятствія чинити въ тихъ грунтахъ, отъ мене Володковскому даннихъ, или ихъ отнимати, то яко тать и хищникъ чужого имѣнія буде во мною и мужемъ моимъ на страшномъ второмъ пришествіи предъ нелицемѣрнымъ судіею судитса и да будетъ анаеема проклятъ" ¹⁾.

Такимъ образомъ по этому акту Мазанетовна отдаетъ зятю *населенную* мужнину *маетность, помимо сыновей*... Правда, мужъ ея, умирая, далъ ей власть распоридиться селами по своему усмотрѣнію; гетманскій универсалъ какъ бы укрѣплялъ за нею это право; но тѣмъ не менѣе обычное право препятствовало вдовѣ отдавать полученную по универсалу маетность зятю, хотя на эту уступку и согласился, какъ говоритъ актъ, младшій сынъ Мазанетовны. И мы видимъ, позже, что распоряженіе вдовы всетаки не смогло стать крѣпкимъ, такъ какъ

¹⁾ Подпись: Анна Мазанетовна Берлина, неумѣющая писать сичу своему подписать рукою повелѣла. Андрей Берло рукою приложилъ свято успенскій переяславскій... (Конецъ витергъ).

Володковскій, не смотря на свое положеніе ¹⁾, удержать за собою Рогозова не смогъ: это видно изъ того, что въ в. XVIII в. владѣльцемъ этого села былъ одинъ изъ внуковъ Андрея Берла.

Выше уже сказано, что младшій сынъ Ивана Берла, Андрей, промѣнялъ козацкую саблю на рясу священника. Вѣроятно, что священство Андрея Берла явилось слѣдствіемъ близкаго его родства съ Арсеніемъ Берломъ, протекція котораго обѣщала младшему брату карьеру и въ духовномъ его званіи, а козацкая старшина иногда предпочитала эту карьеру—воинской, въ виду связаннаго съ ней освобожденія отъ походовъ и другихъ воинскихъ повинностей. Извѣстенъ такой случай: въ 1724 г. передъ походомъ козаковъ въ Сулакъ, сынъ бунч. товарища Якимъ Кулябка, желая избѣжать этого похода, поѣхалъ было въ Кіевъ „для поповства,“ но полковникъ послалъ за нимъ въ погоню съ приказомъ, „чтобы онъ того не дерзалъ чинить“. (Зап. Як. Марк., I, 55). Несомнѣнно, что Андрей Берло не проигралъ въ перемѣнѣ общественнаго своего положенія, такъ какъ послѣ священства въ переяславской успенской церкви, онъ сталъ переяславскимъ протопопомъ и оставался на этомъ мѣстѣ до смерти, около двадцати лѣтъ (1735—1755 г.). Священство не мѣшало Андрею Берлу получить по смерти матери во владѣніе одну изъ отцовскихъ мѣстностей, с. Панфілы. Кромѣ того, на протопопствѣ Берло наживалъ всякаго рода „худобу“ такъ-же успѣшно, какъ это дѣлала и старшина. Напр., по купчей 1755 г., „попада“ сосновская, по умертніи мужа своего священника сосновскаго Герасима Золотухи, съ сыномъ своимъ священникомъ с. Ничипоровки Иваномъ Золотухою, продала отцу Андрею Берлу, протопопу переяславскому, ставокъ съ гребелькою и берегами“, около с. Соснова, „вподовжъ разстояніемъ въ версту“, за сто рублей. Такое пріобрѣтеніе, какъ „ставокъ“ (прудь, а м. б. и озеро) длинною съ версту (образовавшійся изъ заливовъ Супоя, при которомъ расположены села Панфілы и Соснова),

¹⁾ О Володковскомъ, А. В., см. Опис. Ст. Малор., II, 45. Изъ генер. канцеляріи онъ получалъ урядъ нѣжинскаго полковаго есаульства (1734—1746), котораго лишился за участіе въ наслѣіяхъ полковника Божича.

заплоченное столь дорогою для того времени цѣною, было приоб- рѣтеніемъ несомнѣнно крупнымъ ¹⁾).

Послѣ Андрея Берла остался сынъ Иванъ, который въ 1764 г. былъ войсков. канцеляристомъ, а затѣмъ въ отставку, въ 1773 г., получилъ чинъ полков. судьи. У него было четыре сына: Павелъ, Иванъ, Пантелеймонъ и Михаилъ, изъ которыхъ Иванъ и Пантелеймонъ по спискамъ 1805 г. значатся корнетами и владѣльцами: Иванъ с. Rogozova (53 врест. м. п.), а Панте- леймонъ—с. с. Панфиловъ и Комаровки (108 врест. м. п.).

О потомствѣ старшаго брата Андрея Берла—Данила точ- ныхъ свѣдѣній у насъ нѣтъ; но въ документѣ 1799 г. пова- заны *троюродными братьями* сыновей Ивана Андреевича Берла— Матвѣй и Пантелеймонъ, называющіе себя сыновьями полко- ваго писаря Владиміра Берла. Зная, что у старшаго сына Ивана Берла Василя былъ одинъ только сынъ (Иванъ), слѣ- дуетъ заключить, что Владиміръ Берло былъ сыномъ Данила Ивановича Берла, умершаго раньше своей матери. Гдѣ онъ былъ полковымъ писаремъ—изъ документовъ не видно.

На этомъ кончаются наши свѣдѣнія о Берлахъ, найден- ные въ обрывкахъ ихъ семейнаго архива. Какъ ни скудны эти свѣдѣнія, но все же въ нихъ находимъ нѣсколько интересныхъ чертъ для исторіи общественнаго быта старой Малороссіи, а при скудости этого рода свѣдѣній слѣдуетъ сохранять и такіа черты. Только заботливымъ подборомъ послѣднихъ можно приготовить достаточный матеріалъ для давно ожидаемой книги—о *юриди- ческомъ бытѣ старой Малороссіи*.

¹⁾ По смерти Андрея Берла, младшій сынъ священника Герасима Золотухи Герасимъ Злотковский возбудилъ противъ Андрееваго сына—Ивана Берла споръ требуя и свою долю доплатить за „ставокъ“, вслѣдствіе чего Берло и доплатилъ ему 25 рубл. Здѣсь интересенъ случай—какъ легко было сыну Золотухи намянуть отцовское прозвище въ полонизованное Злотковский...

Приложеніе.

Духовное завѣщаніе переяславскаго судьи Ивана Берла. 1717 года.

Во имя Пресвятыя Животворящия і Нераздѣлимия Троицы, Отца і Сына и Святого Духа. Аминь.

Звычай тотъ в людехъ поводится, когда кто биваетъ болезнью обятый и призрѣнный отъ Бога, яко и я грѣшный Иванъ Берло вижу себе часто у слабомъ моемъ здоровю, умислиемъ, по доброй волѣ моей сей тестаментъ моею рукою написать, жебы по моей смерти дѣти моѣ од первыхъ жон двохъ моѣхъ покойныхъ з теперешнею третею жоною моею Анною Мазанетовною, яко и з дѣтми тожъ моѣми в нею зложенными, не вѣщали позвовъ и турбаціи не заводили, а костми моѣми неворошили, лечъ егда кому о що з дѣтей моѣхъ первыхъ жон покойныхъ моѣхъ идетъ, покол еще я во живихъ обрѣтаюся, позволяю мнѣ самому договорити и кому чого не доходитъ, на мнѣ упоминатися; я повиненъ буду кожному одвѣтовати і справитися, а не жона моя Мазанетовна, на которую похвалки чините неслушне, бо егда она мнѣ пошлюбяши и въ домъ мой зо мною прибывши, не застала у мене жадной готовизни, нѣ з срѣбра, нѣ з цени, а нѣ з фантъ покойныхъ матерей вашихъ, бо любо що з плендоровъ покойной жони моей Сомковни било позостало, тое дочери моей Іринѣ, з Сомковною жъ зложеною, досталоса, некому инному. Также по небожце Татьянѣ Щуровщанинѣ, другой жони моеѣ, що било позостало з ношенія небожничьного, то Софиѣ, дочери моей, зъ нею зложеною оддано усе. А теперешняя жона Мазанетовна позосталихъ фантъ и сплендоровъ од первыхъ жонъ моѣхъ и найменшой рубчинце не при-

винная, якихъ не приймала и не пожитковала, которую симъ рукописаннемъ моимъ одъ турбацѣи и позволю на неѣ одъ дѣтей моѣхъ обваровую и заступаю; а мѣли бы дѣти моѣ, Василий, Арсеній и Софья дочерь моя, і кто ли колвекъ, сей добровольный testamentъ мой касовати или разоряти, на таковому противнику и разорителю моему да будетъ вѣтва святыхъ отецъ триста осмнадцать, іже в Никеѣ, і самъ Всемогущій Господь Богъ разорить душу его во адъ муки вѣчной. Аминь.

Сынови моему Василю Берлову, вложенному з покойною Параскевиею Сомковною, которого уже зъ сею жоною моею Мазанетовкою дружилемъ его, далемъ ему сынови Василю двуръ у Воронковѣ, в которомъ родился а дворъ де ново мною фундованный на плещу половиною Сомковною (sic), на которомъ томъ плещу засталемъ свѣтлицу велми дряхлую і огорѣлую, которая до мене еще была занялася. А половину плещу на двори до моего фундованна объ мужу кунилемъ у Мартина Говорухи, жителя старинского, тотъ дворъ, свѣтлица зъ комнатою, цекарня зъ сѣнями, коморъ двѣ надъ еднимъ побой, на помостахъ, кухня, погребъ походящій и шопъ надъ погребомъ. Я самъ у томъ дворѣ жилемъ, такъ зо всѣмъ отдаемъ Василю сынови. А в часъ женитба сына моего готовизною грошей самихъ розийшлось сѣмъ сотъ золотыхъ, чотвирьста зобраннихъ изъ Мазанетовною, жоною моею, а триста золотыхъ позиченнихъ у Прокопия, хоружого чернѣговского полкового, покойного зятя нашего. Мли на греблѣ Руччинской прозиваемой, о едномъ каменѣ мучаномъ, которій зъ Мазанетовною жоною моею, фундованный, данъ естъ сынови Василю; также коней двое верховихъ зъ седзенемъ і уздечкою гунчою, пестро злоспѣтою, влячъ шистъ, волувъ плугъ, коровъ пять, овецъ тридцатъ, пчулъ двадцатъ улювъ, любо и у себе мало статку мѣлемъ, не безъ кошту и тое било черезъ колко роковъ намъ изъ жоною Мазанетовною господи наймовати, за науки школъ киевскихъ сынамъ Василю и Арсенію, инспекторамъ платити готовизною и кому того часу належало. І о томъ докладая, же власнимъ стараннемъ моимъ і тцаніемъ слободу людемъ осадилемъ подъ Воронковомъ человѣва десятковъ вилко подданныхъ, любо на землѣ покойной панѣ Сомковоѣ, тилко моимъ зобраннемъ, чинячи тимъ дефолгацію и полегкостъ черезъ колко десятъ лѣтъ, мнѣ тамъ сотникуючи, обороняемъ и одъ всякихъ тяжаровъ мѣскихъ ихъ заступалемъ, памятуячи же сукъцесиве спадати будутъ твое подданіе Василю, сынови моему. І подтвердителные унѣверсала рейментарские на сло-

боду и на всѣхъ грунтахъ Сомковскіе выправилем, на которые мене покойная панѣ Сомковая, теща моя, изъ Стародуба подняла, вручивши оныя пожитковати, якихъ много были люди, а найбарзѣй помѣжники завладѣли и присвоѣли в самомъ Воронковѣ и в селѣ Рогозовѣ, и в селѣ Старомъ; которыхъ грунтовъ од давнихъ часовъ людьми завладѣлихъ Сомковскихъ во всѣхъ трохъ тыхъ рукахъ одстоялем плуговъ на тридцать, од ліоду до леду оранія довольно, которые сынови моему Василювѣ testamentомъ локговала панѣ Сомковая, черезъ мою поволностъ къ ней и датками употребляючи черезъ колко десятъ лѣтъ, оную од дому моего аж до самой смерти еѣ. О чомъ сына моего Василя упоминаю подъ неблагословеніемъ Божиимъ і моимъ грѣшнымъ отческимъ нейти в заводъ изъ вторюю маткою и зъ братами Даниломъ и Андрѣемъ, але тими контентоватися грунтами, якихъ я додержалемъ тобѣ зъ благословеніемъ Божиимъ пожитковати и моими грѣшными молитвами. А мѣлъ бы еще вичитати заводъ о грунтахъ и о домѣ изъ женою Мазанетовною у Воронковѣ фундованный, да не благословитъ тебе Господь Богъ и буди од мене проклят, анаеема в семъ вѣцѣ и въ будущемъ. Сына моего од другой жонѣ моеи Татьянѣ Щуровщанкѣ покойной зо мною зложенного, Божиимъ дарованіемъ Арсенія Берла, архидіакона митрополіа Киевской, когда по его хотенію, од школъ киевскихъ до Львова для наукъ виправилем, давши ему сукнѣ, у дорогу коня зъ возомъ і вѣтку зъ потребу, грошей таларовъ двадцатъ. А вгди, по колкохъ рокахъ, одтол повернулся зъ фурманомъ нанитимъ, якому заплатились за привозъ до насъ сына нашего Арсенія, почасѣ просилъ мене и жонѣ моеи, жеби у святой обители Киевопечерской габѣтъ моглѣ приняты, въ чомъ желанію его сыновномъ стараннемъ моимъ и жонѣ моеи задосить учинилося, бо любо я самъ в дому в часъ постригу быти не згодился, еднакъ жона моя Мазанетовна зъ остатной готовизны всякихъ вещей на постригъ синовній достатно ложила і одиравала: и пару суконъ, сутану штаметовую і реверенду тонкого сукна французского, шлямами волчими подшитую, справили; коней пару буланыхъ возниковъ зъ колясоу дались синовни Арсеніевѣ, свитлицу шинковую у Воронковѣ, обіежу Леска Тимченка стоячую, і футоръ в селѣ Жеребятинѣ зъ садомъ, нажатий зъ покойною Татьяною Щуровщанкою, женою моею, а маткою Арсеніевою, ему записую. Який сей мой testamentъ посладемъ синомъ моимъ Василю и Арсенію до вичитанія, Хомою Луцникомъ, жителемъ рогозувскимъ, по которого вичитанію testamentа, свины моѣ приехавши до Передслоня, упоминались у мене

отчизни нажить із сею жоною моею, ставши при упорѣ, которимъ оуднѣ того ихъ жадаію не позволилемъ, тимъ тѣло онихъ декларовалемъ, що ся зъ матерями ихъ нажило, тое имъ подѣлилемъ и въ тестаментѣ записалемъ, а що изъ сею жоною Мазанетовною прижилемъ, то снмъ дѣтемъ пятеримъ подѣлилемъ. А потомъ, по кѣлкихъ днѣхъ, сини моѣ Василій и Арсеній, склонившися, ненарушаючи моего себѣ благословенія і хотенія, що кому тестаментомъ легкую, приняли у мене прощеніе съ тимъ одоввомъ, чога я по нихъ потребовалемъ же уже вовся не мѣли турбовати жони моей и дѣтей зъ нею зложеноныхъ: Данила, Андрѣя, Маряни, Настасія и Елени. И по моей смерти обѣцуючи кѣвтовати жону рукоисаніемъ кождый синъ своимъ, Василій и Арсеній, і на той угодѣ зъ моею порадою выдачи склонностъ жона моя синную, офѣровали куфелъ сѣбѣрннй столовый у гривенъ чотири и в девять лотовъ удѣланный, зъ власного сѣбѣра жони моей принесенъ; ного у домъ мой, пояса сѣбѣрного старосвѣцкога и чарокъ и иншого ламааннаго сѣбѣра унесеннаго. Тимъ толко уже Арсеній, синъ мой, повиненъ контентоватися, а турбацій жаднихъ не вщивати і рукоисанія моего не нарушати. А когда би ся поважилъ которий синъ мой Василій или Арсеній сей тестаментъ мой дерзнути касовати албо разоряти, таковаго противника моего милосердія Господь Богъ разорить душу его во адъ муки вѣчной и да будетъ такий проклятъ анаема, в семъ вѣце и въ будущемъ.

Софїю Евстратневою Гулакову, дочеръ мою, еще зъ покойною Татїанною Щуровщанкою, жоною моею, а маткою Софїиною, выдавши оную в станъ малженскій, одвѣннили, по нашей зможности, такимъ вспоможеніемъ: снлендоръ увесь, якъ належитъ бѣлоголовскій, манисто перловое, сѣбѣра питного судинокъ три, поясъ у пятъ гривенъ, сѣбѣрннй, дощатий, судоизлоцистий, а тотъ поясъ покойная Татїяна, жона моя, лекговала пополамъ, зъ Яковомъ Ростановичомъ, братомъ Софїинимъ, за которий и позваннй билемъ до суду енералнаго одъ Ростановичовъ, пасинковъ моѣхъ, і за инние ихъ дѣдизнее и отчистое зобранне, которое зъ маткою ихъ же в господарствѣ розейшлое, тое усе платилемъ пасинкамъ моѣмъ, которий уже и поясъ одплаченнй нами я суденца сѣбѣрннй изъ жоною моею теперешнею Мазанетовною пасинкамъ отцу Петру и Якову Ростановичамъ уже самой Софїѣ власне другимъ одвѣнненемъ непенно найдется поясъ в суденца сѣбѣрннй под часъ веселя Софїинога, еще зъ маткою Софїиною, дали коня зъ колясою дочери нашей Софїи, а зъ теперешнею жоною моею Мазане-

товною дали коней двое і коровъ чотпри Софиѣ, в чомъ уже дочерь моя і Евстратій Гулакъ, зять мой, неповинни турбовати жони моеї Мазапетовни і дѣтей моѣхъ з Мазапетовною зложеннихъ, бо теперешняя жона моя Мазапетовна, якъ первой жони моеї Сомковни, такъ и другой жони моеї Щуровщанки, нѣкчому непривинная в до найменшой рубъчпки. А любо било що бялоголовного незвелика якого пошена, по Самковнѣ жони моеѣ, дочери Іричѣ одлано, а по жонѣ Щуровщанце Софиі досталося. Овшемъ еще долги якие на мѣ зависали, которыхъ задолжился з покойною жоною Щуровщанкою на колко сотъ золотихъ, людемъ полатыли з теперешнею жоною Мазапетовною, которую рукописаніемъ моимъ симъ обваровую и дѣтей моихъ упоминаю, Василя и Арсенія, и Софию, жеби я по моеї смерти Анни Мазапетовни, жони моеї, и дѣтей з нею зложенныхъ Данила, Андрѣя, Марини, Настасіи и Елены, нѣ в чомъ не турбовали, а кто бы ея поважил з дѣтей моѣхъ од первыхъ жонъ моѣхъ зложенныхъ жону Мазапетовну и дѣтей з нею зложенныхъ дерзнути надъ волю мою в право удаватися і тестаментъ мой касовати, такового противника моего многомилосердный Господь Богъ да разоритъ душу его во адъ муки вѣчной и да будетъ проклятъ таковой, анаема, въ семъ вѣдѣ и в будущемъ.

Пасянковъ моихъ в Богу превелебного отца Петра Русту, протопопу воронковского и Иякова Русту, пасянковъ моихъ, по наказанію суду енерального войскового, уконтентовалемъ ихъ и заплатилемъ, і одержалемъ од нихъ квитцію подъ печатію судін енерального, которві уже жадною мѣрою неповинни жони моеѣ Мазапетовни турбовати і дѣтей моихъ з нею зложенныхъ подъ зарукою, якая есть на квитціи од суду енерального положенная.

Данилови сынови моему двуръ у Воронковѣ з футорами і поля пахарного купованного из жоною моею Мазапетовною, на купленныхъ плечахъ тотъ двуръ фундованный, солодовню и винницу з посудками, опрочъ казановъ, именую і со всѣмъ на чомъ я жиламъ у Воронковѣ і нажилемъ черезъ двадцатъ три роки з маткою Даниловою, а жоною моею, і подданныхъ на плечахъ моѣхъ живучихъ, купленныхъ поселенныхъ, а ивнихъ нажитыхъ, і поважнымъ универсаломъ ясне-вельможного его милости пана гетмана і его милости пана полковника перещславского стверженнихъ, записую ему самому и женѣ его и потомкамъ его, аще Богъ подасть во вѣчные роды подаю.

Жонѣ моеѣ Аннѣ Мазаетовнѣ Ивановѣ Берловой сколко чого працою і старанней вкупѣ нажилисмъ: двуръ у Переяславлю купленнй у превелебного господина отца протопопи переяславскаго Николая Мосцѣдкаго, футоръ въ селѣ Панфилах, купленнй з жоною моею Мазаетовною, і в селѣ Rogozovъ тож футор з нею жъ купленнй з пахарным полем и з гаями, все одмала і до велика в кгрунтах з нею покупленнихъ в Переяславлю и в Панфилах, самой жонѣ моеѣ и меншому синову моему Андрѣви, ежели будетъ поволнйй матцѣ, то вмѣ записую и легкую. А ежели в чом бп мѣл бити противко матери противним і непослушним, то самой жонѣ моеѣ одписую і именуу, которая жена моя Анна Мазаетовна повинна будет з тих же набѣтковъ нашихъ вписадити дочерей нашихъ, якъ matka, Настусю и Елену, когда Господь Богъ подаст им стан малженскйй воспріймать, которим именуу коровъ по пят обонмъ і влячей такъ же по пят Настусѣ и Олесѣ. Кубковъ пать Настусѣ пестрозлоцствихъ іменуу, якихъ з маткою еѣ нажилисмо, а другую кубковъ пать тоже пестрозлоцствихъ дочери Еленѣ легкую і именуу, і записую. І о сем тут в моемъ тестаментѣ докладаю, же братанка моя Анна Берловна, гдѣ по отцу своему Иванови Берлови, а моему брату рожовому по умертвиѣ zostalas осиротѣлою в лѣтѣхъ семъ, тую воспиталем у моемъ дому за покойной жонѣ моеѣ еще Параскевиѣ Сомковнѣ, а покойного брата моего, од мене старшого Івана Берла, в мѣстѣ Мглинѣ, за Стародубомъ, там живючого, при доконченню живота его, того часу хоруючого близко полрока бавилемъ ся при немъ, по его прошенію, поехавши з дому моего з Воронкова до Мглина, ажъ до его небожчиковскаго умертвія. А по умертвиѣ брата моего належите, по хрестіянску в церквѣ Воскресенія храма Господня, в мѣстѣ Мглинѣ погребенъ, и одпоминан. З дубрѣ его братнихъ, по которомъ zostalas била вторая жена его небожчиковская, з якою подѣл худоби братней од нава полковника Рославца зосланние висланне особи раздѣлили и тую частку спадячую худоби братней на братанку мою Анну Берловну до рукъ моихъ прииятую, там же зпродадемъ, бо з готовизни еднего шеляга братоваи вторая жена братняи, а мачуха Алинѣ братанки моеѣ, не объявила и не сказала; а братъ мой покойнйй такъ хоровал тиранско, что и при моемъ прибитю до него, слова едного не могъ промовити до мене, до самой его смерти. З которой его подѣленной и на братанку мою худоби расход, того часу рукою моею писалем и щомъ прииял и зпродад, записалем, якъ

реестр покажет. А по одходѣ сорокоустов и по одпоминаг
нем, возвратилеся зо Мглина ку домови своему, взявш
Анну братанку осиротѣлую. А скривю з фантами и з плато
матки Анниной братанки моеѣ, далем до рукъ тютцѣ рудной у Ста
родубѣ моеѣ братанки Цѣмоховой ¹⁾ до вросту, а свести брата моего,
которая при мнѣ живучи уже братанка моя за другой жони моеѣ
нокойной Татьянѣ Щуровицки, безоноуѣдне, мимо вѣдомост мою, з
дому моего з Воронкова утекъши, якъ подохалъ Антоній Тарловскій
под Воронкув, з вмѣ до Козелца заѣхала и в стан малженскій ему
пошлюбля, чогомъ на братанку мою Анну немало скорбѣлемъ за в
стыд мнѣ заданный братанкою. А потомъ кровную мою помилувавши,
за прибиттемъ их до мене з зытем моимъ, а мужемъ братанки моеѣ,
которые и часто приежающе бывало до мене не тцо одездыт за по
койной жони моеѣ Щуровщанки, якъ готовизною, такъ кунми и сукнею
датком одѣ мене; а на потом, за тоей же жоны моеѣ Щуровщанки,
просили мене приехавши обое, зят мой Антоній Тарловскій и братанка
моя Анна Берловна, о золотих сто двадцат прилѣжно, котрым и в
себе того часу немѣучому, запожившися у людей, далемъ имъ золотихъ
сто двадцат, котрые обое зят мой Тарловскій и Анна братанка, добро
вольне квитацию своею рукою писанною зытѣ мой Тарловскій и жона
его Анна Берловна прилюдне дали, же уже а нѣ они сами, а мѣ
потомкове ихъ вѣчными часы турбовати за отчизну братанки моеѣ,
так мене самого, як и жони моеѣ Щуровщанки, нѣ дѣтей моих во
вѣчные роди не будут, такъ договорили и квитацию подали. А же
когда Господь Богъ уже оддала од мене жону мою Щуровщанку, по
которой появлемъ сию Анну Мазапетовну, з которою, Божиимъ даро
ваннемъ, жпючи зъ нею лѣтъ двадцат пят, зплодилемъ з нею сини
и дочери, і за сее жони моеѣ цю року во мнѣ уже іереемъ отецъ
Антоній будучи, з попадією своею, а моею братанкою приежаючи
и насъ навѣжаючи, вспоуженни од нас просили, котрым жад
ного разу при ихъ приездѣ од дому нашего тцо не отпустили: коней
шестеро и корову и на кунтушъ штамету и баравовъ чорнихъ на
подшите, и грошми кожного разу, по талару и по болше давалося,

¹⁾ Можно догадываться, что под именемъ *Цѣмоховой* разумѣется жена стародубскаго полковника *Тимофея Алексѣева* (1676—78). См. *Опис. Стар. Малороссіи* I, 18. По *литовскому* выговору жена этого полковника должна была называться — *Цѣмоховой*.

червоного золотого покойному святой памяти отцу Захарий Корниловичу, епископови переяславскому, отдаем поклону за благословение отцу Тарловскому, зятю моему, служити в селѣ Нехайках, на парафийѣ, и нѣмъ многимъ вспомоганемъ з теперешнею моею женою Анною, хлѣбомъ и прочая нѣкогда тѣмъ не одпускаемъ и непрейзрелисми. О чомъ крайнимъ моимъ словомъ и рѣкописаньемъ твержу и уоминаю, жеби уже отецъ Антоній Тарловскій, зять мой, и его потомковѣ жадного не мѣли дѣла до жони моеѣ, а нѣ до дѣтей моихъ з нею зложенныхъ, а не до худоби любо и невеликой з моею женою збранной, которая жадною мѣрою прошлыхъ моихъ двохъ жонъ нѣчимъ не користовала и не владѣла, бо самую истинною нѣчимъ било и владѣти, чого небило; также и внука моѣ Ирину Петрувской, дочери моеѣ Сомковни дочери Настаси Петрувщанки не повинная жони моеѣ турбовати, а нѣ дѣтей зложенныхъ з теперешнею моею женою, за манисто перловое, которое я отдавъ по умертиѣ Заборовской у Чернѣговѣ, яку заручилемъ билъ собѣ за доживотного приятеля, по умертвиѣ покойной Параскевиѣ Сомковни, за которое манисто у толко ж шнуровѣ карами червоними перенизаное перловое, сестри рожонѣ покойной панеѣ Сомковоѣ, именемъ Галки Короповни Даниловой одкуплемъ, у сына Галчиного Андрѣя Даниловича, сестренца панеѣ Сомковоѣ, в дадемъ Ирину того часу дочери моеѣ, якъ в стапѣ малженскій отдавалемъ за пана Петрувского до Переяслава, бо теперешний мужъ внуки моеѣ Настасиѣ Петрувщанки Прокопій домовлъ билъ жонѣ моеѣ в дому првелебного господина отца Іоанна свято воскресенского переяславскаго, на крестинахъ, о томъ манистѣ и о внихъ вещехъ матки Настасиной, до чого и найменшой рубчинки Анна, жона моя, не знаетъ себе тому бити винною. Послалемъ челоуѣва годного на другий денъ до Прокопия и до внуки моеѣ Петрувщанки, за тую примовку, ставшуюся од Прокопия, а посладемъ Григория Калениченка, атамана курѣнного значкового, и на тотъ часъ городского наказного переяславского, который унукъ мой Прокопій заразъ з тимъ же Григориемъ Калениченкомъ в домъ мой прпшедши, просилъ мене и жони о прощени моеѣ, тѣмъ вимовляючися, же люде побудкою ему до тоеѣ примовки поднустили, которому я вкларъ мовилемъ, ежели о що кому вдетъ, мнѣ самому договорити и доходити позволяемъ и позволяю покол во живихъ още обрѣтаюся, чого уже подклятвою вирекался Прокопій и жона его настася, внука моя, во вѣчнне роди не вспомянати и жадною мѣрою жони моеѣ и дѣтей не-

турбовати; такое слово подали при Григорию Калениченкови, на тот час атаманови наказному переясловскому.

І о семъ тутъ в семъ тестаментѣ моемъ докладаю же, задолжился людямъ полтори тисичи грошей золотыхъ, якихъ позичалемъ з интересомъ на скупованне воловъ въ дорогу шляхонскую ¹⁾, тотъ увес долгъ мой повинна будетъ жона моя Мазантовна з тих же дубрь моѣхъ з нею нажитихъ людямъ поплатити і уйтитися.

А когда Божие повеленіе роскажет і мнѣ грѣшному од сего временного житія преставитися, повинна будетъ жона моя Мазантовна о души моей грѣшной старатися, христинскимъ похорономъ погребѣ одравити и одпоминати сорокоустами грѣшную мою душу. На семъ тестаментѣ моею рукою писанномъ подписуюся Иван Берло, рука власная. 1717.

А сорокоустов сколько зможет жона моя по моей души у Переясловлѣ зплатити. А похороненъ мѣю бити при храмѣ Воскресенія Господня.

Александръ Сулима, судія полковій переясловскій. Роман Юрченко, атаманъ городови переяславскій. Лаврентій Фомовичъ, войтъ маестрату переяславского. Евстафій Щирп, райца старши и на сей часъ бурмистръ рочный. Григорій Бартошевичъ, писаръ майстратови переясловскій.

А	М. П.	С	Р	М. П.	Ю	Переяславля. М. П. Печать владѣи
С	М. П.	П	А	М. П.	А	
				П		

Весь «тестаментъ» написанъ на пяти листахъ плотной бумаги и писанъ весь собственноручно завѣщателемъ, при чемъ первые три листа (до словъ: «і о семъ тутъ в моемъ тестаментѣ докладаю, же братамка моя Анна Берловна...») написаны крупнымъ четкимъ почеркомъ, а послѣдующая часть завѣщанія писана ускореннымъ уже почеркомъ, но тою же «власною» рукою Ивана Берла.

¹⁾ Т. е. для продажи (воловъ) въ Силезію.

Рисунокъ Новопетровскаго укрѣпленія

Т. Г. ШЕВЧЕНКА.

Приложенный въ этой книжкѣ рисунокъ Новопетровскаго укрѣпленія сдѣланъ Т. Г. Шевченко въ время его здѣсь жизни, продолжавшейся около семи лѣтъ (1850—1857 гг.). Пустынный видъ мѣстности требуетъ объясненія. Новопетровское укрѣпленіе находилось на восточномъ берегу Каспійскаго моря, на полуостровѣ Мангышлакъ. Мангышлакъ состоитъ изъ двухъ полуострововъ: Бузачи и собственно Мангышлака, раздѣленныхъ горами Акъ-Тау. Этотъ полуостровъ Мангышлакъ выдается въ море гористымъ мысомъ (Тюкъ-Караганъ), на оконечности котораго и находилось Новопетровское укрѣпленіе. Исторія послѣдняго такова. До 30-хъ годовъ настоящаго столѣтія сѣверо-восточный берегъ Каспійскаго моря представлялъ собою совершенную пустыню, въ которой только кочевали киргизы и отчасти туркмены. Мѣстность эта входила въ составъ оренбургскаго губернаторства, и въ 1832 г. оренбургскій губернаторъ гр. Сухтеленъ поручилъ офицеру Корелину обозрѣть сѣв.-восточн. берегъ Каспійскаго моря и выбрать тамъ мѣсто для постройки крѣпости. На выбранномъ Корелинымъ мѣстѣ, при заливѣ *Мертвый-Култукъ*, въ 1833 г. было устроено *Новоалександровское укрѣпленіе*. Мѣстность послѣдняго скоро оказалась почему-то неудобною, и въ 1839 году капитану, генер. штаба Широкову и капит.-лейтен. Бодиско поручено было поискать тамъ-же, на сѣв.-вост. берегу Каспійскаго моря, лучшее мѣсто для перенесенія туда укрѣпленія. На этотъ разъ выбрана была *Николаевская гавань* у мыса *Тюкъ-Караганъ* и въ 1845 году на этомъ мѣстѣ, „на высотахъ *Курганъ-Ташъ*“, и было устроено укрѣпленіе, получившее названіе *Новопетровскаго*, а Новоалександровское укрѣпленіе тогда же было упразднено ¹⁾.

¹⁾ *Топограф. и статист. описаніе восточнаго берега Каспійскаго моря, П. Ф. Бларажберга. Записки Русск. Геогр. Общ., кн. IV, (Спб. 1850), стр. 104—105.*

Возведенное на мысѣ Тюкѣ-Караганѣ укрѣпленіе одной стороною прилегало къ морю, а другой—къ степи, по которой отъ Мангышлака шла дорога на Хиву ¹⁾. Видѣ укрѣпленія съ этой стороны и нарисовалъ Т. Г. на прилагаемомъ рисункѣ. Пустыней вѣетъ отъ этого рисунка... Да пустыня, пустыня безжизненная—тутъ и была... Это была песчаная степь съ характерною своею растительностью: полынь, саксаулъ, солянка, верблюжья колючка—вотъ тѣ травы, которыя тутъ только и растутъ. Дѣйствительно это была *пустыниѣйшая пустыня*, какъ выразился о Новопетровскомъ укрѣпленіи ротный командиръ Т—са Гр—ча Косаревъ въ своемъ разсказѣ о возникновеніи этого укрѣпленія ²⁾.

Я имѣлъ возможность близко знать Ш—ка въ послѣдній годъ его жизни въ Петербургѣ. Въ первый разъ я увидѣлъ Т. Гр—ча, когда онъ пріѣхалъ весною 1858 г., изъ ссылки, въ Петербургъ. Пріѣхавъ сюда, онъ поселился въ квартирѣ у брата Мих. М—ча Л—аго, на Мойкѣ, въ домѣ графа Уварова. Въ этомъ-же домѣ жилъ и я, въ особой квартирѣ, рядомъ съ „музеемъ“ гр. Уварова, такъ какъ и музей этотъ, и петербургская библіотека ¹⁾ гр. А. С. Уварова находилась тогда въ моемъ *смотрительствѣ*. Живя съ младшимъ братомъ—студентомъ въ этой *музейной* квартирѣ, мы имѣли обѣды, или какъ говорятъ въ Кіевѣ—„столовались“, у М—ла М—ча. У него же обѣдалъ и Т. Гр—чъ. Каждый день за обѣдомъ сходились мы слѣдовательно съ Шевченкомъ и каждый день приходилось слушать намъ его одушевленную бесѣду, большею частью, впрочемъ, вертѣвшуюся на событіяхъ *дня*, на встрѣчахъ Ш—ка съ его старыми пріятелями и жалобахъ на постоянное пріобрѣтеніе новыхъ, слѣжившихъ знаменоватъ свое знакомство съ поѣтомъ дорогими обѣдами у разныхъ Дононовъ. Въ это время ежедневно почти встрѣчался я съ Т. Г. до лѣта 1858 г., когда, по окончаніи университета, переселился, вмѣстѣ съ му-

¹⁾ Ср. Кіевск. Стар. 1889 г., февраль, 299. Повидимому, Новопетровское укрѣпленіе описано здѣсь не вѣрно, такъ какъ оно находилось на берегу моря, (а не въ трехъ верстахъ отъ него), что подтверждаетъ и командиръ роты, строившей это укрѣпленіе: „море съ одной стороны, а пустыниѣйшая пустыня—съ другой“.

²⁾ См. выша прѣмѣч.

вѣемъ и библиотекою гр. Уварова, въ Москву. Сколько помню, въ эти первые мѣсяцы петербургской своей жизни Т. Гр—чъ велъ жизнь довольно разсѣянную, чему главною причиною было, повидимому, *неимѣніе своего ума*. Совсѣмъ другую жизнь повелъ Т. Гр—чъ, когда переселился въ Академію Художествъ, гдѣ ему отведена была въ длинномъ корридорѣ большая комната (съ антресолямъ), при чемъ на дверяхъ этой комнаты поэтъ написалъ мѣломъ—крупныхъ размѣровъ монограмму—Ш. (понимай: Т. и Ш.). Въ Академіи Художествъ засталъ я Т. Г—ча въ 1860 г., когда вернулся въ Петербургъ. Тогда же и братъ Мих. М—чъ перемѣнилъ уваровскую свою квартиру и поселился въ пятой (кажется) линіи В. О—ва, въ домѣ Воронина, какъ разъ противъ Академіи Художествъ. Вотъ въ это время мы опять стали ежедневно сходитьса съ Т. Г—чемъ за обѣдомъ у Мих. М—ча, у котораго „столовался“ и Т. Г—чъ, и я съ младшимъ братомъ-студентомъ. Помню хорошо это время, какъ бывало мы, съ младшимъ братомъ, голодные, ждали возвращенія старшаго брата со службы, чтобы приняться за ѣду... Вотъ въ эти моменты приходилъ къ обѣду и Т. Г—чъ. Входилъ онъ въ комнаты, обыкновенно, распѣвая какую-нибудь пѣсню; чаще всего пѣлъ онъ въ это время:

По надъ моремъ Дунаемъ
Витеръ яворъ хитае,
Витеръ яворъ хитае,
Маты сына пытае:
Ой сыну мій Иване,
Дитя мое кохаве.
Якъ я тебе родыла
Свитомъ важко нудыла и т. д.

Возвращался со службы братъ и вслѣдъ, затѣмъ, вынималась изъ буфета водка; наливались двѣ рюмки, одна для хозяина, а другая для Т. Г—ча. Мы съ братомъ „столовались“ *безъ водки*, чтó давало поводъ Т. Гр—чу, выпивая водку, замѣчать: „кто пьет, той крывается, а кому не даютъ, той дывытса“ и при этомъ бросать лукавый взоръ на *дывныцыхся*... Иногда Т. Г—чъ

²⁾ Была у гр. А. С. Уварова и другая, отцовская библиотека, эта послѣдняя тогда находилась въ наѣсткомъ его Порѣчьи.

при этомъ предстательствовалъ за послѣднихъ и обращаясь къ хозяину, говорилъ: „слухай, Михайло,—пехай уже и хлопци выпьють по чарочци“... За обѣдомъ обыкновенно начиналась бесѣда, въ которой первенствовалъ поэтъ, благодушно доказывая, напр., что А. Гумбольдъ не болѣе, какъ придворный угодникъ и напрасно-де его такъ прославляютъ... Мы, „хлопци“, начинали спорить, а этого, повидимому и хотѣлъ бывало Т. Г.—чѣ. Бесѣда оживлялась; „хлопци“ возвышали голосъ, а Т. Г.—чѣ, благодушно улыбаясь, подзадоривалъ...

Очень нерѣдко Т. Г. приходилъ къ обѣду съ листкомъ бумаги въ рукѣ; это были какіе-нибудь новые его стихи, написанные на оборотѣ пробнаго его-же офорта. Вотъ этотъ листокъ отдавалъ онъ обыкновенно одному изъ „хлопцивъ“ для переписки, оставляя имъ за трудъ свой автографъ. Большею частью Т. Г. отдавалъ при этомъ стихи для переписки младшему изъ „хлопцивъ“, потому-ли что онъ яспѣ писалъ, или потому, что онъ былъ благодушнѣе—не знаю...

Много лѣтъ прошло со времени этихъ ежедневныхъ встрѣчъ съ поэтомъ, но у меня и до сихъ поръ сохранилась ясная память о тогдашнемъ благодушіи Т. Г., о его живости, о его любвеобиліи... Какъ то легко и свѣтло было впечатлѣніе отъ общенія съ этимъ человѣкомъ... Живой человѣкъ, а не мертвый—былъ Т. Г. Ш—ко!

Новопетровское укрѣпленіе въ 1858 г. было переименовано въ *Александровскій фортъ*¹⁾, ставшій впоследствии административнымъ центромъ Мангышлакскаго уѣзда, въ которомъ и теперь осѣдлыхъ поселеній находится всего *два*: Александровскій фортъ да село Николаевское. Населеніе Ал—аго форта въ 1894 г., т. е. черезъ 50 лѣтъ послѣ его основанія, состояло только изъ 800 душъ.

¹⁾ Г. Заряко, записавшій воспоминанія Н. П. Усковой о Т. Г. Ш—кѣ, говоритъ, что Новопетровское укрѣпленіе, переименованное въ 1858 г. въ Александровскій фортъ, было въ 1865 г. упразднено и срыто.. „К. Ст.“ 1899 г., февраль, 313. Очевидно, что это ошибка; основанная на какомъ-то неутѣномъ сообщеніи. Очень хорошій рисунокъ *Александровскаго форта* приложенъ въ книгѣ *Галкина—Этнографич. и Историч. матеріалы по Средней Азии и Оренбургскому краю*. (Сиб., 1868 г., стр. 50).

Нарисовавъ Новопетровское укрѣпленіе „съ хивинской дороги“, Т. Г-чъ нарисовалъ его и со стороны моря. Оба рисунка находятся въ богатой *Шевченкоіанъ* В. В. Тарновскаго; объ этихъ рисункахъ, повидимому, говоритъ Кулишъ въ 1857 г., въ письмѣ къ ихъ теперешнему владѣльцу, совѣтуя купить рисунки: „Тарась у Ныжнѣму Н—ди... Приславъ сюды 17 аква-релей, котори представляютъ *уси тѣи стороны, по которымъ синъ блукавъ невольнымъ... Душа Тарасова въ тыхъ видахъ такъ и сыяе*“... ¹⁾ По словамъ В. В. Тарновскаго, рисунки эти тогда же были куплены его отцомъ и Г. П. Галаганомъ, по-поламъ.

Чепѣга, Головатый и Котляревскій на Кубани ¹⁾.

(1795—1798 гг.).

О первыхъ трехъ томахъ этого интереснаго *Сборника* мы подробно говорили годъ тому назадъ. Теперь появился въ печати четвертый томъ, по интересу напечатанныхъ въ немъ документовъ не уступающій первымъ тремъ. Содержаніе этого тома касается той же дѣятельности трехъ главныхъ устроителей запорожскаго «товариства» на берегахъ Кубани: Чепѣги, Головатаго и Котляревскаго. Главное вниманіе этихъ дѣятелей обращено было на устройство козацкаго хозяйства, причемъ старшина старалась расширить сельскую промышленность во всѣхъ ее видахъ возможныхъ, для данной мѣстности. Не забыты были, напр., и «виноградные сады». Въ іюлѣ 1795 г. Головатый пишетъ гр. Зубову: «Поселившіесь на островѣ Фанагоріи вѣрнаго войска Черноморскаго старшины и козаки, слава Богу, обзаводятся хлѣбопашествомъ и скотоводствомъ, но при томъ желаютъ, въ разсужденіи *плодovitой здѣсь земли*, обзавести вино-градные сады. О семъ вашему высокографскому сіятельству донеса, прошу всходатайствовать у милосердной нашей матери Великія Екате-рины, ради такова размноженія, Таврической области, въ Судаки виноградный *садокъ въ хозяйственное наше распоряженіе*» (стр. 47). Выгодно было запорожцамъ заняться тутъ хозяйствомъ потому, что

¹⁾ Киевск. Стар. 1899 г., янв., 81.

²⁾ Рецензія на книгу: „Сборникъ матеріаловъ по исторіи Кубанскаго Козацкаго Войска. Томъ IV-й. Собранны и издаванъ И. И. Дитренкомъ. Спб. 1898. 8 д. л. XX+497 стр.“.

земля дѣйствительно была *плодовита*; тотъ же Головатый и тогда же писалъ тому же Зубову: «*египетская* пшепча съ помощію Божіею выросла въ полтора аршина и посѣиваетъ...» Насколько земля была *плодовита*, настолько же и кубанскія воды были рыбообильны: «Кубань рѣка отъ частыхъ въ полѣ дождей, вскрытъ свои берега, разливается... Черезъ сіе разлитіе водъ за берегами показалось рыбы коропа такъ довольно, что козаки, содержащіе стражу, во время ихъ разѣядовѣ, *никами и кіями бьютъ* и употребляютъ въ пищу совместно съ *тетерею* казацкою, да и не голодны... Это опять пишетъ Головатый гр. Зубову ¹⁾ (49). Изобиліе всякаго рода рыбы давало возможность черноморской старшинѣ дѣлать крупныя посылки рыбныхъ приготовленій въ Петербургъ и надѣлать ими и на мѣстѣ нужныхъ людей, какъ видно, напр., изъ слѣдующаго письма къ Головатому подполковника Караева ²⁾: «Прибылъ я въ Царское Село 14-го минувшаго іюня (1795 г.). Рапорты ваши къ гр. Платону Ал—чу (Зубову) и *два колоса пшеницы* отдалъ исправно чрезъ Андреяна Мойсеевича Грибовскаго ³⁾... Икра ваша сколь много принесла мнѣ удовольствія, а паче тѣмъ, которые ѣли оную, и повѣрять трудно. Я подносилъ оную графу Александру Андреевичу Безбородку, Василию Степановичу Попову, пріятелю вашему Головцину (?), Андрею Ивановичу и многымъ, даже и женскимъ особамъ, въ *царскихъ чертогахъ пребывающимъ*... Всѣ спрашивали, каково вы поживаете, а Василий Степановичъ весьма доволенъ, что земли ваши весьма полезны и что вы бл гоустройствомъ неусыпно занимаетесь. ...Я, исполненный къ вамъ и къ Черноморскому войску непрерывнымъ усердіемъ монѣтъ... Тутъ не обинуясь говорю тоже самое, что и съ вами разсуждалъ относительно до государственныхъ пользъ, отъ Черноморскаго войска происходящихъ. Говорилъ и о томъ еще,

¹⁾ Объ изобиліи на Кубани всякаго рода животныхъ (кабаны, олени, козы), птицъ, рыбы, о разнообразіи растительнаго царства (персеки, абрикосы, кашгаш мидаль...) см. подробный перечень предметовъ фауны и флоры на Кубани—стр. 68—72. Отсюда видно, что по Кубани тогда водились и бобры, и казія то еще «видимыя» (ендри?), кожа которыхъ продавались по 7 р.—въ разсужденіи битвой на вѣхъ персти», т. е. такъ дешево...

²⁾ Караевъ командовалъ егерскимъ баталіономъ, стоявшимъ въ «старой» Тамавѣ, вѣроятно, на всякій случай.. Стр. 108.

³⁾ Два колоса пшеницы (вѣроятно египетской) посланы были Голсуватимъ, какъ видно для поднесенія императрицѣ чрезъ А. М. Грибовскаго, который «состоялъ при особѣ» Екатерины II, и былъ потомъ пожалованъ въ званіе стиска-секретаря. См. Замѣтка А. М. Грибовскаго, напечатанная въ январской книжкѣ Русск. Арх. за настоящій годъ.

на сѣверъ настоятельскій келій. Все вышеозначенное строеніе покрыто шелевою сосновою. 7-е, оградою вся пустынь досками сосновыми кругомъ по плану ограждена, съ двумя вратами: 1, съ приѣзду отъ запада на востокъ, противъ соборной церкви (имѣющейа быть) врата украшены святыми иконами и 2, съ востока на западъ для въѣзда и привозу разныхъ надобностей. Нынѣшнюю весну не строился, а просидѣлъ въ уныніи, наконецъ скучилъ в началѣ 8 е, сего іюля 8 дня, за Божіей помощію, заложилъ по члноположенію церковному и началъ строить братскія рядовыя келіи, длиною въ 30 сажень отъ запада на востокъ, на сѣверной странѣ, и надѣюсь на вину достроиться, только будетъ остановка въ кирничѣ для трубъ. Нѣту того милостивца, у котораго можно бы было выпросить, а у остающихся правителями и за деньги не отпустить. Оія келіи по одному вмѣстятъ 16 человекъ. *Ризница Кіево-Межигорская со всею бібліотекою при описи отдана покойнымъ княземъ Потемкинымъ покойному пресвященному Амвросію и нынѣ хранится у новороссійскаго и днѣпровскаго митрополита Гаврііла.* Я совершенно знаю (?) которую я, ежемѣсячно будучи въ Полтавѣ, нарочито смотрѣлъ съ сердечнымъ сожалѣніемъ. Постарайтесь, Бога ради, выпросить, ибо она тамъ вовсе ненадобна и лежитъ подъ спудомъ. Явите ея на свѣтъ. Митры я и по нынѣ не имѣю и надѣюсь, что она отдѣлана, прошу покорно черезъ оказію прислать...» (347). Это письмо устроителя Лебязьей пустыни дало поводъ Котляревскому обратиться въ синодъ съ слѣдующимъ ходатайствомъ: «Извѣстился я, что упраздненнаго Кіево-Межигорскаго Преображенскаго монастыря ризница и бібліотека находятся подъ сохраненіемъ новороссійскаго и днѣпровскаго митрополита Гаврііла безъ употребленія, а какъ нынѣшнее Черноморское войско, составленное изъ Запорожскаго войска, которое во время существованія Сѣчи было оному монастырю укладчикомъ, на вновь пожалованной ему землѣ по высочайшему совзволенію Екатерино-Лебязскую Николаевскую монастырскую пустынь сооружаетъ, то для вспоможенія оной пустыни объ отдачѣ войску тѣхъ ризницы и бібліотеки святѣйшаго правительствующаго синода покорнѣйше прошу учинить милостивое разсмотрѣніе» (349). Синодъ удовлетворилъ ходатайство Котляревскаго, но только относительно той части ризницы сѣчевой церкви, которая хранилась въ Невской Лаврѣ, и объ остальной ризницѣ предложилъ Котляревскому представить болѣе точныя свѣдѣнія—гдѣ она находится. Наведенныя справки указали,

что большая часть сѣчевой ризницы хранилась въ Новомиргородскомъ монастырѣ ¹⁾; тутъ же оказалась и ризница межигорская, между вещами которой оказались, между прочимъ, сабля и перначъ Семена Палия (268). Изъ сѣчевой церкви въ Н. Миргородѣ оказалось: «евангелій 11, ризъ болѣе ста, книгъ церковныхъ болѣе 300». Многія вещи изъ этой ризницы были розданы Потемкинымъ въ другія церкви; часть онъ подарилъ въ Николаевъ, въ соборную церковь: «сѣчовое евангеліе одно, крестъ золотой одинъ и десять ризъ парчевыхъ богатыхъ». Послѣ многихъ стараній «Черноморскому войску» удалось выхлопотать возвращеніе, повидному, значительной части бывшей сѣчевой ризницы; подробный списокъ предметовъ этой ризницы напечатанъ на стр. 269—273. Между евангеліями обращаетъ на себя вниманіе евангеліе, пожертвованное въ сѣчевую покровскую церковь въ 1763 г. тогдашнимъ войск. судьей Петромъ Калишевскимъ (позже—кошевымъ). Евангеліе это «съ серебромъ, камнемъ и поволотою» оцѣнено въ 1025 рублей. Тутъ же въ спискѣ показаны: «шотарь, тарелочка, звѣзда, лжица и коніе, оказавшіеся въ 1793 году при *экипажѣ* покойнаго князя Потемкина». На устройство «пустыни» «войско» отпустило изъ своей казны тридцать тысячъ, кромѣ мельницъ, рыбныхъ заводовъ, пчелъ и разнаго скота. Въ 1799 г. Котлиревскій очень заботился объ упорядоченіи монастырскаго хозяйства и сдѣлалъ распоряженіе о приведеніи въ точную извѣстность монастырскаго имущества (384 и 390) ¹⁾.

Устройство кубанскихъ колонистовъ шло нормальнымъ путемъ до января 1797 г., когда почти въ одно время умерли *столпы* «войска» — кошевой Чепѣга (16 января) и судья Головатый (28 января). Несомнѣнно, что оба эти лица положили много труда на устройство запорожской колоніи на берегахъ Кубани и будущій ея историкъ подробно опишетъ эти заслуги. Здѣсь же скажемъ, что Чепѣга и Головатый, преслѣдуя одну цѣль, принадлежали къ совершенно различнымъ типамъ *Чепѣга* сохранилъ черты запорожца старыхъ временъ; онъ, повидному мало заботился о личныхъ своихъ

¹⁾ Заштатный городъ Новомиргородъ находится въ Елизаветгр. уѣздѣ. Монастырь, кажется, теперь не существуетъ.

²⁾ О теперешнемъ состояніи Лебашей пустыни см. Ставроп. Епарх. Вѣдом. 1898 г., № 24. Какъ извѣстно, съ 1849 г. у кубанцевъ существуетъ и женскій монастырь—*Маріинская пустыня*. О ней см. тамъ-же, стр. 1237—1240.

дѣлахъ, можетъ быть потому, что остался пежепатнымъ, въ то время какъ Головатый, ревнуя объ устроеніи «войски», не забывалъ и лич-ныхъ интересовъ.—Чепѣга очень хорошо характеризуется изъ его письма, писаннаго въ мартѣ 1796 года, къ Головатому ¹⁾, послѣ польскаго съ Суворовымъ похода. Приводимъ здѣсь полностью это письмо. «Благодарствую вамъ покорно за добрыя желанія ваши и за поклоны отъ почтеннѣйшей *супруги вашей Ульяны Григорьевны*, любезныхъ сыновъ и дочерей вашихъ, въ письмѣ своемъ отъ 8 февраля пзъясняемыя. Миѣ пріятно, что Богъ послалъ вамъ такихъ любезныхъ дѣтей, дай Боже, щобъ здорови да долголѣтти булы.

Походъ въ Польшу былъ, слава Вседержителю нашему Богу, благополучный. Корпусъ нашъ подъ начальствомъ генерала Дерфельдена шелъ до Слонима и мы, бывши съ польскими мятежниками на восьми небольшихъ сраженіяхъ, гнали ихъ, какъ зайцевъ ажъ до самой Праги, что насунутогнъ столичнаго города Варшавы, и тутъ уже, по соединеніи съ батькомъ графомъ Александромъ Васильевичемъ Суворовымъ-Рымпиевскимъ, обступивши, доклали воза и всѣхъ непріятелей, въ Прагѣ бывшихъ, выкололи, а решивку (решту?) вытопили въ Вислѣ. Тутъ ихъ наклали, такъ какъ мосту. На Варшаву, какъ учили съ гарматъ стрѣлять и влучать ²⁾ по королевскихъ будинкахъ, такъ вона заразъ и сдалась. Послѣ сего все ихъ людское воинство истреблено, а жители обезоружены, для лучшаго же увѣренія прилагаю у сего конію съ письма ихъ польскаго короля Станислава, писаннаго къ государынѣ въ 1794 году. Батько нашъ графъ Александръ Васильевичъ, также бачу, по нашему лиховъ не любить, и я думаю, ихъ (ишь?) Польша сего госта повѣкъ не забуде. *Вы рекомендуете дочку Лидію въ невесты*. Благодаренъ Вамъ, пусть буде здорова и премноголѣтти. Жаль, что изъ Польши пришовъ, такъ доси не ожинився, все тымъ, що нема счастья. Особливо въ Польшѣ хотѣлось поладчу забрать, такъ никого было въ старости взиты. Не знаю, какъ дале уже буде. Я и тутъ надвляюсь

¹⁾ Въ текстѣ „Сборника“ письмо это означено адресованнымъ какому-то *Петру Михайловичу NN*, но, повидимому, адресатъ здѣсь обозначенъ ошибочно, такъ какъ женою его называется Ульяна Григорьевна, а это была жена Головатого, какъ видно изъ словъ его невестки, приводимыхъ на стр. 285.

²⁾ *Влучать* значить мѣтять, попадать. Видимо, что слово это и теперь живущее происходитъ отъ слова *лучъ*, стрѣльм котораго влучади въ цѣль.

сватать княгиня черкеская у горских князей. Во время слѣдованія моего съ полками, въ октябрѣ мѣсяцѣ, съ Польши, имѣлъ случай въ почтенной матушки вашей Булацельшѣ быть, гдѣ и съ нѣхъ любезнымъ шуриномъ вашимъ угощенъ былъ отъменно, и не только мы всѣ камланіемъ, но и кони ваши были довольны, что мнѣ чрезвычайно пріятно было, за что и вамъ, равно и Ульянѣ Григорьевнѣ усердѣйше благодаренъ ¹⁾ (116).

Головатый имѣлъ большую семью и старательно заботился объ ея обеспеченіи. При описи имущества Головатого, послѣ его смерти, оно было оцѣнено въ 215 тысячъ рублей. При его дер. Веселой значилось земля 35 тыс. десятинъ и крестьянъ 49 д. об. п. ²⁾ Любопытно, что когда въ январѣ 1796 г. Зубовъ приказывалъ Чепѣгѣ отрядить въ персидскій походъ «тысячу самыхъ отборныхъ молодцевъ съ добрыми старшинами» (163), то въ то же время извѣстный Грибовскій писалъ Головатому: «его с—во гр. Пл. Ал—чѣ пишетъ къ вамъ (т. е. передаетъ черезъ Грибовскаго) чтобы вы, *если хотите*, шли съ командою въ Астрахань (т. е. въ персидскій походъ), по сіе предоставляетъ собственно на волю вашу и отнюдь вамъ въ вину не поставится, *если вы останетесь дома. Я говорю вамъ то, что знаю*». (163). Не смотря на это письмо, Головатый «за особое счастье и долгъ поставилъ самъ себя къ сему походу приготовить и въ февралѣ 1796 г. повелъ въ походъ два полка «отборныхъ молодцевъ». Почти годъ пробылъ Головатый въ этомъ походѣ и «имѣя

¹⁾ Отсюда можно думать, что жена Головатого была рожденная Булацель.

²⁾ Слѣдуетъ думать, что эта д. Веселая находилась гдѣ нибудь въ Херсонской губерніи, въ которой съ этимъ названіемъ селъ существуетъ не меньше десятка. Часть крестьянъ изъ Веселой Головатый перевелъ на Кубань и здѣсь ихъ «отпустилъ свободно», какъ это видно изъ сообщенія Котляревскаго, который въ 1798 г. писалъ, что «Головатый за жизнь при разговорахъ съ покойнымъ кошевымъ Чепѣгомъ о удерживаемыхъ многими помѣщиками людяхъ, сему войску (Кубанскому) принадлежащихъ, многократно напоминалъ объ оныхъ людяхъ тако: „я же своихъ людей, по желанію ихъ, вышедшихъ въ Черноморское войско на службу государеву, не только бывшихъ запорожцевъ, но какіе бы они не были, за ихъ усердіе въ службѣ, отпустилъ свободно. Чему соответствуя и кошевой Чепѣга про своихъ подданныхъ людей тоже самое говорилъ“. (331). Изъ этого любопытнаго свидѣтельства, видно, что послѣ разоренія сѣчи многіе запорожцы были сначала запасы въ „подданные“, а потомъ, конечно, и закрѣпощены. Какъ видно и у Головатого были „подданные“ изъ запорожцевъ.

командированіе каспійскимъ флотомъ на Кизиль-Агацкой рейдѣ и войсками на полуостровѣ Камышеванн состоящимъ, генваря въ 28, день скончалъ жпвотъ свой, а 29 съ отличною церемоніей отъ морскихъ и сухопутныхъ силъ погребенъ» (223).

Такимъ образомъ основателю Кубанской колоніи запорожцевъ пришлось сложить голову на далекомъ и пустынномъ берегу Каспійскаго моря, гдѣ могла его, конечно, сразу была потеряна. Вѣсть о смерти Головатаго дошла до Петербурга не скоро, такъ какъ 21 марта 1797 г. подписанъ былъ указъ сенату о «пожалованіи войскового судьи бригадира Головатаго кошовымъ атаманомъ войска Черноморскаго». (243). Какъ видно, назначеніе это послѣдовало въ силу той извѣстности, которою Головатый пользовался не только дома, но и въ Петербургѣ. Но конечно вѣсть о смерти Головатаго въ столицу дошла вслѣдъ засилья, и кошовымъ былъ пожалованъ войскаписарь Котляревскій. При немъ положеніе общественныхъ дѣлъ въ Кубанскомъ «войскѣ» круто измѣнилось. Котляревскаго не любили вообще, не любили его умершіе Чепѣга и Головатый; не любило его и все «войско». Повидимому, склонность къ интригѣ Котляревскаго была главною причиною этой нелюбви. Котляревскій назначенъ былъ кошовымъ лѣтомъ 1797 г., а черезъ годъ, лѣтомъ 1798 г. «черноморское войсковое правительство» доносило между прочимъ этому кошовому: къ первому стѣсенію сего войска, которое за прежнихъ начальниковъ кошового Чепѣга и судьи Головатаго разными обстоятельствами *претерпѣло въ состояніи своемъ великое разореніе* такъ что и вѣрныя ему границы въ разсужденіи малаго его (войска) количества и крайней скудости защищаеть съ нуждою, *о чемъ ваше в. благородіе, будучи извѣстны, и его и. величеству всеподданнѣйше донесли, какъ и сіе правительство увѣдомили...* (319). Видно, что донесеніе это писано по внушенію Котляревскаго, который при всякомъ удобномъ случаѣ набрасывалъ тѣнь на дѣятельность умершихъ Чепѣга и Головатаго (426), а иногда указывалъ факты будто бы несомнѣнныхъ ихъ преступленій (441). Непріязнь «войска» къ Котляревскому рѣзко выразилась при волненіяхъ козаковъ, вернувшихся изъ персидскаго похода, которые претендовали за какія-то «обиды, претерпѣнныя въ персидскомъ походѣ» (409). Котляревскій не смогъ успокоить этого «бунта» именно вслѣдствіе не популярности среди козаковъ, которые, вовсе не хотѣли признавать его кошовымъ.

Когда для усмиренія «бунта» прибылъ въ Екатеринодаръ полковникъ Пузыревскій (присланный изъ Петербурга собственно для инспектированія на югѣ кавалерійскихъ полковъ), то, по словамъ самаго Котляревскаго, „бунтующихся козаковъ благоразумными совѣтами смприлъ; а когда на другой день, при собраніи у войсковой церкви, тотъ полковникъ объявилъ козакамъ, что его, Котляревскаго, его и. величество пожаловалъ войсковымъ атаманомъ, то они первѣе всего громко, единогласно и многократно кричали такъ: «не хотимъ, чтобъ онъ, Котляревскій, былъ намъ атаманомъ!... За что же они намъревали меня не принять начальникомъ, а стремились убить, а знать не могу»... (Стр. 425—27). Объ этомъ событіи подробно потомъ доносило «войсковое правительство» въ военно-судную комиссію (въ апрѣлѣ 1798 г.), при чемъ народное недовольство противъ Котляревскаго выражалось въ такой формѣ криковъ: «пуцайде уже Котляревскій пануе, покуда мы его кое-какъ избудемъ, ибо онъ у насъ не будетъ долго пановати» (455). «Тѣсно стало Котляревскому въ войскѣ отсюду» (427) и онъ уѣхалъ въ Петербургъ «для испрошенія о войсковыхъ нуждахъ высочайшей милости» (428). Въ Петербургѣ же Котляревскій писалъ свои объясненія противъ жалобъ на него «бунтовщиковъ» (331). Въ Петербургѣ Котляревскій нашелъ друзей въ лицѣ такихъ ловкихъ царедворцевъ, какъ, напр., гр. Морковъ, (457) и вернулся на Кубань въ декабрѣ 1798 г. съ большими полномочіями, при чемъ, для особой помпы этого возвращенія, въ Екатеринодарѣ устроена была такая встрѣча возвратившемуся «атаману»: «Командиры войска честь ему отдали, семъ разъ выстрѣлено изъ пушекъ, съ знаками и знаменами, церковными знаками, войсковыми то-жъ, и священники съ полнымъ церковнымъ уборомъ его Котляревскаго встрѣтили, да еще по повелѣнію священника войсковые дьячки пѣли воскресный тропарь Котляревскому— «днесъ спасеніе міру бысть, поемъ воскресшему изъ гроба и начальнику жизни нашея, разрушивъ бо смертію смерть, поѣду даде намъ и велию милость» (485). «Велия милость» между прочимъ заключалась и въ томъ, что Котляревскому дано было въ столицѣ право «уничтожить въ войскѣ великое разстройство и беспорядокъ» и «исправить оное на истанный путь повеновеніемъ власти» (457). Для этого Котляревскій рѣшилъ прежде всего перемѣнить куренныхъ атамановъ и избрать новыхъ изъ «честнаго и самонадежнѣйшаго об-

щества». «Для чего почитаю за нужное быть въ каждомъ куренѣ атаманомъ, ирпѣрно бывшимъ въ войскѣ запорожскомъ, вѣжливымъ, расторопнымъ, разумѣющимъ страхъ Божій, страхъ государевъ и грозящіе его законы, также вопиющую службу и хозяйственное распоряженіе» (340). Но «воиско» и тутъ заявило свой протестъ противъ Котляревскаго, называя его «самованцомъ и бѣглецомъ», такъ какъ не повѣрило тому, что онъ по высочайшему повелѣнію «пожалованъ войску Черноморскому въ войсковые атаманы, произведенъ генералъ-майоромъ и отправленъ для управленія своимъ войскомъ» (458). Такъ писалъ самъ Котляревскій въ январѣ 1799 г. Впрочемъ «благочиняющее общество» козаковъ должно было покориться Котляревскому, и онъ началъ безпрепятственно «существовать въ войскѣ разстройствомъ и безпорядкомъ». Но кажется, что усердіе Котляревскаго перешло пужную мѣру, такъ какъ въ февралѣ 1799 г. на его имя данъ былъ слѣдующій рескриптъ императора Павла: «Господинъ генералъ-майоръ Котляревскій! По полученному мною донесенію вашему отъ 14 февраля, повелѣваю вамъ никакихъ перемѣнъ не дѣлать во вѣранныхъ вамъ Черноморскихъ войскахъ, которыхъ хочу оставить въ томъ же положеніи, какъ были при посещеніи моемъ на всероссійскій престолъ» (255).

Изъ приведенныхъ выпусковъ видно, какія научно-интересныя свѣдѣнія для исторіи Кубанской колоніи запорожцевъ заключаются въ четвертомъ томѣ «Сборника матеріаловъ». Издатель послѣдняго конечно, заслуживаетъ полной благодарности за обнаруженіе такихъ важныхъ матеріаловъ; но вмѣстѣ съ тѣмъ нельзя не пожалѣть, что г. Дмитренко и въ теперь изданномъ томѣ, какъ и въ первыхъ трехъ, опускаетъ *надписи* и *подписи* въ напечатанныхъ бумагахъ. Эти опущенія затемняютъ значеніе нѣкоторыхъ бумагъ и являются причиною недоразумѣній, какое встрѣчаемъ, напр., въ письмѣ Чепѣги (№ 125) которое, повидному, писано было вовсе не къ Петру Михайловичу Н. Н., какъ значится въ книгѣ.

Будемъ ожидать послѣдующихъ томовъ „Сборника“, такъ какъ кубанскій войсковой архивъ, повидному, хранитъ въ себѣ богатый запасъ «матеріаловъ».

ЗАМѢТКИ О ПОРТРЕТАХЪ МАЗЕПЫ.

(По поводу Норбленовской гравюры).

Какъ ни странно, но мы до сихъ поръ не знаемъ досто-
вѣрнаго портрета Мазепы. Обыкновенно мы видимъ *настоящую*
Мазепу на томъ портретѣ, который былъ приложенъ къ пер-
вому изданію (1822 г.) Исторіи Малой Россіи Бант.-Каменскаго.
Портретъ этотъ взятъ изъ собранія Бекетова ¹⁾.—Гдѣ же сви-
дѣтельство, что называемый здѣсь портретъ Мазепы дѣйстви-
тельно изображаетъ Мазепу?—Мы не знаемъ, а можемъ лишь
привести слѣдующія соображенія. Въ *Иллюстраціи* за 1847 г.
напечатана гравюра НК. (Куренкова?) Мазепинаго портрета
того самаго, который напечатанъ и у Бекетова, и у Бант. Камен-
скаго (кафтанъ на груди украшенъ позументами), но съ добав-
леніемъ, что это копія съ портрета, находящагося въ академіи
художествъ. Какой же портретъ Мазепы находится въ акаде-
міи художествъ?—Вотъ справка по этому вопросу г. Кибальчича.
Въ записяхъ академіи объ этомъ портретѣ значится: „ импера-
торская академія художествъ. Галлерей русской живописи № 2.
Портретъ наполеона гетмана малороссійскихъ войскъ. Гетманъ
изображенъ съ непокрытою головою и съ лицомъ, обращеннымъ
нѣсколько влѣво; на немъ голубоватая нижняя одежда и раз-
стегнутый коричневый кунтушъ, обложенный золотымъ *позу-
ментомъ.* Грудное изображеніе.—Вѣроятно, это портретъ Ско-
ропадскаго. Художникъ имѣлъ случай написать его въ бытность
гетмана при дворѣ въ Москвѣ, въ 1722 году. *Долго слылъ
за портретъ Мазепы.*—Портретъ работы Ив. Макс. Ни-
китина, род. не позже 1690 г., а ум. послѣ 1744 г.“ ²⁾.

¹⁾ Бекетовское собраніе малорусскихъ портретовъ издаю въ 1844 г. подъ
заглавіемъ: „Изображенія людей знаменитыхъ или чѣмъ либо замѣчательныхъ, при-
надлежащихъ по рожденію или заслугамъ Малороссіи“. М. 1844. 4 д. л. Предис-
ловіе къ этому изданію состоитъ изъ двухъ строкъ: „Эти портреты заимствованы
изъ собранія покойнаго П. П. Бекетова, также какъ и портреты именитыхъ мужей
россійской церкви“.

²⁾ Киевск. Стар. 1883 г., № 7, 595.

Отсюда слѣдуетъ, что тотъ портретъ якобы Мазепы, который наиболѣе распространенъ со страницъ трехъ изданій „Исторіи Малой Россіи“—вовсе не портретъ Мазепы, а только лишь слылъ за таковой. По крайней мѣрѣ, онъ никогда не имѣлъ надписи или подписи, указывающей на Мазепу. Значить, дѣйствительнаго Мазепу нужно искать въ другихъ изображеніяхъ. Прежде, чѣмъ говорить о другихъ портретахъ Мазепы, скажемъ, что о нихъ заключается въ классической книгѣ Ровинскаго—*Подробный словарь русскихъ гравированныхъ портретовъ* ¹⁾. Ровинскій различаетъ пять типовъ Мазепинныхъ портретовъ:

1. *Тарасевича*, въ гравюрѣ его 1696 г., посвященной Шереметеву. Ровинскій полагаетъ, что имѣющееся на этой гравюрѣ изображеніе рыцаря въ латахъ изображаетъ Мазепу, а не Шереметева; съ этимъ трудно согласиться, имѣя въ виду, что „Вирши“ поднесены Тарасевичемъ Шереметеву, а не Мазепѣ, почему вѣроятнѣе здѣсь видѣть Шереметева, а не Мазепу (У Ровинскаго—*Мазепа 1*).

2. *Вишуры*, на кievской его гравюрѣ 1706 г., въ латахъ и шлемѣ, съ бородою. (У Ровинскаго, въ Словарѣ—*Мазепа 2*, а въ *Матеріал. для русск. иконографіи*, № 33).

3. *Бекетовскій*, тотъ, что у Бекетова и Бант.-Каменскаго, о которомъ сказано у насъ въ началѣ.

4. «*Съ рисунка 1796 г.*», въ латахъ, съ булавою въ рукѣ. (У Ровинскаго, въ Словарѣ—*Мазепа 7*, а въ *Матер. для русск. иконографіи*—№ 221).

5. *Норбленовскій*. У Ровинскаго, въ Словарѣ—*Мазепа 13*, а въ *Мат. для русск. икон.*—№ 222.

Къ этому списку портретовъ прибавимъ еще два: а) тотъ, который приложенъ къ № 1-му Кіевск. Стар. 1887 г., святыи съ рисунка, находившагося на одной изъ стѣнъ большой церкви Кіевской лавры, [объ этомъ портретѣ Ровинскій упоминаетъ лишь вскользь] и б) портретъ Мазепы, имѣющійся на иконѣ

¹⁾ Слб., 1887. Четыре тома. О портретахъ Мазепы—во 2-мъ томѣ, стр. 1209--1217.

Покрова Божьей Матери, находившейся прежде въ Покровской Переяславской церкви, а въ 1886 г. принесенной преосв. Иоанпомъ въ даръ вел. князю Николаю Николаевичу.

Мы не будемъ говорить о портретѣ Тарасевича, потому что нѣтъ достовѣрнаго свѣдѣнія о томъ, что здѣсь изображенъ именно Мазепа, а не Шереметевъ.

Изображеніе Мазепы на гравюрѣ Вигуры не можетъ представлять дѣйствительнаго портрета, потому что здѣсь имѣлось въ виду изобразить апотеозъ гетмана, какъ покровителя Кіево-братской школы, зданія которой на гравюрѣ занимають главы ое мѣсто. Но въ гравюрѣ Вигуры для насъ важно, что она отпечатана въ Кіевѣ, въ 1706 г., т. е. при живомъ Мазепѣ, которому гравюра несомнѣнно была и поднесена. На этой гравюрѣ Мазепа изображенъ *съ бородою*.

Есть еще подобное Вигуринскому изображеніе Мазепы—на рѣдчайшей гравюрѣ—Галяховскаго, 1708 г. [См. Кіевск. Стар., 1890 г., янв., 57]. Мы видѣли карандашную копию этой гравюры у Е. Н. Скаржинской; оказывается, что это опять таки апотеозъ, а не портретъ; борода у Мазепы и здѣсь ясно видна.

Переходя къ портрету, обозначенному у Ровинскаго—„съ рисунка 1796 г.“, мы должны сказать, что оригинала это о рисунка Ровинскій не зналъ, а между тѣмъ онъ извѣстенъ. Портретъ этотъ напечатанъ въ первый разъ въ 1704 году, въ тогдашнемъ, повидимому, политическомъ ежегодникѣ—*Die Europäische Fame*, откуда былъ перепечатанъ въ извѣстномъ польскомъ сборникѣ тридцатыхъ годовъ *Przyjaciel Ludu* [1835 г., № 22] ¹⁾. И этотъ портретъ Мазепы для насъ очень важенъ потому, что онъ изданъ при живомъ Мазепѣ и изображенъ *съ бородою*.

Норбленовская гравюра изображаетъ Мазепу въ совсѣмъ особомъ видѣ: въ шапкѣ съ перьями, безъ усовъ и съ бородою, раздвоеншеюся на два длинные клина. Норбленъ, бургундецъ по рожденію [род. 1745 г. † 1830 г.], живописецъ по занятію,

¹⁾ Слѣдуя Ровинскому, О. М. Уманецъ (стр. 419) думаетъ, что этотъ портретъ Мазепы писанъ въ 1796 г., Вуцел'емъ.

нымъ именемъ портрету Мазепы въ лаврѣ!.. Намъ могутъ замѣтить, что сохранялся же до в. XVIII в. портретъ Мазепы, нарисованный въ Братскомъ монастырѣ, возлѣ дверей,“ о которомъ любопытнсе свидѣтельство Берлинскаго сохранилъ г. Цимбалистовъ (К. Ст. 1887 г., янв., 371). Но вѣдь еще вопросъ что это былъ за портретъ, описанный такъ: „съ бородою и усами сѣдыми, съ густыми и большими бровями, *въ зеленой шинели съ небольшимъ воротникомъ, собою очепь прекрасень...*“ Вѣдь легко могло случиться, что этотъ портретъ, потомъ „разбитый“ митропол. Самуиломъ, только слылъ за Мазепинъ... Ни о какихъ атрибутахъ его власти здѣсь не говорится и дѣйствительнаго гетмана въ немъ не видно.. Не говоритъ г. Цимбалистовъ, чтобы этотъ портретъ имѣлъ и подпись. А лаврскій портретъ судто-бы сохранялъ подпись до недавнихъ дней... Мы не вѣримъ, чтобы эта подпись дѣйствительно существовала, и думаемъ, что она явилась со словъ людей, которые, имѣя о Мазепѣ и о его времени *самыя смутныя понятія*, не затруднились удостовѣрять предъ Ѡ. Г. Лебедвинцевымъ и существованіе той подписи, которая подкрѣпляла ихъ личное свидѣтельство о портретѣ... Наконецъ, почему же на этомъ портретѣ нѣтъ никакихъ атрибутовъ, указывающихъ на „высокое положеніе лица, съ котораго писанъ портретъ?“ Вѣдь этихъ атрибутовъ не имѣетъ только Бекетовскій портретъ, но это же и не Мазепа... а то или булава, или какая-то медаль, украшающая Норбленовскій портретъ, несомнѣнно служатъ указаніемъ на „высокое положеніе лица“, съ котораго писанъ портретъ. Фактъ возможности найти портретъ Мазепы на стѣнахъ великой лаврской церкви былъ слишкомъ заманчивъ, и покойный редакторъ Кіевской Старины поддался искушенію явить такой портретъ на страницахъ своего журнала... Для убѣдительности въ автентичности портрета издатель его указываетъ на сходство этого портрета съ *неизвѣстными* «изображеніями Щирскаго»¹⁾. Мы тогда же возра-

¹⁾ Гравюры Щирскаго указаны въ словарѣ гравиров., прилож. къ книгѣ Ровинскаго — „Русскіе граверы и ихъ произведенія“ (М. 1870), стр. 363. Никакихъ „изображеній“, указывавшихъ бы на Мазепу, въ перечнѣ гравюръ Щирскаго — нѣтъ.

жали покойному *Θ. Г. Лебединцеву* прстивъ печатанія этого якобы мазепинаго портрета, указывая на то, что никакимъ образомъ портретъ Мазепы не могъ сохраниться на стѣнахъ лаврской церкви, да и *гетмана* не видно на этомъ портретѣ... Но редактору видимо хотѣлось украсить свой журналъ...¹⁾ Такимъ образомъ, никакой достовѣрности этотъ лаврскій портретъ Мазепы, по нашему мнѣнію, не имѣеть²⁾.

За симъ еще есть одинъ портретъ Мазепы, сохранившійся на иконѣ Покрова Божьей Матери, нынѣ принадлежащей вел. князю Николаю Николаевичу, а прежде находившейся въ Покровской Переяславской церкви. Объ этой иконѣ извѣстный *А. Терещенко* записалъ, лѣтъ около 50-ти назадъ, такое преданіе, что эту икону заказывалъ переяславскій полковникъ *Мировичъ*, близкій родственникъ Мазепы, для Покровской переяславской церкви, которую онъ строилъ въ первыхъ годахъ XVIII столѣтія. По записи *Терещенка*, на этой иконѣ, по заказу полковника, изображены: *Петръ В.*, супруга его *Екатерина Мазепа*, *Θеофанъ Прокоповичъ* и друг. неизвѣстныхъ лица³⁾, *Петръ В.* на этой иконѣ изображенъ въ латахъ; рядомъ съ нимъ—*Екатерина I*, съ вѣромъ въ рукахъ; сзади *Петра* долженъ быть *Мазепа*—подстриженъ веружокъ, съ усами; за *Екатериной*—двѣ придворныя дамы, а сзади ихъ—двѣ *паніи* въ ко-

да ихъ и не было. Не хотѣлъ ли покойный издатель портрета назвать здѣсь *Тарасевича*?

¹⁾ Изданіе этого портрета вызвало тогда же возраженіе въ *Кіевлянинѣ* (1887 г., № 6), принадлежащее, какъ намъ извѣстно, покойному проф. *В. А. Бецу*. Возражая редактору *К. Старину*, *Бецъ* указывалъ на другой, болѣе достовѣрный портретъ Мазепы, именно на гравюру *Норблена*, находившуюся въ коллекціи проф. *Чугаевска*, а потомъ доставшукся ему, *Бецу*. Покойный профессоръ очень желалъ издать фототипный снимокъ съ этой гравюры и уже было приготовилъ для этого негативъ... Съ этого негатива, любезно переданнаго намъ вдовою профессора *Д. Ш. Бецъ*, мы и сдѣлали прилагаемый здѣсь снимокъ. *Г. Уманецъ* говоритъ, что на этой гравюрѣ нѣтъ надписи: „*Мазера aetatis 78*“. Обозначенія лѣтъ на нашемъ негативѣ нѣтъ, вѣроятно не отпечаталось.

²⁾ Того же мнѣнія объ этомъ портретѣ и *Θ. М. Уманецъ*. См. его монографію о *Мазепѣ*, стр. 417.

³⁾ См. „*Малороссійское преданіе объ образѣ Покрова Божьей Матери и иконѣ гетмана Мазепы предъ Покровскою церковью въ Переяславѣ*“. *А. Терещенка*. Русск. Арх. 1865 г., стр. 318—322.

рабликахъ. Эти кораблики собственно и указываютъ на мѣстное происхожденіе иконы, такъ какъ фигура предполагаемаго Мазепы заслонена царемъ и поэтому одежды гетмана почти не видно ¹⁾. Говорить о какомъ либо сходствѣ этого портрета мы не будемъ уже и потому что трудно что-нибудь сказать и о сходствѣ нарисованнаго здѣсь Петра В., который представляется ужъ очень молодымъ... Хотя, напр., портретъ Екатерины I сдѣланъ мастерски: мы видимъ несомнѣнно красивую женщину, нарисованную опытною рукою. Относительно этого Мазепинаго портрета можно сказать только, что Мазепа здѣсь безъ бороды. Борода Мазепы на его портретахъ возбуждаетъ у нѣкоторыхъ сомнѣніе... Такъ, напр., и Ровинскій готовъ заподозрить сходство съ оригиналомъ Норбленовской гравюры—только изъ-за бороды. Намъ кажется, что борода Мазепы потому вызываетъ у насъ сомнѣніе или недоумѣніе, что мы очень *привыкли* къ его *Бекетовскому* портрету, гдѣ этой бороды нѣтъ. Нѣтъ бороды и на портретахъ гетмановъ Скоропадскаго и Апостола, которые оба умерли глубокими стариками... Но есть бороды на вполнѣ достоверныхъ портретахъ: генер. обознаго Василя Дунинъ-Борковскаго (К. Ст. 1894 г., № 3), генер. судьи Ивана Домонтовича (въ Батурииск. монастырѣ), лубенскаго полковника Максима Ильяшенка (К. Ст. 1891 г., № 1). Все это люди к. XVII в., а Борковскій такъ и совсѣмъ современникъ Мазепы. Отсюда видно, что борода вовсе не была рѣдкостью въ старой Малороссіи на лицахъ людей „высокаго положенія“, но носили бороду только старые люди. Поэтому совершенно естественно видѣть бороду на изображеніяхъ Мазепы заграничной гравюры 1704 г. („die Europäische Fame“) и Вигуринской—1706 г. Никакихъ сомнѣній не представляетъ борода и [на гравюрѣ Норблена, на которой гетманъ изображенъ дѣйствительнымъ старцемъ...

¹⁾ Описываемъ лица на покровской переяславской иконѣ, имѣя перелъ собою фотографію ея копію (лищиною въ 12 верш.), подаренную намъ покойнымъ В. А. Вецомъ.

Какой же изъ описанныхъ здѣсь портретовъ Мазепы можно признать за наиболѣе достовѣрный? ¹⁾ Мы бы сказали, что тотъ, который изображенъ на норбленовской гравюрѣ.. Это дѣйствительно *мастерской портретъ*, а не полуфантастическіе рисунки 1704 и 1706 г. г., а затѣмъ—это портретъ, который гравированъ въ к. XVIII в., *заграницей*, гдѣ Норбленъ могъ найти настоящій портретъ Мазепы, потому что польскіе вельможи сохраняли портретъ этого болѣе или менѣе близкаго имъ человѣка... Не далеко отъ Бродовъ, въ Злочовскомъ „обводѣ“, есть историческое село Подгорцы, сначала, въ XVII в., принадлежавшее Конецпольскимъ, а потомъ королевичу Якову Собѣскому. Въ Подгорцахъ имѣется великолѣпный палацъ, въ которомъ любилъ жить и отецъ собственника Янъ Собѣскій. Впоследствии (1725 г.) Подгорцы перешли къ Ржевусскимъ, а теперь принадлежатъ Сангушкамъ. Подгорецкій палацъ, заключающій въ себѣ множество дорогихъ картинъ и разныхъ предметовъ искусства, подробно описанъ извѣстнымъ польскимъ книжникомъ и археологомъ Шиленскимъ и его описаніе напечатано въ львовскомъ сборникѣ „Dniestrzanka“ (Lwów, 1841, стр. 9—33). Среди портретовъ польскихъ магнатовъ, украшающихъ стѣны замка, есть и рап Мазера, *hetman kozacki*, портретовъ котораго здѣсь показано *два* (стр. 11 и 17). Въмѣстѣ съ Мазепою здѣсь помѣщаются: *Конецпольскій, Ходкевичъ, Ржевускіе, Богданъ Хмельницкій, Карль XII, Августъ II, Августъ III* и друг. ²⁾ Вотъ гдѣ нужно

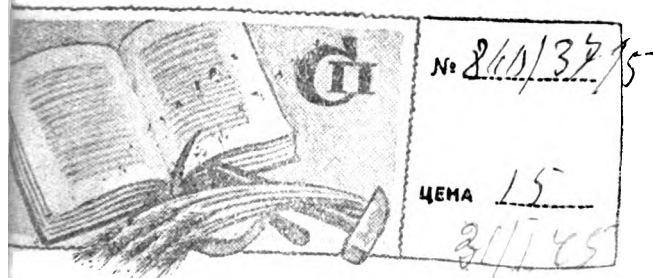
¹⁾ Мы не упомянули здѣсь о портретѣ Мазепы, который описанъ г. Горлепомъ въ К. Стар. 1892 г. (Янв. 603), такъ какъ очевидно („растегнутый кунтушъ“) что это копія *бекетовскаго*. Тѣ „гетманскіе портреты, которые встрѣчаются, по словамъ г. Уманца, (стр. 419) на постояльцхъ дворахъ, въ домахъ помѣщиковъ купцовъ“—все это очевидно снимки съ портретовъ Вант. Баменскаго.

²⁾ По рѣдкости книжки, гдѣ напечатано описаніе подгорецкаго палаца, упомянемъ, что тутъ находятся еще и слѣд. картины, касающіяся Малороссіи „Prjmanie przez wojsko polskie jakiegos hetmana kozackiego, Zygmunt August w senacie na tronie siedzi, a kozacy przysięgę mu składają.—Koniecpolski z kozakami. Есть тутъ и рукописи для насъ интересныя, напр. Regestr pułkowników wojska Zaporozskiego na expedyciją turecką 1620; Inwentarz zamku kijowskiego, spis. r. 1616 po polsku, Pasz ort Iwanowi Bohunowi wolnego przejścia przez wojsko Zaporozkie, w ktorem tenże był pułkownikiem, 1631, po rusku.“

искать достовѣрнаго портрета Мазепы!.. Очень вѣроятно, что оригиналомъ и для Норблена служилъ одинъ изъ сохранныхъ у поляковъ портретовъ Мазепы ¹⁾. Интересно бы найти этотъ портретъ для провѣрки гравюры Норблена, во всякомъ случаѣ представляющей типичное лицо... Быть можетъ *Θ. М. Уманецъ* и правъ, говоря, что въ такого старика могла влюбиться *Кочубеевна*....

¹⁾ Въ *Б. Ст.* за 1890 г., № 1. помѣщена статья — „Старинная южнорусская гравюра“; авторъ ея говоритъ здѣсь (стр. 58) между прочимъ, что въ 6—кѣ Краевскихъ, (въ Варшавѣ) находится старинный портретъ Мазепы, писанный масляными красками, „съ котораго сдѣлана гравюра Норблена“. Лицо очень схоже съ тезисомъ Галыховскаго, но въ немъ Мазепѣ, вмѣсто короткой подстриженной бородки, придѣлана длинная борода въ двѣ космы, „которой Мазепа никогда не носилъ“. Изъ этой выписки не видно—знакомъ ли авторъ лично съ этимъ подлинникомъ гравюры Норблена и откуда ему извѣстно, что Мазепа длинной бороды „никогда“ не носилъ. Свѣдѣнiе объ указываемомъ здѣсь „оригиналѣ“ норбленовской гравюры требуетъ большихъ подробностей, чтобы дѣлать какое нибудь прочное заключенiе, а относительно бороды могло и такъ быть, что Мазепа всегда носилъ (въ старости) длинную бороду, а тѣ „подстриженные бороды“, которыя мы видимъ на апофеозныхъ картинахъ, явились тутъ изъ угодническаго желанiя художниковъ облагородить лицо властелина... По видимому, приведенное замѣчанiе автора статьи „Стар. Южнор. грав.“ о сходствѣ апофеоза Галыховскаго съ гравюрой Норблена даетъ основанiе г. Уманцу уже для заключенiя, что гравюра Галыховскаго служила прототипомъ гравюры Норблена...

№ 260/37/5

ЦЕНА 15

3/1/45

8/4/20-

89099861965

b89099861965a

B89099861965A